

# Умирающее общество и Анархія

Жан Грав



1906

# Оглавление

Глава I Идея анархизма и ея развитіе	4
Глава II Индивидуализм и солидарность	9
Глава III Можно ли упрекнуть нас в отвлеченности?	15
Глава IV Дурен-ли человек сам по себѣ?	20
Глава V Собственность	25
Глава VI Семья	32
Глава VII Государственная власть	37
Глава VIII Судебная власть	42
Глава IX Право карать преступленія и отношеніе к нему ученых	47
Глава X Вліяніе среды	54
Глава XI Патріотизм	60
Глава XII Патріотизм правящих классов	65
Глава XIII Милитаризм	69
Глава XIV Колонизація	75
Глава XV Теорія «низших» рас	80
Глава XVI Почему мы — революціонеры?	86
Глава XVII Принципы и средства борьбы	92
Глава XVIII Революція и анархизм	98
Глава XIX Безполезность реформ	102
Глава XX Экспериментальный метод	114
Глава XXI Что же будет послѣ?	124

<b>Глава XXII Осуществим ли анархический идеал?</b>	<b>128</b>
<b>Глава XXIII Правда без прикрас</b>	<b>132</b>

# Глава I Идея анархизма и ея развитіе

Анархія есть отрицаніе власти. Власть же мотивирует свое существованіе необходимостью защищать различныя общественныя учрежденія — семью, религію, собственность и проч. — и создает с этою цѣлью цѣлый ряд орудій, обезпечивающих ея дѣятельность и санкцію; главныя из этих орудій — закон, судебныя учрежденія, войско, законодательная и исполнительная власть. Вот почему, вынужденная давать отвѣтъ на все, идея анархизма должна была бороться со всѣми общественными предразсудками, должна была бороться со всѣми данными человѣческой науки, с цѣлью показать, что связанныя с нею понятія вполне соотвѣтствуют как фізіологической и психологической природѣ человѣка, так и изученію естественных законов, между тѣм как современная общественная организація, наоборот, противна всякой логикѣ, всякому здравому смыслу, результатом чего и является непрочность наших обществ, которыя постоянно подвергаются революціонным взрывам, вызываемым накопившимся гнѣвом тѣх, кого давит произвол существующих учрежденій. Когда анархисты борются с властью, им приходится, таким образом, критиковать всѣ тѣ учрежденія, защитником которых эта власть является и необходимость которых она старается доказать для оправданія своего собственного существованія.

Поэтому область анархических идей расширяется. Исходя первоначально из простаго политическаго отрицанія, анархизм должен был затѣм подвергнуть критикѣ всѣ экономическіе и общественные предразсудки и выработать такую формулу, которая, отрицая частную собственность, лежащую в основѣ современнаго экономическаго порядка, выражала бы в то же время извѣстныя стремленія по отношенію к будущему. И вот рядом с «анархизмом» естественно стал «коммунизм».

Ниже мы увидим, что существуют утонченные резонеры, которые доказывают, что раз анархизм означает полное и всестороннее развитіе личности, он не может имѣть ничего общаго с коммунизмом. Мы же, напротив, имѣем в виду показать, что личность может развиваться именно только в обществѣ, а это послѣднее может существовать только при условіи свободнаго развитія первой; одно, таким образом, дополняет другое.

Вот это-то разнообразіе разсматриваемых и разрѣшаемых вопросов и содѣйствовало быстрому развитію анархических идей, которыя были вначалѣ достояніем лишь небольшой группы никому неизвѣстных людей, лишенных всяких средств пропаганды, а теперь проникают с большим или меньшим успѣхом и в науку, и в искусство, и в литературу.

Ненависть к власти, требованія соціального характера существовали издавна: они зарождаются с того момента, когда человѣкъ начинает чувствовать, что его угнетают. Но через сколько ступеней, через сколько различных систем должна была пройти эта идея прежде чѣм вылиться в ея настоящую форму?

Первый намек на нее мы находим у Раблэ, в его описаніи Телемскаго Аббатства, но здѣсь она еще совершенно неясна и он считает ее неприложимой ко всему обществу в его цѣлом: доступ в его аббатство разрѣшается только привилегированному меньшинству, при котором состоит цѣлый штат прислуги.

В 93 году уже говорят об «анархистах». Жак Ру и так называемые «неистовые» поняли, по нашему мнѣнію, лучше других смысл революціи и больше всего сдѣлали для того, чтобы обратить ее на пользу народа. Потому то буржуазные историки и оставили их в тѣни; их исторія еще не написана, скрытые в архивах и библіотеках документы еще ждут человѣка, у котораго хватило бы времени и энергіи на то, чтобы вынести их на свѣт божій и объяснить многое из того, что до сих пор остается нам непонятным в этом трагическом періодѣ исторіи. Мы не можем поэтому сдѣлать никакой оцѣнки их программы.

Чтоб найти анархизм как оппозицію власти и государству и как начинающую складываться теорію, нужно дойти до Прудона. Но анархизм здѣсь не больше как теоретическій враг государства: на практикѣ, в своих планах общественной организаціи, Прудон оставляет под различными названіями всѣ тѣ части административной машины, которыя составляют самую сущность правительства. До самаго конца Имперіи анархизм существует во Франціи лишь в видѣ смутнаго мютюэллизма, который в первые годы послѣ Коммуны вырождается в движеніе производительных и потребительных товариществ — движеніе вполне ошибочное, пошедшее по совершенно ложному пути.

Но еще гораздо раньше этого безсильнаго движенія, от новаго дерева народился другой отпрыск. Интернаціонал создал в Швейцаріи «Юрскую Федерацию», в которой Бакунин проповѣдовал идею Прудона — анархію враждебную власти, — но притом развив, расширив ее и слив ее с социальными требованіями. С этого-то времени и начинается настоящее развитіе современнаго анархическаго движенія. Конечно, многіе предрасудки еще жили в умах, в высказываемых идеях еще было много нелогичнаго. В организаціи, принятой тогдашними пропагандистами, еще сохранялось много зародышей власти, много переживаній государственных идей, но как бы то ни было первый шаг был сдѣлан: идея стала затѣм расти, очищаться и все болѣе и болѣе ясно опредѣляться. И когда не больше как каких-нибудь 20 лѣтъ тому назад, анархизм впервые заявил о себѣ во Франціи на одном из конгрессов, то несмотря на то, что новая идея была высказана лишь ничтожным меньшинством и что против нея были не только защитники существующаго порядка, но и тѣ псевдо-революціонеры, которые видят в народных требованіях только средство придти ко власти — несмотря на все это в ней оказалось достаточно способности к развитію, чтобы утвердиться (хотя у ея сторонников не было никаких средств пропаганды, кромѣ собственной энергіи), достаточно силы, чтобы заставить защитников существующаго капиталистическаго строя бороться и преслѣдовать ее, а людей добросовѣстных — ее обсуждать. Это лучшее доказательство ея жизнеспособности и силы.

Таким образом, несмотря на крестовый поход, предпринятый против нея всѣми тѣми, кого можно считать представителями различных фракцій общественнаго мнѣнія, несмотря на клевету, на осужденія, на тюрьму, анархическая идея проложила себѣ дорогу. Основываются группы; во Франціи, Бельгіи, Италіи, Испаніи, Португаліи, Голландіи, Англии, Норвегіи, Америкѣ, Австраліи и Россіи создаются органы для

пропаганды на всевозможных языках — славянских, нѣмецком, еврейском, армянском — и во всевозможных мѣстностях. Но, что еще важнѣе, от небольшой группы недовольных анархическія идеи проникают во всѣ классы общества, повсюду, гдѣ только работает человѣческій ум. Искусство, наука, литература проникаются новыми идеями и служат их носителями.

В началѣ, эти идеи были не больше, как мало сознательными формулами, неясными требованіями — часто скорѣе простыми проявленіями протеста, чѣм дѣйствительными убѣжденіями. Теперь же анархическія идеи не только ясно формулируются, но люди, которые их распространяют, вполне сознают, что распространяют именно анархизм, и не страшатся назвать его собственным его именем.

Итак, уже не одни анархисты находят теперь, что существующій порядок дурен весь цѣликом и что его нужно измѣнить. Жалобы на существующее и стремленіе к лучшему можно встрѣтить даже у тѣх, кто считает себя защитником современнаго положенія вещей. Мало того: люди начинают чувствовать, что нельзя довольствоваться бесплодными пожеланіями, что нужно работать для осуществленія своего идеала, начинают понимать и проповѣдовать пропаганду дѣлом и примѣром. Иначе говоря, сравнивая то удовлетвореніе, которое доставляет человѣку сознание, что он поступает согласно своим убѣжденіям, и тѣ непріятности, которыя ему может доставить нарушеніе существующих законов, люди стараются по возможности согласовать свою жизнь с своими взглядами — насколько темперамент данной личности может сопротивляться преслѣдованіям общественнаго возмездія. Эта быстрота развитія анархических идей зависит от того, что, хотя с самаго начала они противорѣчат многим принятым идеям и установившимся предрассудкам и пугают тѣх, кто слышит о них в первый раз, онѣ в сущности отвѣчают на ряд затаенных чувств и смутных запросов и дают человѣчеству в конкретной формѣ тот идеал благосостоянія и свободы, о котором оно прежде едва осмѣливалось мечтать. Эти идеи казались страшными с перваго взгляда, потому что проповѣдовали ненависть и презрѣніе к многим из тѣх учреждений, которыя считались необходимыми для жизни общества, и доказывали, в противоположность принятым взглядам, что эти учрежденія вредны по самому своему существу, а не потому только, что они находятся в руках слабых или дурных личностей. Онѣ говорили толпѣ, что не нужно довольствоваться смѣной личностей, стоящих у власти, и частичными улучшеніями в учрежденіях, но нужно прежде всего разрушить то, что дѣлает людей дурными и дает возможность меньшинству пользоваться всѣми силами общества для угнетенія большинства. Онѣ показывали, что то, что до сих пор считалось причиной зла, от котораго страдает человѣчество, есть ничто иное как послѣдствіе зла гораздо болѣе глубокаго, что нужно, слѣдовательно, измѣнить самыя основы общественнаго устройства.

Но, как мы уже видѣли выше, в основаніи современнаго общества лежит частная собственность. Защита капитала — единственная цѣль существованія власти. Организація семьи, чиновничества, арміи, суда прямо вытекает из существованія частной собственности. Задача анархистов состояла, слѣдовательно, в том, чтобы доказать несправедливость захвата земли и продуктов труда прошлых поколѣній меньшинством тунеядцев и подорвать авторитет власти, показав ея вред для человѣческаго развитія, ея роль покровительницы привилегированных классов и ничтожество тѣх принципов, на которыя она опиралась для оправданія своих учреждений.

То, что отталкивало от анархизма людей личных интриг и личного тщеславия, заставляло, наоборот, людей мыслящих изучать и обдумывать те идеи, которые он приносил с собою. Дело в том, что в них нет места ни личным соображениям, ни мелкому самолюбию; они не могут служить средством для тех, кто видит в рабочих требованиях не больше как способ завоевать себе место в рядах эксплуататоров. Мотылькам политики нечего делать в рядах анархистов. Там нет, или почти нет, места ни мелким личным интересам, ни ряду кандидатур, открывающих поле всевозможным надеждам и компромиссам. В партиях политиков или социалистогосударственников какой-нибудь карьерист всегда может подготовить незамысловатым образом свое «обращение» так, что товарищи замечают его уже много времени спустя после того как оно совершилось. У анархистов это невозможно: всякий, кто согласился бы занять какой-нибудь пост в современном обществе, после того как он сам доказывал, что все те, кто занимает эти места могут держаться на них только при условии быть вместе с теми защитниками существующего порядка, будет тотчас же заклеймен названием ренегата, потому что у него не может быть никаких оправданий для его «эволюции». Вот почему то самое, что навлекло на идею анархизма ненависть интриганов, вызывало вместе с тем на размышление людей искренних; этим и объясняется ее быстрый успех.

Что, в самом деле, возразить людям, которые доказывают, что если вы хотите, чтобы ваши дела шли хорошо, вы должны делать их сами, а не давать на это полномочий другим? В чем можно упрекнуть людей, которые говорят, что если вы хотите быть свободными, то вы не должны никому поручать «управлять» собою? Что ответить тем, кто показывает вам причины бедствий, от которых вы страдаете, указывает средства избавиться от них, и при этом не только не говорит, что эти средства находятся у него в руках, но, напротив, старается внушить вам, что только вы, вы сами, можете судить о том, что вам нужно и чего, наоборот, вам следует избегать.

Если какая-нибудь идея обладает достаточною силою чтобы внушить людям твердые убеждения, за распространение которых они борются и страдают, ничего не ожидая в смысле непосредственных результатов — такая идея уже по одному этому является в глазах искренних людей достойной изучения; так именно случилось и здесь. И вот, несмотря на крики негодования одних, на злобу других, на преследования правительств, идея все растет и развивается, доказывая буржуазии, что голос правды ни заглушить, ни заставить замолчать нельзя. Рано или поздно с ним приходится считаться.

Анархизм имеет своих мучеников — умерших, заключенных в тюрьмы, изгнанных, — но он остается живым и полным сил, и число его пропагандистов все растет. Среди них есть и пропагандисты сознательные, понявшие все величие идеи, и пропагандисты случайные, которые просто выражают свою ненависть к учреждениям, задвигающим их сокровенные чувства или их инстинктивную потребность правды и справедливости. По своей ширине анархические идеи привлекают всех тех, в ком живо чувство собственного достоинства, кто жаждет справедливости, и красоты истины. Быть свободным от всякого принуждения, от всякого стеснения — не есть ли это, в самом деле, идеал человека, и не с этой ли целью производились все революции? Ведь если люди все еще терпят над собою гнет эксплуататоров, если человеческий ум до сих пор томится в тисках понятий капиталистического общества, то это потому, что

общепринятые взгляды, рутина, предрассудки и невежество брали всегда верх над мечтами о свободѣ и стремленіем к независимости и заставляли тѣх самых людей, которые только что изгнали тѣх, кто господствовал над ними, вмѣсто освобожденія, избрать себѣ новых господ.

Анархическія идеи пролили свѣтъ не только в умы рабочих, но и в умы всевозможных мыслителей, которым онѣ помогли разобраться в своих собственных чувствах, показали настоящія причины окружающей бѣдности и средства для ея устраненія, показали в чем цѣль и гдѣ ведущій к ней путь, объяснили, почему всѣ прошлыя революціи кончались неудачей.

Именно этой тѣсной связью анархических идей с сокровенными чувствами человека и объясняется их быстрое развитіе; именно она придает им силу и дѣлает их неуязвимыми. Напрасно направляется на них и на их пропагандистов и злоба правительств, и различныя репрессивныя мѣры, и ненависть неудовлетвореннаго тщеславія: онѣ уже проложили себѣ дорогу и ничто не может помѣшать им развиваться и стать идеалом всѣх обездоленных, лозунгом всѣх их попыток к освобожденію.

Капиталистическое общество так узко и мелочно, всякое широкое стремленіе в нем так подавляется, оно убивает столько хороших побужденій, оскорбляет в большей или в меньшей степени личное достоинство стольких людей, не могущих примириться с узостью господствующих в нем понятій, что если бы даже ему удалось заглушить на время голос современных анархистов, то скоро само угнетеніе вызвало бы к жизни новое поколѣніе их, такое же непримиримое.



## Глава II Индивидуализм и солидарность

«Анархія и коммунизм несомѣстимы», говорят нам многіе недобросовѣстные противники, мало заботящіеся о выясненіи вопроса. «Коммунизм, это — организація; он стѣсняет развитіе личности, а потому мы не хотим его. Мы — индивидуалисты, анархисты и больше ничего», говорят с другой стороны нѣкоторые, даже искренніе люди — люди, которым хочется быть болѣе крайними, чѣм их товарищи, и которые, не обладая оригинальностью мысли, стараются преувеличить извѣстныя идеи, доводя их до абсурда. А около них группируются и тѣ личности, которых правительствам всегда выгодно послать в среду своих противников для поселенія в ней раздора.

И вот анархисты начинают спорить об анархизмѣ, коммунизмѣ, инициативѣ, организаціи, о вредном или полезном вліяніи группировки, об эгоизмѣ и альтруизмѣ и еще о массѣ вещей одна нелѣпѣе другой, потому что в результатѣ этих споров между добросовѣстными противниками в концѣ концов оказывается, что всѣ стремятся к одному и тому же, только под различными названіями.

В самом дѣлѣ, анархисты, заявляющіе себя коммунистами, первые готовы признать, что не личность создана для общества, а наоборот общество имѣет цѣлью доставить личности наиболѣе благопріятныя условія для ея развитія. Когда нѣсколько человек соединяются вмѣстѣ и соединяют свои усилія, то они очевидно дѣлают это для того, чтобы получить возможно большую сумму наслажденій при наименьшей тратѣ сил. Они вовсе не имѣют намѣренія принести свою инициативу, свою волю, свою личность в жертву какой-то отвлеченности, которая не существовала перед тѣм как они соединились и перестанет существовать, как только они разойдутся.

Сберечь свои силы и вмѣстѣ с тѣм добиться от природы предметов необходимых для существованія, получить которыя можно только соединенными усиліями такова была, несомнѣнно, цѣль первых начавших группироваться человѣческих существ; во всяком случаѣ, эта цѣль, если и не была признана, то молчаливо подразумѣвалась в первых человѣческих обществах, которыя, может быть, даже были временными и распадались как только намѣченное дѣло было выполнено.

Итак, никто из анархистов не собирается подчинить существованіе личности потребностям общества.

Полная свобода личности во всѣх проявленіях ея дѣятельности — таково наше общее требованіе. Когда же являются люди, которые отрицают организацію, признают только личность и говорят, что им нѣтъ дѣла до общества, что правилом поведенія должен быть личный эгоизм, что поклоненіе собственному я должно стоять выше всѣх гуманных соображеній, — и при этом считают себя болѣе крайними чѣм другіе, то это показывает только одно: что они никогда не изучали психической и физической организаціи человека и даже никогда не пытались отдать себѣ отчет в своих собственных чувствах; они не имѣют никакого представленія о жизни современнаго человека, о его физических, умственных и нравственных потребностях.

В современных обществах нам приходится иногда видѣть таких полных эгоистов: Делобелли, Гіальмары Эйкдали нерѣдки и встрѣчаются не только в романах. Иногда — хотя и не особенно часто — случается встрѣчать таких людей, думающих только о себѣ, не видящих ничего в мірѣ кромѣ собственной личности. Если они сидят за столом, они без церемоніи берут себѣ лучшій кусок; они расточительны внѣ дома, в то время как их семья умирает с голоду. Они принимают как должное всевозможныя жертвы со стороны всѣх — отца, матери, жены, дѣтей — а сами спокойно сидят сложа руки, или без церемоній пользуются жизнью. Чужія страданія не идут в счет — лишь бы только в их собственном существованіи все шло гладко. Мало того, они даже не замѣчают, что другіе страдают ради них и из-за них: когда они сыты и довольны, им кажется, что и все человѣчество счастливо и отдыхает. Таков тип настоящего эгоиста в абсолютном смыслѣ слова, но это вмѣстѣ с тѣм и тип вполне ничтожной личности. Даже самый отвратительный буржуа не приближается к этому типу: он все таки иногда любит своих близких или, во всяком случаѣ, питает к ним какое-то чувство, похожее на любовь. Мы не думаем, чтобы даже самые искренніе сторонники индивидуализма хотѣли возвести этот тип в идеал будущаго человѣчества. С другой стороны и анархисты-коммунисты вовсе не хотят проповѣдовать для будущаго общества самопожертвованіе личности и ея отказ от собственного блага. Но, отрицая отвлеченное понятіе об «обществѣ», они отрицают вмѣстѣ с тѣм и то отвлеченное понятіе об «индивидуумѣ», которое стремились создать их противники, доводя, таким образом, теорію до абсурда.

Личность имѣет право на полную свободу, на удовлетвореніе всѣх своих потребностей — это несомнѣнно. Но так как на земном шарѣ существует больше миллиарда таких личностей, если и не с равными потребностями, то с равными правами, то всѣм этим правам нужно дать удовлетвореніе так, чтобы они не мѣшали друг другу: иначе произойдет угнетеніе одних другими и совершаемая революція окажется бесполезной.

Наш чудовищный общественный строй, основанный на антагонизмѣ интересов, ставит людей в враждебное отношеніе друг к другу и заставляет их грызться для обезпеченія себѣ возможности существовать; это в значительной мѣрѣ содѣйствует путаницѣ в понятіях. В настоящем обществѣ приходится быть или вором, или обкрадываемым, или угнетателем, или угнетаемым — середины нѣтъ. Тот, кто хочет помочь другому, часто рискует быть одураченным; отсюда плохо разсуждающій человѣкъ выводит заключеніе, что люди не могут жить не борясь друг с другом.

Анархисты же говорят, напротив, что общество должно быть основано на самой тѣсной *солидарности*. В том обществѣ, к осуществленію котораго они стремятся, счастье одного не должно, даже в самой малѣйшей степени, быть в ущерб другому; наоборот, благосостояніе одной личности должно вытекать из благосостоянія всѣх; если независимости или благополучію одной какой-нибудь личности будет нанесен ущерб, то нужно чтобы этот ущерб чувствовался и всѣми остальными, чтобы они в силу этого могли исправить сдѣланное зло. Пока же этот идеал не осуществится, пока эта цѣль не будет достигнута, всѣ ваши общества, будут только организованным произволом, против котораго угнетенныя личности будут имѣть полное право протестовать.

Если бы человек мог жить один, если бы он мог вернуться к первобытному состоянию, нам нечего было бы говорить о том, как он будет жить, каждый жил бы как хочет. Земля достаточно велика, чтобы дать приют всем, но дала ли бы она достаточно для всех пропитание, если ее предоставить самой себе?

В этом далеко нельзя быть уверенным; результатом, вероятно, явилась бы ожесточенная борьба между личностями, «борьба за существование» первобытных времен во всем ее ужасе. Весь ход эволюции пришлось бы начинать сначала: более сильные стали бы притеснять более слабых, а затем их место заняли бы люди ловкие, причем сила денег заменила бы собою силу физическую.

Если нам пришлось пережить весь этот период кровопролития, нищеты и эксплуатации, называемый человеческой историей, то это зависело именно от того, что человек был эгоистом в полном смысле слова, без всякого смягчения, без всякого противодействующего влияния. Во всякой ассоциации он видел прежде всего удовлетворение своей непосредственной потребности. Когда ему представлялась возможность поработать более слабого, он делал это без всяких стеснений; он не видел ничего кроме той работы, которую может произвести поработанный, и не думал о том, что необходимость надзора за ним и необходимость подавлять в будущем различные возмущения в конце концов потребует столько же труда и что выгоднее было бы работать вместе, помогая друг другу. Таким образом установились власть и собственность, и если мы хотим их уничтожить, то уже во всяком случае не для того, чтобы начать сзизнова всю прошлую эволюцию.

Если мы примем, что человеком должен руководить лишь один чистый эгоизм, лишь поклонение собственному я, то это будет значить, что он должен броситься очертя голову в общую свалку и стремиться только удовлетворить самого себя, не заботясь о том, не мешает ли это кому-нибудь другому. Сказать это — значит сказать, что будущая революция должна произойти в пользу более сильных, что новое общество должно быть основано на вечных столкновениях между личностями. А если так, то нам нечего было бы ссылаться ни на какую идею всеобщего освобождения; тогда оказалось бы, что мы возмущаемся против современного общества только потому, что его капиталистическая организация мешает лично нам пользоваться его благами.

Возможно, что среди людей, называвших себя анархистами, и были такие, которые становились на эту точку зрения. Может быть именно от этого зависит факт изменений и превращений тех, которые сначала были самыми яркими, а затем перешли в ряды защитников существующего строя, потому что это оказалось для них более выгодным.

Конечно, мы боремся с современным обществом потому, что оно не дает удовлетворения нашим стремлениям, но мы понимаем, что в наших интересах, чтобы это удовлетворение потребностей было распространено на всех членов общества.

Человек всегда эгоист, он всегда стремится сделать из своего я центр вселенной. Но по мере того, как его ум развивается, он начинает понимать, что если его я требует удовлетворения, то есть и другие я, которые требуют того же самого и, чувствуя себя неудовлетворенными, начинают заявлять о своих правах. Вот почему мистики и сентименталисты стали проповедовать самоотречение и самопожертвование ради других.

Понемногу, однако, несмотря на продолжающуюся проповѣдь принесенія личности в жертву обществу — проповѣдь, не меньше грубой силы содѣйствовавшую его поддержанію — произвол начал смягчаться, предоставляя все большій простор развитію личности. Если узкій, дурно понятый эгоизм мѣшает развитію общества, то с другой стороны самоотреченіе и дух самопожертвованія оказываются вредными для личности. Не всякій может жертвовать собою для других, особенно если эти другіе ему посторонніе. В концѣ концов такое самопожертвованіе может оказаться даже вредным для человѣчества, потому что оно дает простор господству умов узких и эгоистических, в дурном смыслѣ этого слова и таким образом доставляет преобладаніе наименѣе совершенному типу человѣчества. Чистый альтруизм в точном смыслѣ слова точно также не может поэтому прочно утвердиться, как и эгоизм.

Но если, взятые в отдѣльности и доведенные до крайности, эгоизм и альтруизм оказываются оба вредными как для личности, так и для общества, то, соединившись в одно, они образуют третье начало, которое и должно лечь в основаніе будущих обществ. Это начало — солидарность.

Предположим, что нас нѣсколько человѣкъ и что мы соединяемся с цѣлью удовлетворенія какой-нибудь потребности. Если в нашей ассоціаціи нѣтъ ничего принудительнаго, никакого произвола, а она обуславливается исключительно нашими нуждами, то мы очевидно внесем в нее тѣм больше силы и энергіи, чѣм сильнѣе мы будем чувствовать данную потребность. Всѣ мы участвуем в производствѣ и всѣ имѣем очевидно право на потребленіе, а так как для того, чтобы имѣть возможность удовлетворить потребностям всѣх, эти потребности будут рассчитаны заранѣе (включая сюда и новыя потребности, которыя можно будет предвидѣть), то в распредѣленіи продуктов без труда установится солидарность. Недаром говорят, что взгляд человѣка может объять больше чѣм сколько входит в его желудок: чѣм сильнѣе будет у него какое-нибудь желаніе, тѣм дѣятельнѣе будет он стремиться к его осуществленію, и таким образом произведет не только все то, что нужно для его сотоварищей, но сможет удовлетворить даже и тѣх, у которых явится желаніе обладать данным предметом только тогда, когда он будет уже существовать. Потребности человѣка безконечно разнообразны; также безконечно разнообразны будут виды его дѣятельности и средства к удовлетворенію этих потребностей, и именно это разнообразіе будет содѣйствовать общей гармоніи.

В нашем обществѣ, гдѣ люди, для полученія необходимых для жизни предметов, привыкли всегда рассчитывать на чужой труд, они преслѣдуют только одну цѣль: достать себѣ побольше денег, чтобы имѣть возможность купить себѣ что угодно; а так как ручной труд едва позволяет человѣку не умереть с голоду, то всякій, кто может, старается добыть себѣ денег как-нибудь иным путем, только не трудом: один становится чиновником, другой журналистом (причем не останавливается и перед шантажем); тот, у кого есть нѣкоторый капитал, начинает торговать, увеличивать свой доход, обманывая своих сограждан, занимается спекуляціей и ажіотажем, или же эксплуатирует чужой труд. Люди прибѣгают к всевозможным низостям и не дѣлают единственнаго дѣла, которое могло бы удовлетворить всѣх: не занимаются полезным, производительным трудом. Каждый заботится только о себѣ, совершенно не думая о тѣх, кому он наносит ущерб; отсюда тот безразсудный эгоизм, который стал, повидимому, единственным двигателем человѣческих поступков.

Но по мѣрѣ того как человекъ развивается, он перестает жить только ради себя одного; тип дѣйствительно развитого эгоиста, это — человекъ который страдает от страданія окружающих, который не может наслаждаться, когда он знает, что его наслажденіе покушается благодаря недостаткам нашего общественнаго устройства, цѣною чужого страданія. В средѣ буржуазіи встрѣчаются люди с очень развитою чувствительностью; если вліяніе среды, воспитанія, наслѣдственности не помѣшает им думать об общественных бѣдствіях и отдавать отчет в собственной жизни, они начинают стараться по возможности облегчить эти бѣдствія путем благотворительности. Развиваются различныя благотворительныя учрежденія; но вслѣдствіе привычки смотрѣть на настоящее общественное устройство как на нормальное, а на бѣдность — как на явленіе долженствующее существовать вѣчно, всѣ эти учрежденія носят сухой, инквизиторскій характер.

Дѣло в том, что для человека родившагося, воспитавшагося, развившагося в теплой атмосферѣ благосостоянія и роскоши, очень трудно, даже невозможно без каких-нибудь исключительных обстоятельств, начать сомнѣваться в законности того положенія, которым он пользуется. Что же касается разбогатѣвшаго выскочки, то для него это еще труднѣе, потому что он убѣжден, что достиг своего настоящаго положенія исключительно благодаря своему труду и своим талантам. Религія, политическая экономія и буржуазное самодовольство столько раз повторяли нам, что труд — наказаніе, а бѣдность — послѣдствіе непредусмотрительности, что трудно ожидать, чтобы человекъ, которому никогда не приходилось бороться с судьбой, не считал себя существом высшей породы. С того момента, когда он начнет в этом сомнѣваться, когда он примется изучать современное общественное устройство, если только он способен понять его недостатки, всѣ его удовольствія будут отравлены в самом их источникѣ. Мысль, что роскошь, которою он пользуется, покушается цѣною бѣдствій цѣлой массы рабочих, что каждое его удовольствіе оплачено страданіями тѣх, кто жертвовал собою, чтобы создать его, сдѣлается для него источником страданій. И если в этом человекѣ, наравнѣ с чувствительностью, развито и стремленіе к борьбѣ, то из него выйдет революціонер, борющійся с существующим общественным строем, который не может обезпечить ему даже умственнаго и нравственнаго удовлетворенія.

Не нужно забывать, в самом дѣлѣ, что социальный вопрос не исчерпывается одною матеріальною стороною жизни. Конечно, мы боремся прежде всего за то, чтобы всѣ были сыты, но наши требованія на этом не останавливаются: мы боремся, вмѣстѣ с тѣм, и за возможность для всякаго развивать свои способности, пользоваться тѣми умственными наслажденіями, которых требует его мозг. Для многих анархистов вопрос правда ставится иначе, и отсюда-то и вытекают всѣ эти разнообразныя толкованія и споры об эгоизмѣ, альтруизмѣ и т. под. Вопрос о хлѣбѣ — вопрос первостепенной важности, но для самаго успѣха революціи было бы очень опасно ограничиваться им одним, потому что в таком случаѣ можно было бы принять и идеал социалистическаго государства, которое может и должно обезпечить всѣм удовлетвореніе матеріальных потребностей.

Если бы будущая революція ограничилась в своих требованіях одним вопросом матеріальной жизни, ей грозила бы опасность остановиться на пол-пути, выродиться в какую-то оргію, послѣ которой революціонеры легко сдѣлались бы добычей штыков

буржуазной реакціи. К счастью, этот вопрос, наиболее важный — мы вполне с этим согласны — для мира рабочих, совершенно лишенных, вследствие все более и более усиливающейся безработицы, возможности быть уверенными в завтрашнем дне, не есть единственный вопрос, разрешение которого предстоит будущей революции. Несомненно, что первое, что должны будут сделать анархисты для обеспечения успеха революции, это — завладеть общественным богатством, призвать обездоленных, захватить магазины, орудия и землю, устроиться в здоровых квартирах, разрушить те трущобы, в которых они вынуждены жить теперь; возставший народ должен будет уничтожить все документы, устанавливающие права на собственность; нотариальные документы, кадастры, записи — все это должно будет быть пересмотрено и «очищено». Но для выполнения всей этой работы мало людей просто голодных: для этого нужны люди сознающие свое личное достоинство, ревниво стоящие за свои права, твердо стремящиеся к завоеванию их и умеющие их защитить. Вот почему для этого переворота недостаточно разрешения одного вопроса материального обеспечения. И вот почему, рядом с требованием права на существование, которое ставят анархисты, возникают всевозможные вопросы науки, искусства, философии, которые анархистам приходится изучать и выяснять, так что анархические идеи должны обхватывать собою все области человеческого знания. Повсюду они черпают аргументы в свою пользу, повсюду они находят сторонников, которые приносят им свои требования и свои знания. Человеческие знания так обширны, что даже наиболее одаренные умы могут вместить лишь часть их; поэтому идея анархизма не может сконцентрироваться в умах нескольких личностей, которые начертали бы ей границы и предписали бы программу: она может разрабатываться только общими усилиями, когда каждый вкладывает в нее свои знания, и это-то именно и составляет ее силу, потому что только такое сотрудничество всех может дать ей возможность стать выразительницей стремлений человечества.

## Глава III Можно ли упрекнуть нас в отвлеченности?

«Ваши идеи слишком отвлеченны», часто говорят нам многие из тех, кто думает, что, обращаясь преимущественно к рабочим, мы достигли бы своей пропагандой больших результатов, если бы не ставили вопросы так широко.

Выше мы уже видели, что само развитие идей заставляет нас заниматься такими вопросами, которые не всегда доступны нашей публике; это — неизбежное явление, которому нам приходится подчиняться и против которого мы ничего не можем сделать. Не спорим, для людей только что начинающих знакомиться с общественными вопросами, наша литература кажется иногда сухой и отвлеченной; но разве наша вина, если таков сам предмет, который мы рассматриваем и должны рассматривать? Разве наша вина, если защищаемые нами идеи тесно сплетаются между собою, сливаются со всеми отраслями человеческого знания и, в силу этого, заставляют всякого, кто хочет выяснить их себе, заняться изучением таких предметов, в которых он раньше вовсе не предвидел надобности? Да, кроме того, разве предварительная работа, которой нам предлагают ограничиться, не сделана уже теми социалистами, которые были нашими предшественниками? Разве сама буржуазия не разрушает своего общества? Разве даже различные честолюбцы — радикалы и больше или меньше истинные социалисты — не стараются всеми силами доказать рабочим, что современное общество ничего не может для них сделать, что его нужно изменить? Анархистам остается только разобраться во всей этой громадной работе, привести ее в порядок и сделать вывод. Их роль ограничивается тем, чтобы указать средства избавиться от угнетающего нас зла, чтобы доказать, что устранить все нежелательные явления, которые так успешно критикуют разные стремящиеся ко власти буржуа, можно только тогда, если мы не будем довольствоваться изменением только одной какой-нибудь части общей машины. Именно потому и сложна наша работа что идеи, с которыми нам приходится иметь дело, сами по себе отвлеченны. Если бы мы согласились удовольствоваться одной декламацией и голословными утверждениями, то и наша задача, и задача наших читателей была бы очень легка. Не было бы ни трудных вопросов, ни надобности в аргументах и логике, потому что говорить и писать фразы в роде: «Товарищи! хозяева нас грабят! Буржуа — негодяи, правительственные лица — мошенники! Возстанем, убьем всех капиталистов, подожжем фабрики!» и т. под. очень нетрудно. Но ведь и до того, как начали это писать, эксплуатируемые убивали иногда своих эксплуататоров, угнетаемые совершали революции, бедные возставали против богатых, и однако все это не изменило положения. Правители сменились; в 1789 году собственность перешла из одних рук в другие; после того было сделано еще несколько революций в надежде совершить новое ее переименование,

и все-таки правительства продолжают угнетать своих подданных, а богатые живут на счет эксплуатируемых ими бѣдняков; в этом отношеніи ничего не измѣнилось.

Затѣм, уже послѣ того, как эти мысли были высказаны в литературѣ, точно также были новыя революціи, и все-таки положеніе вещей осталось тѣм же! Дѣло в том, что недостаточно говорить и писать, что рабочаго эксплуатируют: нужно еще объяснить ему, что, мѣняя своих правителей, он не перестает быть эксплуатируемым и что если бы он даже сам стал на их мѣсто, он сдѣлался бы в свою очередь таким же эксплуататором, а позади него осталась бы эксплуатируемая масса, которая выставила бы против его господства тѣ же самыя обвиненія, которыя он теперь выставляет против тѣх, кого он хочет смѣстить. Нужно объяснить кромѣ того рабочим, каким образом буржуазія сумѣла привязать их к существующему обществу и заставить их защищать интересы эксплуататоров даже тогда, когда они думают, что защищают свои собственные, — все это благодаря такому устройству, которое не может дать рабочему ничего, кромѣ никогда не исполняющихся обѣщаній.

Само буржуазное общество, всей своей организаціей, основанной на антагонизмѣ интересов, ведет рабочих к революціи; они всегда и дѣлали революціи, но точно также всегда и позволяли обратить их в пользу других, потому что они «не знали» заранѣе. Роль пропагандистов состоит именно в том, чтобы «научить» рабочих, а чтобы «научить» нужно «доказать». Голословное утвержденіе может создать людей вѣрующих, но не людей сознательных.

В тѣ времена, когда даже у самых крайних социалистов власть считалась основой всякой организаціи, имѣть только вѣрующих не представляло никаких неудобств; это даже облегчало задачу тѣх, кто брался ими руководить: они могли ограничиваться одними утвержденіями и им вѣрили или не вѣрили, смотря по степени того вліянія, которое они сумѣли пріобрѣсти. А так как эти руководители вовсе не стремились к тому, чтобы их послѣдователи понимали, почему их заставляют дѣйствовать так или иначе, а требовали от них только вѣры, которая побуждала бы их слѣпо повиноваться полученным приказаніям, то им и нечего было ломать себѣ голову над доставленіем им аргументов. Масса вѣрила в высших личностей, поставленных для того, чтобы думать и дѣйствовать за нее, и не нуждалась в знаніи: вѣдь у вождей есть, думала она, заранѣе выработанный, готовый план общественнаго переустройства, который они приложат на практикѣ, как только придут ко власти. Все, что требовалось от людей из толпы, это — умѣть драться и умирать. А как только вожди придут ко власти, народ может больше не беспокоиться: все будет сдѣлано в свое время.

Но с появленіем анархических идей все это измѣнилось. Отрицая необходимость «посланных свыше» личностей, борясь с властью, требуя для каждаго человѣка права и обязанности дѣйствовать только по его собственному желанію, внѣ всякаго принужденія, внѣ всякаго стѣсненія его свободы, считая личную инициативу основой всякаго прогресса, всякой дѣйствительно свободной ассоціаціи, анархическая идея не может уже довольствоваться тѣм, чтобы создавать вѣрующих: она должна стремиться, главным образом, создавать людей убѣжденных, знающих, почему именно они вѣрят, людей, которые взвѣсили и обсудили представленные им аргументы и сами оцѣнили их. А это ведет к тому, что пропаганда становится болѣе трудной, болѣе отвлеченной, но вмѣстѣ с тѣм и болѣе плодотворной.



Но раз поступки людей зависят только от их собственной инициативы, то они должны иметь возможность и приложить эту инициативу. Для того же, чтобы она могла свободно согласоваться с действиями других, она должна быть сознательной, разумной, основанной на логике и фактах; чтобы все отдельные действия вели к одной общей цели, они должны основываться на одной общей идее, ясно понятой и хорошо выработанной, а только строгое, логическое и точное обсуждение может повлиять на ум ее сторонников и заставить их думать самостоятельно.

Этим и обуславливается наш способ действия: когда мы имеем дело с какой-нибудь идеей, мы не извлекаем из нее фейерверка эффектных фраз, а рассматриваем ее со всех сторон и анализируем во всех подробностях, чтобы почерпнуть из нее все возможные аргументы.

Совершить такой общественный переворот, к какому мы стремимся, а в особенности — как это желательно для нас — переворот повсеместный, конечно, дело нелегкое. Люди, живущие в нашем обществе, мало склонны, как бы жестоко ни оказывалось по отношению к ним это общество, стремиться, как стремимся мы, к полному общественному перевороту: они все таки привыкли видеть в существующем обществе некоторое обеспечение возможности благосостояния для себя. Они понимают, что общество не исполняет своих обещаний по отношению к ним, но не могут понять необходимости его полного разрушения: у каждого есть в запасе маленькая реформа, которая должна послужить смазкой для колес общественной машины и пустить ее в ход к вящему удовольствию всех. Поэтому они хотят знать, послужит ли этот переворот им во-вред или в пользу, и задают целый ряд вопросов, из которых вытекает обсуждение всех приобретений человеческого ума с целью узнать, будут ли они продолжать существовать после той революции, которую мы стремимся вызвать.

Понятны, поэтому, те затруднения, с которыми встречается рабочий, когда перед ним ставится ряд вопросов, о которых благоразумно умалчивают в школах, вопросов, в которых ему трудно разобраться и о которых он, в большинстве случаев, слышит в первый раз. А между тем, если он только хочет иметь воспользоваться той свободой, к которой он стремится, если он не хочет потратить свои силы себе во вред, а главное — если он хочет иметь обходиться без «посланных свыше» личностей, внимательное изучение и разрешение этих вопросов для него необходимо.

Когда перед пропагандистом анархической идеи возникает какой-нибудь, хотя бы самый отвлеченный, вопрос, он не может устранить этой присущей ему отвлеченности, не может обойти его молчанием под тем предлогом, что его слушатели никогда не слышали о нем или неспособны его понять. Все, что он может сделать, это — изложить ее ясным, точным и сжатым языком, избегая тех слов, которые один мой товарищ сравнил с многоножками, т. е. слов понятных только для посвященных, не зарывать мысль в громкой и напыщенной фразеологии, не стремиться к фразам и эффектам — одним словом сделать ее понятной и дать ей возможность проникнуть в массу. Но мы не можем уродовать идею под тем предлогом, что она недоступна этой массе.

Если только захотят оставить в стороне все те вопросы, которых большинство читателей не поймет с первого же раза, то пришлось бы удовольствоваться декламацией и нанизыванием ничего не значущих фраз. Буржуазные фразеры слишком хорошо играют эту роль для того, чтобы мы стремились ее у них отнять.

Если рабочіе дѣйствительно хотят освободиться, они должны понять, что это освобожденіе не придет само собою, что его нужно завоевать и что саморазвитіе есть одна из форм соціальной борьбы. Возможность и продолжительность их эксплуатаціи буржуазным классом обусловливается их невѣжеством; если они хотят быть способными освободиться матеріально, они должны сумѣть освободиться и умственно. А если они останавливаются перед трудностями этого освобожденія, зависящаго исключительно от их желанія, что же будет когда они станут лицом к лицу с трудностями болѣе активной борьбы, гдѣ потребуется несравненно большая сила воли и характера?

Несмотря на всю бесполезность, на весь вредный характер буржуазіи, в умах нѣкоторых из ея представителей, во всяком случаѣ, сосредоточились всѣ научныя знанія, нужныя для развитія человѣчества, и если мы не хотим, чтобы революція была шагом назад, нужно, чтобы рабочій оказался способным замѣнить того буржуа, котораго он хочет свергнуть, чтобы он не задержал своим невѣжеством развитіе уже пріобрѣтенных знаній. Если даже он не может как слѣдует владѣть этими знаніями, он должен быть, во всяком случаѣ, способным их понять, когда ему придется с ними столкнуться.

Мы вполне понимаем, что терпѣть трудно, что человѣкъ, который голодает, хотѣл бы, наконец, дожить до того дня, когда он сможет утолить свой голод, что тѣм, которые едва переносят иго власти и ждут с нетерпѣніем возможности его свергнуть, хотѣлось бы слышать слова, соотвѣтствующія их настроенію, выражающія их ненависть, их желанія, их стремленія, их жажду справедливости. Но как бы сильно ни было это нетерпѣливое ожиданіе, как бы ни были законны эти требованія и потребность их осуществленія, идея тѣм не менѣе прокладывает себѣ дорогу лишь постепенно и овладѣвает умами только тогда, когда она созрѣет и выработается.

Вспомним, что та буржуазія, которую мы хотим свергнуть, употребила цѣлые вѣка на то, чтобы подготовиться к сверженію королевской власти, и подумаем, сколько еще нам предстоит подготовительной работы! В XIV-м вѣкѣ, когда Этьен Марсель сдѣлал попытку захватить власть в пользу буржуазіи, уже организованной в то время в корпораціи, эта буржуазія уже чувствовала свою силу; она уже давно стремилась к власти и организовывалась с этою цѣлью, уже давно была образована, развита и работала над своим освобожденіем в формѣ борьбы общин с феодализмом. И, несмотря на все это, прошло еще четыре вѣка прежде, чѣм она достигла этой давно желанной цѣли.

Конечно, мы надѣемся, что нам не придется так долго ждать нашего освобожденія от буржуазной эксплуатаціи. Разложеніе буржуазіи уже теперь, послѣ такого короткаго владычества, быстро ведет ее к паденію; но не будем забывать, что если в 89 году буржуазія сумѣла утвердить свое господство вмѣсто владычества «божественнаго права», то это потому, что она была умственно готова к этому, и что чѣм быстрее идет теперь ея паденіе, тѣм больше должны мы, рабочіе, спѣшить умственно подготовиться — не к тому, чтобы замѣнить ее у власти, которую мы должны уничтожить, — а к тому, чтобы организовать так, чтобы никакая новая аристократія не могла стать на мѣсто свергнутой буржуазіи.

Итак, повторяем, раз мы признали идею свободной инициативы личности, мы должны сдѣлать так, чтобы эта личность могла разсуждать и пользоваться своей

иниціативой. Если же у нея не хватает силы воли освободиться от собственного невѣжества, то как же она сможет внушить другим то, чего сама не могла узнать? Не будем, поэтому, бояться обсуждать хотя бы самые отвлеченные вопросы: всякое рѣшеніе их есть шаг вперед по пути к освобожденію.

Раз мы отрицаем необходимость вождей, мы должны стремиться к тому, чтобы знанія, сосредоточивавшіяся прежде в их умах, растворились в умах толпы, а для этого есть только одно средство: это, не переставая, идти вперед и заставить толпу интересоваться тѣми вопросами, которые интересуют нас. Опять<sup>1</sup> таки повторяю, будем выражаться насколько возможно ясно, но не будем уродовать свою мысль: иначе, вмѣсто того, чтобы поднять массу, мы сами спустимся до ея уровня, вмѣсто того, чтобы пойти вперед, пойдем назад. А это, нужно согласиться, очень странный способ пониманія прогресса.

---

<sup>1</sup> В использованном графическом оригинале отсутствовали страницы 26 и 27. (прим. fb2)  
Пропуск восстановлен по изданию 1917 года.

## Глава IV Дурен-ли человек сам по себе?

Сторонники власти говорят для оправдания своей точки зрения, что «человек слишком дурен для того, чтобы ему можно было предоставить самому руководить собою». «Для этого нужно передвлать человека», отвѣчают обыкновенно анархистам, когда они говорят об обществѣ, основанном на солидарности, на полном равенствѣ, на полной свободѣ личности, об обществѣ без всяких законов и без всякаго принужденія.

Что человек дурен, это — правда, но, может быть, он способен измениться к лучшему, или к худшему? Может-ли он, в его настоящем состояніи, измениться в хорошую или дурную сторону? Может-ли он усовершенствоваться или, наоборот, понизиться в своем физическом и нравственном уровнѣ? Если эволюція его в ту или другую сторону возможна — что показывает нам исторія — то мы должны рассмотреть, какова в ней роль всѣх унаследованных от прошлаго законов, всего механизма прошлых учреждений: стремятся-ли они сдѣлать человека лучше, или, наоборот, хуже? Отвѣтив на этот вопрос, мы разрѣшим, вмѣстѣ с тѣм и другой вопрос, а именно: что нужно прежде всего преобразовать — современнаго-ли человека или современное общественное устройство?

Никто в настоящее время не отрицает огромнаго вліянія физической среды на физическое строеніе человека; тѣм менѣе можно отрицать вліяніе среды нравственной и умственной на его психологію.

На чем основано современное общество? Содѣйствует-ли оно установленію гармоніи между людьми, устроено-ли оно так, что всякій вред, нанесенный одному из его членов, чувствуется всѣми и всѣ имѣют возможность уменьшить или предупредить данное вредное вліяніе? Вытекает-ли в нем частное благосостояніе из общаго и не заинтересован-ли кто-нибудь в нарушеніи<sup>1</sup> правильности его функционирования? Дает-ли общество, управляемое всевозможными властями, королями, священниками и купцами, простор широким, гуманным идеям и не старается ли оно, напротив, подавить их? Не пользуется-ли оно для угнетенія слабых сильными грубой силой денег, отдающей наиболѣе безкорыстных и наименѣе эгоистичных людей в распоряженіе корыстолюбивых и беззастѣнчивых?

Достаточно изучить механизм буржуазнаго общества, чтобы увидеть, что от него нельзя ждать ничего хорошаго. В самом дѣлѣ, стремленіе ко всему доброму и прекрасному должно было быть очень живучим в человекѣ, если его до сих пор не подавило то корыстолюбіе, тот узкій, бессмысленный эгоизм, который наше официальное общество прививает ему с колыбели. Это общество основывается, как мы уже говорили, на антагонизмѣ интересов и дѣлает из каждаго человека врага другого. Интерес продавца противоположен интересу покупателя; скотовод и земледѣлец

---

<sup>1</sup> Конец вставки. (прим. fb2)

только и хотят, чтобы хозяйство соседа пострадало от эпидемии или града, чтобы продать подороже свои собственные продукты; иногда они, кроме того, обращаются к государству, которое «покровительствует» им, налагая высокие пошлины на их конкурентов; развитие машин вносит все большее и большее разделение в среду рабочих: они оказываются выброшенными на улицу и борются друг с другом за получение работы, спрос на которую становится все ниже и ниже предложения. Все в нашем традиционном обществе ведет к противоположению интересов. Почему, например, существует бедность и безработица? Потому что магазины переполнены товарами. Почему людям до сих пор не пришло в голову сжечь их, или завладеть ими в свою пользу, чтобы создать те рынки, которых их эксплуататоры ищут в далеких странах, и получить ту работу, в которой им отказывают теперь? «Потому что они боятся полиции», ответят нам. Этот страх несомненно существует, но его одного еще недостаточно для объяснения такой бездельности со стороны бедняков. Сколько бывает в ежедневной жизни случаев, когда человек может сделать какое-нибудь зло без всякого риска, и все таки не делает его, из каких-то других соображений, помимо страха полиции. Да кроме того, если бы все бедняки какого-нибудь большого города, например Парижа, собрались вместе, то их оказалось бы так много, что им нечего было бы бояться полиции: они могли бы выдержать борьбу с нею в течение целого дня, а за это время очистить магазины и хоть раз наесться досыта. Разве страх удерживает людей, идущих в тюрьмы за бродяжничество и нищенство, между тем как для них было бы несколько не опасно взять самим то, что они теперь выпрашивают? Нет, все зависит оттого, что помимо страха у людей есть общественные инстинкты, которые мешают им делать зло ради зла и заставляют их подчиняться самым большим стеснениям только потому, что они считают их необходимыми для правильного функционирования общества.

Неужели можно было бы силой поддержать уважение к собственности, если бы в уме людей не существовало вместе с тем понятия о ней как о чем-то законном, приобретенном личным трудом? Разве когда-нибудь самые суровые наказания мешали нарушать ее тем, кто, не заботясь, законна она или незаконна, хотел жить на чужой счет? Если бы у людей в самом деле была та склонность ко злу, которую им приписывают, то можно себе представить, что произошло бы, когда, разобравшись в своем бедственном положении, они увидели бы, что его причина лежит в частной собственности: общество перестало бы существовать, а вместо него воцарилась бы «борьба за существование» в самом жестоком смысле слова; это было бы настоящее возвращение к варварству. Именно его стремление к «добру» было причиной того, что человек всегда позволял себя угнетать, поработать, обманывать и эксплуатировать и что до сих пор он избегает пользоваться, хотя бы для своего окончательного освобождения насильственными средствами.

В сущности, когда нам говорят, что человек дурен сам по себе, и что ни на какое изменение в этом отношении рассчитывать нечего, это сводится к следующему разсуждению: «Человек дурен, общество плохо устроено; к чему же терять время на достижение для человечества такого совершенства, которое для него невозможно? Постараемся лучше, по возможности, проложить дорогу себе самим. И если даже наши удовольствия будут куплены ценою слез и крови тех жертв, которыми мы усем

наш путь, то не всё ли равно? Нужно топтать других, если не хочешь быть самому растоптанным, а затѣм пусть тот, кто падает, устраивается как хочет!»

Привилегированные классы сумѣли установить свое господство, усыпить рабочих и превратить их в своих защитников, сначала обѣщая им лучшую жизнь — в другом мірѣ, — затѣм, когда вѣра в Бога исчезла, проповѣдая мораль, патриотизм, общественную пользу и т. под., наконец, в настоящее время, внушая им надежду на то, что всеобщее избирательное право даст им всевозможныя реформы и улучшения, в дѣйствительности не осуществимыя (потому что нельзя уничтожить зло современного общества до тѣх пор пока не разрушена самая причина этого зла, пока не преобразовано само общество); но пусть только эти эксплуататоры бѣдняков попробуют провозгласить чистое право сильного, и они увидят, долго-ли продолжится их господство: на силу им отвѣтят силой!

В тѣ времена, когда человѣкъ впервые начал группироваться с другими себѣ подобными, он был, вѣроятно, скорѣе еще животным, чѣм человѣком и представленія о нравственности и справедливости у него не существовало. Ему приходилось бороться с другими животными, бороться со всей окружающей природой; первыя человѣческія общества были, поэтому, вызваны по всей вѣроятности не чувством солидарности, а необходимостью соединить отдѣльныя силы. Эти общества, несомѣнно были вначалѣ лишь временными и имѣли в виду лишь ловлю добычи, устраненіе различных препятствій, а позднѣе — отраженіе или уничтоженіе нападающаго врага. Только по мѣрѣ того, как общества функционировали, люди начали понимать всю их важность; общества стали тогда переживать первоначально намѣченную цѣль и понемногу сдѣлались постоянными.

Но в то же время эта жизнь, полная непрерывной борьбы должна была неизбежно развить в личностях кровожадные и деспотическіе инстинкты: слабым приходилось подчиняться гнету сильных, а иногда и служить им в пищу. Лишь гораздо позднѣе, вѣроятно, наступило время, когда наравнѣ с силою начала господствовать хитрость.

Нужно сознаться, что когда мы изучаем человѣка в эту раннюю пору его существованія, он представляется нам довольно несимпатичным животным; но раз он мог развиться до своего теперешняго состоянія, раз он мог усвоить себѣ понятія и идеи, которыя отсутствовали у него раньше, то почему бы ему остановиться на этой точкѣ и не пойти дальше? Отрицать возможность дальнѣйшаго прогресса было бы также нелѣпо, как если бы, в то время когда человѣкъ жил в пещерах и не имѣл ничего другого для своей защиты кромѣ каменнаго оружія или палки, кто-нибудь сказал, что он никогда не будет способен строить блестящіе города и пользоваться паром и электричеством. Почему человѣку, сумевшему приспособить к своим нуждам подбор домашних животных, не сумѣть направить свой собственный подбор по пути добра и красоты, о которых он уже начинает составлять себѣ понятіе?

Человѣкъ мало по малу развивался и продолжает развиваться каждый день. Его понятія подвергаются постоянным измѣненіям. Физическая сила, если и служит до сих пор авторитетом, то во всяком случаѣ уже не является предметом прежняго поклоненія. Развились представленія о нравственности, справедливости, солидарности; теперь они уже пріобрѣли такую силу, что привилегированные классы должны, для поддержанія своих привилегій, внушать людям, что их эксплуатируют и угнетают для их же пользы.

Но этот обман не может длиться долго. Люди уже начинают чувствовать, что им тѣсно в нашем плохо устроенном обществѣ; стремленія, зародившіяся цѣлые вѣка тому назад, но до сих пор бывшіе лишь неполными и единичными, начинают принимать опредѣленную форму и находить себѣ сочувствіе даже в рядах тѣх, кого можно включить в число привилегированных личностей нашей современной общественной организаціи. Нѣтъ ни одного человѣка, который бы хоть раз в жизни не почувствовал себя возмущенным против современнаго общества, находящагося под властью умершаго прошлаго, — общества, которое точно задалось цѣлью оскорблять нас во всѣх наших чувствах, поступках и стремленіях, и от котораго человѣкъ тѣм больше страдает, чѣм больше он развивается. Идеи свободы и справедливости получают болѣе опредѣленное выраженіе, люди, провозглашающіе их, еще пока составляют меньшинство, но меньшинство уже настолько сильное, что правящіе классы начинают беспокоиться и бояться.

Итак, мы видим, что, подобно всѣм другим животным, человѣкъ есть ничто иное как продукт процесса развитія, обусловленнаго средою, окружающею его, и условіями существованія, которым он должен подчиняться или с которыми должен бороться. Но в отличіе от других животных — или, по крайней мѣрѣ, в большей степени, чѣм они — он выучился понимать свое происхожденіе и имѣть извѣстныя стремленія по отношенію к будущему; от него самого зависит поэтому устранить то зло, которое ошибочно считают связанным с самим его существованіем. А раз он создаст себѣ инныя условія жизни, то он измѣнится и сам.

Помимо этого, вопрос можно формулировать слѣдующим образом: имѣет ли право человѣкъ — хорош он или дурен — жить как ему хочется и возмущаться когда его эксплуатируют или когда его хотят принудить к таким условіям жизни, которыя внушают ему отвращеніе? В настоящее время люди, стоящіе у власти и пользующіеся привилегіей матеріальнаго благосостоянія, считают себя лучшими, но стоит только «худшим» свергнуть их, занять их мѣсто и помѣняться ролями, как у них будет ровно столько же права считать себя лучшими, как и у тѣх.

Существованіе частной собственности, вслѣдствіе которой все общественное богатство сосредоточивается в руках немногих, дало этим немногим возможность жить паразитами на счет эксплуатируемой массы, весь труд которой идет на поддержаніе их роскошной и бездѣятельной жизни или на защиту их интересов. Такое положеніе, в несправедливости котораго тѣ, которые страдают от него, уже увѣрились, не может долго продолжаться. Рабочіе потребуют возможности свободно пользоваться продуктами своего труда и, если им будут продолжать в этом отказывать, прибѣгнут к возстанію; тогда буржуазія может сколько угодно прятаться за соображеніе о том, что человѣкъ вообще дурен: революція все равно совершится. И вот, если дѣйствительно человѣкъ неспособен к совершенствованію — а мы видѣли, что это невѣрно, — тогда начнется борьба аппетитов; буржуазія, как бы не была она жадна, окажется во всяком случаѣ побѣжденной, потому что она будет в меньшинствѣ. Если же человѣкъ дурен только потому, что его дѣлают таким существующія учрежденія, то он сможет подняться до такого общественнаго строя, который будет содѣйствовать его нравственному, умственному и физическому развитію, и сумѣет преобразовать общество в направленіи солидарности интересов. Но, как бы то ни было, революція во всяком случаѣ, произойдет. Сфинкс ставит перед нами этот вопрос и мы без страха отвѣчаем

на него, потому что мы, анархисты — разрушители законов и собственности — знаем ключ к его разгадке.



## Глава V Собственность

Прежде, чѣмъ продолжать изложеніе нашихъ взглядовъ, не лишнее будетъ разсмотрѣть тѣ учрежденія, къ уничтоженію которыхъ мы стремимся, тѣ основы, на которыхъ покоится современное буржуазное общество, и объективную цѣнность этихъ основъ; вмѣстѣ съ тѣмъ мы увидимъ, почему нельзя преобразовать общество, не измѣнивъ всей его организаціи цѣликомъ и почему, пока это измѣненіе не совершится, никакое улучшеніе в немъ не будетъ дѣйствительно. Мы увидимъ вмѣстѣ съ тѣмъ, какія именно причины заставили насъ сдѣлаться анархистами и революціонерами.

Защита частной собственности и ея передача по наслѣдству — вотъ основы современнаго общественнаго строя. Изъ нея вытекаетъ правительственная власть, современная семья, судебная власть, армія, — всѣ эти гнетущія и разоряющія насъ учрежденія. Есть еще религія, но мы не будемъ заниматься ею: наука, хотя и буржуазная, уже убила ее. Оставимъ мертвыхъ в покое.

Мы не имѣемъ в виду дать историческій обзоръ развитія собственности: социалисты всѣхъ фракцій уже дѣлали это много разъ и вполне доказали, что она есть ничто иное, какъ результатъ воровства, обмана или пользованія правомъ сильнаго. Намъ остается только привести нѣкоторые факты в доказательство ея несправедливости и показать, что именно отъ нея происходятъ всѣ тѣ бѣдствія, отъ которыхъ мы страдаемъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, мы увидимъ, что всѣ предложенныя реформы — не болѣе какъ приманки, способныя только усыпить эксплуатируемыхъ, и что для устраненія существующаго зла нужно уничтожить его в самомъ его источникѣ — собственности и капитализмѣ.

Современная наука показала намъ, что земля образовалась изъ космическаго вещества, отдѣлившагося отъ солнечной туманности. Вслѣдствіе вращенія вокругъ своей оси и вокругъ центральнаго свѣтила это ядро сгустилось и, какъ дѣтище солнца, начало, подобно произведшему его свѣтилу, свѣтить собственнымъ свѣтомъ в видѣ маленькой звѣзды среди млечнаго пути. Позднѣе, масса его охладилась, перешла изъ газообразнаго состоянія в жидкое и полу-жидкое, а затѣмъ, все больше и больше уплотняясь, стала совершенно твердой. При этомъ газы, находившіеся в раскаленной массѣ, образовали между собою различныя соединенія и дали начало тому основному матеріалу, который входитъ в составъ земли — минераламъ, металламъ, атмосфернымъ газамъ.

По мѣрѣ того, какъ земля все больше и больше охлаждалась, дѣйствіе воды и атмосфернаго воздуха на минералы давало начало слоямъ почвы; вмѣстѣ съ тѣмъ, соединеніе водорода, кислорода, углерода и азота произвело, в глубинѣ водъ, нѣчто вродѣ органической студенистой массы, не имѣвшей ни опредѣленной формы, ни органовъ, ни сознанія. Эта масса обладала однако способностью двигаться, выпуская изъ себя отростки в томъ направленіи, в которомъ она хотѣла перемѣщаться, или, вѣрнѣе, в которомъ на нее дѣйствовало извѣстное притяженіе, и способностью ассимилировать захваченныя ею постороннія тѣла и ими питаться; наконецъ, у нея была еще одна

способность: дѣлиться, по достиженіи извѣстной ступени развитія, на двое и, таким образом, давать начало новому организму, вполне сходному с первым.

Таково скромное начало существованія человѣчества — настолько скромное, что лишь гораздо позднѣе, послѣ долгой эволюціи, послѣ образованія цѣлаго ряда типов в цѣпи живыхъ существъ, стало возможнымъ отличить животное от растенія. Прослѣдить здѣсь весь рядъ форм до человѣка значило бы изложить тотъ ходъ эволюціи, который современная наука объясняетъ такъ ясно и такъ понятно для всякаго непредубѣжденнаго человѣка. Намъ остается только отослать къ ней читателя, а самимъ воспользоваться лишь нѣкоторыми фактами для доказательства той мысли, что часть земли была произвольно захвачена группой личностей, обратившихъ ее в свою собственную пользу и в пользу своихъ потомковъ, в ущербъ, какъ менѣе благоприятно поставленнымъ личностямъ, такъ и будущимъ поколѣніямъ.

Очевидно, что такое объясненіе появленія человѣка на землѣ разрушаетъ всѣ чудесныя разсказы о его сотвореніи. В немъ нѣтъ мѣста ни богу, ни какой бы то ни было другой творческой силѣ; человѣкъ есть ничто иное, какъ продуктъ эволюціи жизни земли, которая сама есть результатъ извѣстнаго соединенія газовъ, а эти газы, в свою очередь, прошли черезъ цѣлый рядъ превращеній, прежде чѣмъ, соединившись при надлежащей плотности и в надлежащихъ пропорціяхъ, дали начало первому проявленію жизни. Но если мы устранимъ такимъ образомъ представленіе о сверхъестественномъ происхожденіи человѣка, то точно также теряетъ под собою почву и представленіе о божественномъ происхожденіи общества в томъ видѣ, в какомъ оно существуетъ, с его раздѣленіемъ на богатыхъ и бѣдныхъ, на управляющихъ и управляемыхъ. Государственная власть, столько времени опиравшаяся на легенду о своемъ сверхъестественномъ происхожденіи и державшаяся по меньшей мѣрѣ постольку же этой легендой, поскольку и грубой силой, уже подается под напоромъ критики и грозитъ разрушиться; в настоящее время ей приходится уже прятаться за всеобщее избирательное право и законъ большинства. Она могла существовать только до тѣхъ поръ, пока не подвергалась критикѣ, а теперь, какъ мы увидимъ ниже, держится только благодаря силѣ. Мы можемъ поэтому сказать, что подъ вліяніемъ этой критики собственность и власть постепенно умираютъ: то, что обсуждается, уже не пользуется авторитетомъ; то, что опирается только на силу, можетъ точно также и быть разрушено силою.

Растеніе питается на счетъ минеральнаго міра и атмосферы, животное — на счетъ растенія и уже гораздо позднѣе — на счетъ другихъ животныхъ, но во всемъ этомъ нѣтъ никакой заранѣе изобрѣтенной іерархіи живыхъ существъ, никакого плана, созданнаго Творцомъ міра или Природой; взятой в отвлеченномъ смыслѣ. Никѣмъ не предустановлено, чтобы растеніе должно было служить в пищу животному, животное и растеніе — в пищу человѣку, а одна категорія людей — быть слугами другой и доставлять этимъ избраннымъ возможность наслаждаться жизнью. Во всемъ этомъ нѣтъ ничего кромѣ эволюціи, совершающейся подъ вліяніемъ естественныхъ законовъ: сгущеніе газовъ дало начало минераламъ; питаться этими минералами могъ только растительный міръ, который, превращая ихъ в органическія вещества, сдѣлалъ возможнымъ в послѣдствіи развитіе жизни животной.

Если же мы признаемъ это эволюціонное происхожденіе человѣка, то для насъ станетъ очевиднымъ, что и послѣ появленія на землѣ первыхъ мыслящихъ существъ, для облегченія ихъ дальнѣйшаго развитія не нужно было содѣйствія никакого Провидѣнія,

никакого высшего существа, которое дало бы в удѣл одним власть над своими ближними, другим — собственность на землю, а большинству — нужду и лишения, повинение своим господам и, как единственную функцію — работу в пользу этих послѣдних.

Но дѣло в том, что *борьба за существование* была вначалѣ единственною основою жизни; единственной заботой челоука было съѣсть другого, чтобы не быть съѣденным самому. Когда же люди начали безсознательно пользоваться иным, гораздо болѣе высоким принципом, — принципом *ассоціаціи для совмѣстной борьбы*, — то в образовавшемся таким образом обществе должно было неизбѣжно проявиться стремление к борьбе и господству, переданное челоуку по наследству от предыдущих поколений. Личности, у которых это стремление было сильнѣе, взяла верх над тѣми, у которых оно было слабѣе. Установившаяся таким образом власть видоизмѣнялась затѣм сообразно развитію челоуческаго ума; общественный строй подвергался различным превращеніям соотвѣтственно тому, царили ли в обществѣ сила, религиозный дух, или коммерческій расчет. В этих разнообразных формах власть удержалась до наших дней и будет держаться до тех пор, пока челоуки не избавятся от своих ошибок и предрасудков, не завоюют себе независимость и не перестанет порабощать других, из боязни быть самому порабощенным болѣе сильными.

Когда легенда о божественном происхожденіи власти и собственности оказалась разрушенной самой буржуазной наукой, буржуазія постаралась дать им другую основу, более прочную и более естественную. Политико-экономы возвели в «естественные законы» тѣ факты общественной жизни, которые в дѣйствительности происходят от плохой организаціи общества, приняли их за причину того, чего они в сущности являются лишь слѣдствіями, и украсили всѣ эти нелѣпости названіем науки. Чтобы узаконить самыя безобразныя общественныя преступленія, самую страшную эксплуатацію со стороны капитализма, они хотѣли свалить всю вину в существующей бѣдности на самих же бѣдняков; они возвели в закон самосохраненія общества самый уродливый эгоизм, который, как мы видѣли выше, может вести лишь к общественным столкновениям, к тратѣ сил и общественному регрессу, — если только он не смягчается другим, болѣе развивающим и болѣе гуманным началом — солидарностью.

Буржуазное общество основано на капиталѣ, а этот послѣдній является в формѣ денег; но, чтобы замаскировать ту исключительную роль, которую он играет в производствѣ и обмѣнѣ, политико-экономы включают в понятіе о капитале все. Челоуки, который женится и производит на свѣт дѣтей, затрачивает капитал, но вмѣстѣ с тѣм и создает его вновь, потому что ребенок, когда он вырастет, сдѣлается в свою очередь капиталом! Мышечная сила, которую рабочій тратит в производствѣ есть капитал! Замѣтим, что помимо своих рук рабочіе всегда вносят в свою работу — какова бы она ни была — и извѣстное количество умственнаго труда, часто превышающее соотвѣтственный труд предпринимателя; но так как, в таком случаѣ, пришлось бы считать на долю рабочих двойную пропорцію капитала, а это стеснило бы политико-экономов в их расчетах, то они и обходят этот факт молчаніем.

Но так как сведеніем всей челоуческой дѣятельности на понятіе о капиталѣ все таки нельзя объяснить происхождение капитала, то они и изобрѣли слѣдующее: «капитал — это та доля пріобрѣтеннаго трудом, которую предусмотрительные люди не

потребили сразу, а сберегли в виду будущих потребностей.» И вот здѣсь-то интересно сдѣлать нѣкоторый расчет.

Всякій капитал, пущенный в оборот, говорят политико-экономы, должен принести: 1) извѣстную сумму, равную затраченной, чтобы цѣликом возстановиться, и 2) извѣстную прибыль, представляющую как бы страховую премію за риск, которому подвергается капитал. А так как рабочій, которому платят за его труд, ничѣм не рискует, то он имѣет право лишь на первую долю, которая даст ему возможность возмѣстить потраченный им капитал, т. е. питаться, одѣваться, имѣть помѣщеніе и вообще возстановлять свои силы. Имѣть дѣтей он должен не больше, чѣм позволяет ему избыток его заработка.

Что же касается хозяина, то это — дѣло совсѣм другое. Он вносит прежде всего первоначальный капитал, который идет на плату рабочим и на необходимыя покупки и представляет собою сумму тѣх удовольствій, которых он лишал себя в прошлом. Как и капитал рабочаго, этот капитал должен прежде всего возстановить самого себя и кромѣ того принести еще страховую премію за риск; эта премія составит прибыль эксплуататора. Кромѣ того, если дѣло идет о промышленном предпріятіи, то в него вкладывается еще и стоимость построек и машин, которая также должна вернуться капиталисту и принести ему страховую премію. Мало того: его ум, тоже представляет собою капитал, и капитал не малый. Капиталист должен сумѣть выгодно помѣстить свой капитал, должен умѣть управлять своими дѣлами и самим собою узнавать, какіе предметы выгоднѣе производить, гдѣ существует на них спрос и т. под. Этот третій капитал тоже должен быть возвращен ему из его предпріятія. Прибавьте к этому, что, если предприниматель — инженер, ученый, врач, то вознагражденіе должно быть еще гораздо больше, потому что для образованія этого капитала потребовалось много затрат, а слѣдовательно, и возстановленіе его стоит дороже.

Затѣм, раз только это тонкое различіе между различными элементами, участвующими в производствѣ, установлено, то существующее распредѣленіе оказывается вполне справедливым: капиталист получает свои три доли из общаго продукта — вот и все. Вѣдь рабочій получил свою часть, чего же ему еще нужно? Пусть тоже сберегает, а затѣм вложит свои сбереженія в какое-нибудь промышленное предпріятіе; тогда он тоже будет получать тройную долю. Если он хочет чего-нибудь добиться, пусть прежде всего научится ограничивать себя! Пусть не тратит безсмысленно своих денег по кабакам! Пусть не производит на свѣт так много дѣтей! Борьба тяжела и человек должен умѣть отказывать себѣ в удовольствіях в настоящем, если хочет увеличить их в будущем!

Рѣшаются ли господа экономисты, толкующіе нам об умѣ капиталистов, утверждать, что тот, кто наживает милліоны биржевой игрой, спекуляціями и монопольным захватом, тратит в милліон большую умственную силу, чѣм — я не говорю уже рабочій, котораго можно считать артистом своего дѣла, — но даже самый простой рабочій, в самом обыденном ремеслѣ? Возьмите любого рабочаго — из тѣх, кому судьба наиболѣе благопріятствует, кто получает сравнительно хорошую заработную плату, никогда не остается без работы, никогда не болѣет. Сможет ли этот рабочій жить той широкой жизнью, которою должны были бы пользоваться всѣ, сможет ли он удовлетворять, продолжая работать, всѣм своим физическим и умственным потребностям? Да что об этом говорить: он не сможет удовлетворить даже сотой

доли своих потребностей, если даже онъ будут у него самыя ограниченныя, а если он захочет сберечь себѣ хоть что-нибудь на старость, то ему придется еще больше сокращать их. И все таки, как бы он ни был бережлив, ему никогда не удастся скопить столько, чтобы имѣть возможность жить не работая. Сбережений, сдѣланных в производительную пору его жизни, едва хватит на пополненіе того дефицита, который принесет с собою старость — если только он не получит наслѣдства или, вообще, в его жизни не произойдет какой-нибудь счастливый случай, не имѣющій ничего общаго с трудом.

А сколько на одного такого привилегированнаго рабочаго приходится бѣдняков, никогда не имѣющих возможности утолить свой голод! Развитие машин дает возможность эксплуататорам уменьшить свои рабочій персонал; безработных рабочих, которые понижают заработную плату и увеличивают безработицу, становится все больше и больше; кромѣ того, заработок уменьшается еще вслѣдствіе болѣзней, так что, в конце концов, рабочій, пользующійся достатком, все больше и больше обращается в миѳ: он не только не может рассчитывать выбраться из нужды, но если буржуазное общество продержится еще долго, ему предстоит все глубже и глубже погружаться в нее.

Представим себѣ теперь случай, когда такой достаточный рабочій, вмѣсто того чтобы продолжать откладывать свои сбереженія в видѣ денег, заводит, накопив нѣкоторую сумму, собственное предпріятіе. Это точно также дѣлается все менѣе и менѣе осуществимым, потому что примѣненіе машин требует соединенія очень больших капиталов и не дает возможности существовать отдѣльному предпринимателю; но допустим, что это возможно и что наш самостоятельный рабочій-хозяин работает один. Если политико-экономы правы, говоря, что всякая человѣческая способность представляет собою капитал, вложенный в предпріятіе и обогащающій ея обладателя, то мы видим здѣсь человѣка, вложившаго и денежный капитал, и капитал в видѣ рабочей силы, и капитал умственный; а так как ему при этом не с кѣм дѣлиться, то очевидно его капитал должен скоро удесяттериться, а сам он — сдѣлаться миллионером.

В дѣйствительности же рабочих, которые бы работали одни, сами на себя, почти не существует, а мелкій хозяин, нанимающій двух или трех человѣк, живет лишь очень немногим лучше своих рабочих, причем он должен работать столько же, как и они, если не больше, потому что ему постоянно грозят различныя платежи; он не может рассчитывать ни на какое улучшеніе своего положенія и должен считать себя счастливым, если ему удастся удержаться на высотѣ своего сравнительнаго благосостоянія и избѣгнуть банкротства. Большіе доходы, крупныя состоянія, широкая жизнь составляют привилегію только крупных собственников, крупных акціонеров, крупных фабрикантов, крупных спекуляторов, которые сами не работают, а нанимают цѣлыя сотни рабочих. Это ясно показывает, что капитал — дѣйствительно накопленный труд, но только труд других, собравшійся в руках одного грабителя.

Самым лучшим доказательством основного недостатка нашей общественной организациі является тот факт, что машины — этот величайшій шаг вперед, результат всѣх накопленных знаній, переходивших из поколѣнія в поколѣніе, машины, которыя должны были бы пойти на пользу всѣх человѣческих существ, которым онѣ облегчают жизнь, увеличивая их производительную силу и уменьшая труд —

в дѣйствительности приносят рабочим только усиленіе их нужды и лишенія. Из употребленія машин извлекают пользу одни капиталисты, потому что машины дают им возможность сокращать рабочій персонал и, кромѣ того, вслѣдствіе розни, устанавливающейся благодаря безработицѣ между занятыми и незанятыми рабочими, понижают заработок первых, так как нужда заставляет их соглашаться на всякую предложенную плату, даже если она ниже суммы, необходимой для пропитанія их самих и их семьи. Так называемые естественные законы оказываются, таким образом, нарушенными благодаря их же собственному дѣйствию, а это показывает, что если даже это и «законы», то, во всяком случаѣ, не законы «естественные».

С другой стороны, очевидно и то, что при всѣх своих капиталах, при всѣх своих машинах, капиталисты не могли бы ровно ничего производить без помощи рабочих, тогда как рабочіе, если бы они согласились между собою и соединили свои силы, могли бы отлично обходиться без капиталистов. Но дѣло не в том. Мы хотим сдѣлать из сказаннаго только тот вывод, что раз капиталисты не могут ничего достигнуть без помощи рабочих, то из этого слѣдует, что самым важным фактором в производствѣ являются именно эти послѣдніе и что им должна была бы доставаться наибольшая доля продукта. Отчего же происходит, что эта доля идет, наоборот, капиталистам, что чѣм меньше они работают, тѣм больше получают, тогда как рабочіе чѣм больше производят, тѣм больше усиливают безработицу и уменьшают свои шансы стать потребителями? Каким образом происходит, что чѣм больше магазины ломаются под тяжестью продуктов, тѣм больше производители умирают с голоду, и что, богатство, которое должно было бы быть источником всеобщаго довольства, становится, наоборот, причиной бѣдности того, кто его создал?

Из сказаннаго мы видим, что частная собственность доступна только для того, кто эксплуатирует других. Исторія человѣчества показывает нам, что эта форма собственности не существовала в первых человѣческих обществах, а начала выдѣляться из общей собственности рода или клана лишь на гораздо болѣе поздней ступени эволюціи — одновременно с выдѣленіем семьи из первоначальнаго смѣшенія полов. Это, конечно, не могло бы считаться аргументом против ея законности, если бы только она не была основана на произволѣ; мы хотим только показать этим, как мало цѣны имѣют аргументы защитников буржуазіи, утверждающих, что собственность существовала всегда в таком видѣ, как теперь.

Да кромѣ того, развѣ тѣ люди, которые теперь так возмущаются против анархистов, собирающихся отобрать у них силой их собственность, церемонились сколько-нибудь в 1789 году, когда они отбирали собственность у дворянства, или когда они обманывали надежды крестьян, которые взяли за дѣло и стали вѣшать аристократов-помѣщиков, разрушать замки и завладѣвать помѣстьями? Развѣ цѣлью всѣх этих конфискацій и продаж — фиктивных или по непомѣрно дешевым цѣнам — не было ограбить в свою пользу как прежних собственников, так и крестьян, рассчитывавших также получить свою долю? Развѣ это не было простым проявленіем права сильного, которое они только прикрывали законными формами? Развѣ это лишеніе собственности не было еще болѣе несправедливым, чѣм наше — даже если бы признать, что наше несправедливо, что совершенно невѣрно? Оно совершалось не в пользу коллективности, а ради обогащенія нѣскольких торгашей, которые поспѣшили объявить войну нападавшим на замки крестьянам и начали разстрѣливать их как разбойни-

ков. Поэтому, когда буржуазію хотят заставить отдать свою собственность, ей нечего жаловаться, что ее грабят: сама эта собственность есть продукт кражи.

## Глава VI Семья

Собственность, семья и власть развивались параллельно. Раз только люди соединились между собою под влиянием потребности устранить какое-нибудь препятствие, о которое бесполезно разбивались всё их единичныя усилия, прибыль, получаемая от этого соединенія сил, должна была, несомнѣнно, дѣлиться между всѣми. А так как, с другой стороны, общества были временными и их существованіе обусловливалось только достиженіем непосредственнаго результата, то эти первыя человѣческія группы должны были быть — как это мы видим у нѣкоторых млекопитающих и у человѣкообразных обезьян, — группами семейными, т. е. такими, гдѣ одна или нѣсколько самок собираются вмѣстѣ с дѣтенышами, вокруг одного самца, который для поддержанія своей власти, выгоняет из своей группы молодых самцов по мѣрѣ того, как они подрастают и грозят сдѣлаться ему соперниками.

Было бы однако слишком смѣло заключить из этого, что власть самца господствовала безпредѣльно и повсюду с самаго начала зарожденія обществ: если у многих диких племен, гдѣ семейныя единицы соединились в болѣе значительныя группы, мы и находим такую власть, то другіе, очень убѣдительныя примѣры (напримѣр существованіе обычая, гдѣ мужчина, во время рожденія ребенка разыгрывает роль родильницы) показывают нам, что власть, пользовавшаяся признаніем прежде всего, это — власть матери над дѣтьми<sup>1</sup>.

У одних племен дѣти входят в род матери; у других — власть мужчины уже признается, но наслѣдство переходит не к его дѣтям, а к дѣтям его сестры, что составляет как бы переходную форму между материнской и отцовской властью. Другой такой переходной формой является упомянутый уже обычай, состоящій в том, что при рожденіи ребенка мужчина ложится в постель, принимает лѣкарства и получает поздравленія, как родильница. Для установленія своей власти над дѣтьми отцу нужно еще очевидно доказать на дѣлѣ свое отцовское право. Это было бы излишним, если бы такое право не оспаривалось всѣми предыдущими обычаями, уже исчезнувшими, но оставшимися в памяти благодаря нѣкоторым вызванным ими практическим пріемам.

А сколько раз измѣнялись формы союза между мужчиной и женщиной? В самом началѣ существованія человѣчества не было никаких форм брака, и в отношеніях между полами царил полный беспорядок: каждый мужчина соединялся с любой женщиной и каждая женщина принимала или терпѣла ласки всякаго самца.

Когда человѣкъ развился и стал нѣсколько менѣе грубым, смѣшеніе полов еще продолжало существовать, но уже начали различаться первыя степени родства. Понятія отца, матери, брата, сестры еще не обозначились ясно, но уже является запрещеніе

---

<sup>1</sup> Мы не будем приводить здѣсь всѣх фактов, потому что не имѣем в виду излагать их, а только хотим объяснить, как именно представляем мы себѣ семью будущаго. Читателей же, которые захотят изучить вопрос основательнѣе, мы отсылаем к спеціальным трудам.



союзов между племенами одного и того же тотема, имѣющими общее происхождение; тѣм не менѣ женщины еще принадлежат всѣм мужчинам, а мужчины всѣм женщинам клана. Позже, с установленіем власти мужчины как главы семьи, степени родства начинают различаться лучше; однако браки между братьями и сестрами все еще происходят и сын наследует без всяких стѣсненій гарем отца; для того, чтобы мать наследника не являлась частью наследства, нужно было сдѣлать еще шаг вперед. Замѣтим, кромѣ того, что если у нѣкоторых племен мужчина может владѣть нѣсколькими женами, то есть и такія, гдѣ женщины имѣют по нѣскольким мужей.

Это постепенное развитіе, это преобразование обычаев не совершается однако с логическою правильностью, так, чтобы каждая форма исчезла с появленіем новой, болѣе сложной. Онѣ смѣшиваются, переплетаются между собою и составляют амальгаму, в которой очень трудно разобраться. Онѣ образуют всевозможныя комбинаціи, сливаются друг с другом, устраняя в одном мѣстѣ один обычай, в другом — другой, так что составить себѣ приблизительное понятіе о ходѣ эволюціи челоуѣчества можно только пользуясь наблюденіями прежних путешественников над прошлыми племенами, а также и наблюденіями над племенами, до сих пор существующими.

Было время, когда собственность была организована на совершенно иных началах и распредѣлялась иначе чѣм теперь; современная ея организація создалась только благодаря силѣ, хитрости и воровству. В самом дѣлѣ, пока семья была родом ассоціаціи, в ней, очевидно, не было частной собственности; если же то, что первоначально принадлежало всѣм, обратилось в собственность нѣскольких, то это могло произойти только благодаря грабежу, в какой бы то ни было формѣ. Точно также и семья была, как мы видим, когда-то совершенно иной, чѣм теперь, и тѣ буржуа, которые увѣряют нас, что эти два учрежденія покоятся на вѣчных и неизблемых законах, сами не знают, что говорят: нѣтъ никаких основаній думать, что то, что развивалось прежде, неспособно продолжать развиваться и в будущем. Их слова могли бы служить доказательством лишь одного — что оба эти учрежденія, если только они дѣйствительно не развиваются, близки к паденію, потому что, на основаніи общаго закона органической жизни, все то, что не идет вперед, погибает и разлагается, уступая мѣсто новым организмам, еще имѣющим перед собою в будущем цѣлую эволюцію.

Буржуазіи пришлось самой признать эту аксіому и, как поправку к браку, который она вначалѣ хотѣла сдѣлать нерасторжимым, ввести развод. Правда, развод возможен только в извѣстных особых случаях и добиться его можно только посредством судебного процесса, безчисленных хлопот и значительных затрат; тѣм не менѣ он, как бы то ни было, является аргументом против прочности семьи. Послѣ долгаго сопротивленія, необходимость его, все-таки пришлось признать, несмотря на то, что, расторгая лежащій в основѣ брак, он сильно расшатывает семью. Может-ли быть болѣе ясное признаніе того, что будущее принадлежит свободному союзу и что закрѣплять обрядом то, что другой обряд может расторгнуть, совершенно бесполезно? Зачѣм заставлятъ одного челоуѣка, опоясаннаго трехцвѣтным шарфом, освящать союз, который три других челоуѣка в судейских тогах и шапках смогут признать недѣйствительным?

Вот почему анархисты отрицают организацію брака и думают, что если два челоуѣка любят друг друга, то им нечего ждать позволенія третьяго, чтобы соединиться; раз они этого хотят, обществу нѣтъ до этого никакого дѣла и ему нечего вмѣшиваться.

Кромѣ того, потому только; что они раз отдались друг другу, союз мужчины и женщины не становится нерасторжимым, они не обязаны жить вмѣстѣ до самой смерти, даже если они перестанут друг другу нравиться: то, что их свободная воля сдѣлала, та же свободная воля может и уничтожить.

Может случиться, что под вліяніем страсти и увлеченія они видѣли друг в другѣ только хорошія качества и закрывали глаза на дурныя; но вот они сошлись, и совмѣстная жизнь сгладила эти хорошія качества, выдвинув, наоборот, недостатки и разныя шероховатости, с которыми они не умѣют справиться. Слѣдует-ли из этого, что только потому, что эти люди обманулись друг в другѣ в момент возбужденія, они должны платиться всю жизнь за ошибку, заставившую их принять за вѣчное и глубокое чувство то, что было в дѣйствительности лишь результатом увлеченія?

Конечно нѣтъ! пора нам придти к болѣе здоровым понятіям. Как будто бы любовь не оказывалась всегда сильнѣе всевозможных законов, правил приличія и осужденій, которыми старались окружить проявленія полового влеченія! Развѣ порицаніе, с которым относятся к женѣ, обманывающей своего мужа (мы не говорим о мужчинѣ, который сумѣл завоевать себѣ свободу в этом отношеніи), или то положеніе паріи, на которое наши чопорныя общества обрекают незамужних матерей, мѣшали хоть когда-нибудь женщинам обманывать своих мужей, а дѣвушкам — отдаваться тому, кто им понравился или кто сумѣл воспользоваться моментом, когда чувство заглушило голос разсудка?

Вся исторія, вся литература переполнена разсказами об обманутых мужьях и обольщенных дѣвушках. Половая потребность — первый двигатель человѣка; тайно или явно, но в концѣ концов он всегда уступает ей.

Существуют нѣкоторыя страстныя, но слабыя и робкія натуры, убивающія себя вмѣстѣ с любимым человѣком, потому что они не рѣшаются порвать с предрассудками, не имѣют достаточно нравственной энергіи чтобы бороться с препятствіями, которыя ставят им наши нравы, или глупость родителей; но на этих немногих приходится цѣлая безчисленная масса людей, не обращающая — втайнѣ — никакого вниманія на предрассудки. Единственное, к чему это приводит, — это, что мы становимся обманщиками и лицемерами.

Зачѣм непремѣнно стремиться регламентировать то, чему удалось уцѣлѣть, несмотря на цѣлыя вѣка угнѣтенія? Признаем лучше раз навсегда, что человѣческія чувства не поддаются никакой регламентаціи и что для их полного и нормальнаго развитія нужна полная свобода. Не будем такими чопорными: мы станем зато откровеннѣе и нравственнѣе.

Мужчина, владѣющій собственностью, стремится передать продукт своих грабежей наслѣдникам; с другой стороны, женщина до сих пор считалась существом низшим, скорѣе собственностью, вещью, чѣм сотоварищем. Понятно, поэтому, что для обезпеченія своего господства над женой и возможности передать свое имущество по наслѣдству, мужчина стремился сдѣлать семью нерасторжимой. А, так как эта семья основывалась не на взаимной привязанности, а на выгодѣ, то чтобы помѣшать ей распасться под вліяніем противоположности интересов, нужна была внѣшняя сила.

Анархисты, которых обвиняют в желаніи разрушить семью, хотят, наоборот, разрушить именно этот антагонизм, основать семью на взаимной любви и сдѣлать ее

таким образом болѣе прочной. Если мужчина и женщина хотят прожить вмѣстѣ до конца своих дней, то анархисты нисколько не хотят мѣшать этому, только на том основаніи, что союзы стали свободными. И когда они говорят, что нужно уважать свободу личности ребенка и не смотрѣть на него как на вещь или собственность родителей, они вовсе не думают мѣшать отцам и матерям воспитывать своих дѣтей. Правда, они хотят уничтожить *юридическую* семью и сдѣлать так, чтобы мужчина и женщина могли сходиться или расходиться когда им угодно. Они отрицают вмѣшательство глупаго и единообразнаго закона в такія сложныя чувства, как тѣ, которыя связаны с любовью.

Если, дѣйствительно, как говорят защитники регламентаціи брачных отношеній, человѣкъ склонен к непостоянству, если его любовь не может прочно остановиться на одном предметѣ, то что же дѣлать? Раз до сих пор всѣ стѣсненія ни к чему не повели и только создали новые пороки, то предоставим лучше человѣческой природѣ свободу: пусть она развивается в том направленіи, куда влекут ее ея стремленія. У человѣка хватит теперь настолько ума, чтобы различить, что для него полезно и что вредно, и увидеть на опытѣ, в каком именно направленіи нужно идти. Если законам эволюціи будет предоставлена свобода, то мы увѣрены, что шансы пережить и оставить потомство окажутся на сторонѣ наиболѣе приспособленных, наилучше одаренных.

Если же, как мы думаем, стремленія человѣка влекут его, наоборот, к единоженству, к прочному союзу двух существ, которые, раз встрѣтившись, научились понимать и цѣнить друг друга и в концѣ концов как бы слились в одно, потому что их союз становится все полнѣе и тѣснѣе, их воля, желанія и мысли все болѣе и болѣе тождественными, то для таких людей законы, принуждающіе их жить вмѣстѣ, еще менѣе нужны: их собственная воля служит лучшей гарантіей нерасторжимости их союза.

Когда мужчина и женщина перестанут чувствовать себя прикованными друг к другу, то если они дѣйствительно друг друга любят, каждый из них будет стараться заслужить любовь избраннаго им существа. Когда каждый будет чувствовать, что любимый человѣкъ всегда может бросить семейное гнѣздо, раз только он не находит в нем того удовлетворенія, о котором мечтал, он будет стараться сдѣлать все возможное, чтобы привязать его к себѣ вполнѣ. Как нѣкоторыя птицы, которыя в пору любви одѣваются, для привлеченія самок в яркія перья, люди будут культивировать в себѣ такія нравственныя качества, которыя смогут внушить к ним любовь и сдѣлать их общество пріятным. И такого рода чувства сдѣлают союзы гораздо болѣе нерасторжимыми, чѣм самые жестокіе законы и самое сильное угнетеніе.

Мы, собственно, не занимаемся здѣсь критикою современнаго брака, который в сущности равносителен самой наглой проституціи: браки по расчету, в которых чувство не играет никакой роли, браки, заранѣе устраиваемые семьями — особенно семьями буржуазными, — причем у тѣх, кого соединяют таким образом, не спрашивается согласія; браки неравные, гдѣ разрушающіеся старики соединяются, благодаря своим деньгам, с полными свѣжести и красоты молоденькими дѣвушками; браки, гдѣ старухи покупают за деньги любовь молодых людей, платящихся своим тѣлом, да еще нѣкоторым позором за свою жажду обогащенія. Эти браки уже много, много раз критиковали, и возвращаться к этому — лишнее. С нас достаточно было показать, что половой союз не всегда был окружен одними и тѣми же формальностями и что он

сдѣлается наиболее достойным тогда, когда избавится от всяких стѣсненій. Другого выхода бесполезно и искать<sup>2</sup>.

---

<sup>2</sup> Здѣсь слѣдовало бы изложить наш взгляд на воспитаніе дѣтей в будущем обществѣ, но это уже было сдѣлано в книжкѣ «Общество на другой день послѣ революціи» (Société au lendemain de la revolution) в главѣ о «Ребенкѣ в новом обществѣ».

## Глава VII Государственная власть<sup>1</sup>

Вопрос о государственной власти так тѣсно связан с вопросом о собственности, что, говоря о послѣдней, мы были вынуждены говорить и о развитіи первой. Теперь мы не будем возвращаться к этому, а ограничимся разбором современной нам формы власти — той, которая основана на всеобщем избирательном правѣ и законѣ большинства.

Мы уже видѣли, что легенда о божественном происхожденіи собственности и власти исчезла, и что буржуазіи пришлось искать для них другое, болѣе прочное основаніе. Она сама содѣйствовала уничтоженію «божественнаго права», сама помогала борьбѣ против права сильнаго; на мѣсто его она постаралась, прежде всего, поставить силу денег, в формѣ извѣстнаго ценза для права выбора в палату, т. е. такого порядка, при котором избирателями могли быть только люди, платившіе извѣстную сумму налогов. Позже стали говорить о том, чтобы присоединить к этим избирателям еще и людей «способнѣйших»: это было требованіе разорившейся части буржуазіи. Но все это не могло долго тянуться: раз только государственная власть становилась предметом обсуждения, она уже теряла часть своей силы; тѣ, которые раньше не участвовали в выборѣ правителей, начинали также требовать права голоса в этом вопросѣ.

Буржуазія боялась народа и не соглашалась ни на какія уступки; власть была в ея руках и ей хотѣлось ее сохранить. Чтобы добиться всеобщаго избирательнаго права, рабочим пришлось прибѣгнуть к революціи. Но тѣ буржуа, которым они при этом дали в руки власть, прежде всего поспѣшили урѣзать по возможности пріобрѣтенныя народом права, с цѣлью как-нибудь обуздать это чудовище, которое, как им казалось, вот-вот поглотит их. Лишь долгое время спустя, лишь увидав на практикѣ, как функціонирует это новое право, они поняли, что оно не грозит никакой опасностью их привилегированному положенію, что оно — не больше как инструмент, на котором нужно только умѣть играть, и что этот знаменитый орган рабочих требованій, который рабочіе уже считали своим достояніем, (вѣдь они купили его цѣною своей крови!) есть в сущности лишь усовершенствованное орудіе господства, порабощающее людей, которые им пользуются, в то время как сами они, наоборот, думают, что освобождаются.

Что такое в самом дѣлѣ всеобщее избирательное право, как не право управляемаго выбирать того человѣка, который будет им управлять, право выбирать ту розгу, которая будет его сѣчь? Избиратель свободен... в выборѣ себѣ господина, но он не имѣет права не хотѣть никакого господина, потому что иначе им будет править тот, кого выберут его сосѣди. В тот момент, когда он упустил в урну свой избирательный

---

<sup>1</sup> В этой главѣ автор разбирает, главным образом, ту форму правленія, которая существует во Франціи; но очевидно, что если его аргументы вѣрны по отношенію к этой, наиболѣе демократической формѣ, то они тѣм болѣе приложимы к другим. Прим. пер.

бюллетень, он подписал свое отречение: он должен теперь подчиняться всѣм капризам избранных им правителей; они будут создавать законы, будут прилагать их к нему, а если он будет противиться — посадят его в тюрьму.

Мы не имѣем намѣренія ни критиковать здѣсь систему всеобщаго избирательнаго права, ни разсматривать всѣ тѣ поправки, которыя стремятся в нее внести с цѣлью заставить выборных исполнять свои обѣщанія и таким образом оградить избирателя от их капризов и дать ему возможность свободно проявлять свою верховную власть. Это завело бы нас слишком далеко, да кромѣ того и не имѣло бы для нас значенія, потому что мы хотим показать, что ни власти большинства, ни власти «божественнаго права» существовать не должно и что вообще личность не должна подчиняться никакому другому закону кромѣ своей собственной воли. Кромѣ того, если мы разберем механизм правленія большинства, то увидим, что нами в сущности управляет даже не большинство, а самое ничтожное меньшинство, взятое из состава другого меньшинства, которое, в свою очередь, есть опять таки меньшинство всей управляемой массы.

Во-первых, права принимать участіе в голосованіи лишены, совершенно произвольно, женщины и дѣти, которыя однако подчиняются законам, как и всѣ. Если, кромѣ того, мы вычтем всѣх тѣх, кто по тѣм или другим причинам не пользуется этим «правом», то у нас останется меньшинство, которое совершенно произвольно считается единственно способным выбирать правителей для всѣх.

Во-вторых, когда происходят выборы, то теоретически вопрос о том или другом избранном должен зависѣть от рѣшенія большинства; на практикѣ же всегда бывает нѣсколько — шесть, восемь, десять и иногда и больше — кандидатов, и голоса избирателей распредѣляются между ними, не говоря уже о тѣх избирателях, которые, не находя среди толпы кандидатов представителя своего мнѣнія, подают голос в противорѣчїи сами с собою. Таким образом, избранный является здѣсь представителем опять таки меньшинства, уже второго.

В-третьих, когда избранные соберутся вмѣстѣ, то, теоретически, вопросы должны точно также рѣшаться среди них большинством, но на практикѣ и здѣсь мнѣнія дробятся на множество групп и подраздѣленій и, в результатѣ, рѣшающій голос остается за маленькими кучками честолюбцев, которые держатся посерединѣ между крайними мнѣніями и отдают свои голоса то тѣм, то другим, смотря по тому, что для них оказывается болѣе выгодным.

Мы видим, таким образом, к каким скромным размѣрам сводится пресловутое всемогущество избирателя; замѣтим при этом, что для того, чтобы не запутывать читателя, мы упростили вопрос и предположили, что каждый поступает честно и послѣдовательно. Если же мы примем в расчет всѣ связанные с этим интриги, обманы, личные расчеты, если мы вспомним, что, прежде чѣм стать окончательными, проекты законов должны пройти через другое законодательное собраніе — Сенат, избираемый другою категоріею избирателей, если мы подумаем о том, что в Палатѣ находится пятьсот с лишним депутатов, а каждый избиратель выбирает только одного, так что его воля представляет не болѣе, как одну-пятисотую общей воли, да и то Сенат может ее еще сократить, то мы увидим, что участіе каждаго в управленіи так ничтожно, что его нельзя и вычислить.

Мало того: всеобщее избирательное право имѣет еще и другія вредныя послѣдствія в том отношеніи, что оно ведет к царству ничтожества и посредственности. Мы сейчас это докажем.

Всякая новая идея, идущая впереди своего времени, уже по этому одному имѣет за себя вначалѣ только меньшинство. Широких умов, способных ее воспринять и стать ея защитниками, бывает очень немного. Это — общеизвѣстная истина, из которой прямо слѣдует, что люди дѣйствительно развитые и обладающіе широким умом всегда бывают в меньшинствѣ. Большинство же стоит за среднія, общепринятая идеи и выбирает того депутата, который, именно с цѣлью быть избранным, старается не идти наперекор предразсудкам и привычным взглядам избирателей. Чтобы сгруппировать вокруг себя как можно больше лиц, ему нужно, наоборот, сгладить нѣкоторые острые углы и приготовить цѣлый запас общих мѣст для разговоров с тѣми, чьих голосов он добивается. Чтобы не испугать их, ему придется показаться еще глупѣе, чѣм они, и чѣм он будет безцвѣтнѣе, ничтожнѣе и посредственнѣе, тѣм больше будет у него вѣроятности быть избранным.

Посмотрите на то, как идет жизнь всевозможных обществ — комитетов, профессиональных рабочих союзов, обществ взаимопомощи, различных обществ художников, литераторов и т. подобное: в их иерархической организаціи, основанной на избраніи, всѣ должности оказываются занятыми наиболѣе посредственными личностями — такими, которыя стоят ниже других по своему тщеславію, желанію выдвинуться и стать извѣстными или создать себѣ положеніе на счет других, по своей большей или меньшей склонности к интригам. Всякій независимый ум, стремящійся только к осуществленію своего идеала, всегда будет непріятно поражать тѣх многочисленных людей, которые слѣдуют только рутинѣ, и всегда такіе люди будут его травить. Тому, кто ищет правды и стремится к ея распространенію, некогда унижаться до мелких закулисных интриг, и его всегда побьет в избирательной борьбѣ тот, кто не имѣет за душою ничего своего, живет общепринятыми идеями и поэтому очень легко может сгладить различные острые углы (которых у него, впрочем, и нѣтъ), так чтобы не вооружать против себя никого. Чѣм больше мы будем стремиться удовлетворить всѣх, тѣм ниже должен будет быть уровень наших идей, тѣм полнѣе должны мы будем отбросить все новое и оригинальное, тѣм наши мысли будут ничтожнѣе, блѣднѣе и посредственнѣе. Вот к чему сводится вся избирательная система; это — ничто иное, как натянутая ослиная шкура, издающая звук только тогда, когда ее хотят заставить звучать.

К несчастью, несмотря на то, что власть уже подвергается критикѣ, что ее уже осуждают и осмѣивают, самый принцип еще крѣпко держится в наших нравах. Люди так привыкли, чтобы ими руководили, что им кажется, что они пропадут, если только не будет никого, кто бы вел их на помочах. Они так привыкли встрѣчать во всѣх случаях жизни жандарма, мэра, надоедливых и грубых чиновников, лисьи фізіономіи полицейскаго и судьи, что приспособились в концѣ концов к этому отвратительному общенію и стали думать, что все это — учрежденія, конечно, непріятныя, которыя при случаѣ недурно как-нибудь надуть, но обойтись без них нечего даже и думать, потому что тогда челоуѣчество сразу погибло бы. Странное противорѣчіе челоуѣческаго ума! Люди с неудовольствіем переносят эту власть, насмѣхаются над ней,

стараятся гдѣ возможно обмануть ее — и вмѣстѣ с тѣм считают себя погибшими, как только рѣчь заходит об ея уничтоженіи! Все, должно быть, зависит от привычки.

Это тѣм болѣе нелогично, скажем больше: тѣм болѣе бессмысленно, что для каждаго отдѣльнаго человѣка идеал *хорошаго* правительства, это — такое правительство, которое бы он всегда мог прогнать, если только оно помѣшает ему дѣлать что он хочет. И вот для того-то, чтобы поддѣлаться под этот идеал, буржуазія и выдумала так называемое «всеобщее» избирательное право.

Если идея республики так популярна среди рабочих, если, несмотря на столько разочарованій, они все-таки смотрят на всеобщее избирательное право как на орудіе своего освобожденія, то это происходит от того, что им внушили, что, замѣнив одних людей, стоящих у власти, другими, они смогут замѣнить угнетающую нас систему эксплуатаціи другим общественным строем, который даст всѣм довольство и счастье. Это — глубокая ошибка — ошибка, благодаря которой разным интригам удается увлечь рабочих на путь достиженія якобы реформ, которыя нисколько не могут измѣнить их положенія, а только приучают их ждать всего от перемѣн в составѣ лиц того, созданнаго для нашего угнетенія, механизма, который называется Государством. Эта ошибка повела к тому, что во всѣх революціях различные интриганы обращали в свою пользу побѣду народа, занимали синекуры прежних правителей, снесенных революціонной бурей, и образовывали новый слой эксплуататоров, с новыми интересами, которые, раз утвердившись, заставляли замолчать и подчиняться тѣх самых наивных людей, которые имѣли глупость предоставить им власть.

Сколько в человѣческом умѣ гнѣздится противорѣчій! Когда мы разсуждаем с людьми болѣе или менѣе разумными, то они часто готовы бывают согласиться с тѣм, что «если бы всѣ люди вели себя как слѣдует, то не было бы надобности в правительствѣ; мы сами, пожалуй, обошлись бы и без него. Но, к несчастью, не всѣ люди таковы: нашлись бы такіе, которые захотѣли бы злоупотребить своей силой для угнетенія других, жить на их счет и ничего не дѣлать; а поэтому нужна власть, которая взялась бы их образумить». Другими словами, это значит, что, взятые всѣ вмѣстѣ, люди слишком дурны, чтобы сумѣть между собою столковаться, но что взятые в отдѣльности, или кучками, они сумѣют управлять другими; поэтому нужно поскорѣе облечь их властью, которая дала бы им возможность заставить себѣ повиноваться. Бѣдная логика! Чего только не дѣлает с тобой человѣческій ум!

Как будто бы люди, правящіе другими, не будут всегда — пока только они будут существовать — во враждѣ с управляемыми! Как будто бы у людей, стоящих у власти, даже если они искренни, не будет своих собственных взглядов, которые они будут стараться провести в жизнь! Эти взгляды могут быть хорошими, но могут быть и дурными. Если бы они растворились в массѣ, они остались бы без вліянія, но если в руках их сторонников находится власть, они будут силою навязаны тѣм, кто с ними несогласен. И чѣм искреннѣе будут стоящіе у власти люди, тѣм безжалостнѣе они будут по отношенію к своим противникам, потому что они будут убѣждены, что работают на пользу человечества.

Мы уже видѣли в одной из предыдущих глав, что наше политическое рабство зависит от нашего экономическаго положенія; если у нас существуют жандармы, судьи, министры и т. под., то это оттого, что у нас есть банкиры, собственники и т. д., — одно неразрывно связано с другим. Если нам удастся свергнуть тѣх, кто



эксплуатирует нас в мастерской, если мы избавимся от тѣх, кто морит нас голодом, то не будет надобности и в силѣ, которая бы их защищала, и существованіе этой силы станет совершенно безцѣльным.

В настоящее время нужно правительство, нужны законы, нужны депутаты, которые бы их издавали, судьи, которые бы их прилагали, полиція, которая бы заботилась об исполненіи рѣшеній судей, потому что люди, захватившіе себѣ все, нуждаются в силѣ, чтобы защищаться против требованій тѣх, кого они ограбили. Но рабочій, что ему защищать? На что ему вся эта правительственная машина, поддерживаемая исключительно на его счет и не приносящая ему никакой пользы, кромѣ развѣ того, что она напоминает ему, что у него есть всего одно право: **право умереть с голоду посреди созданных им богатств.**

В мрачные дни народных возстаній, когда обострившаяся нужда заставляет рабочія массы выйти на улицу, перед ними опять-таки встают тѣ же «общественныя» учрежденія и опять-таки загораживают ему путь к лучшему будущему. Мы должны, поэтому, разрушить их и ни в каком случаѣ не создавать новой аристократіи, у которой будет всегда только одна цѣль: как можно лучше и как можно скорѣе воспользоваться жизнью на счет своих «облагодѣтельствованных» поданных. Но все ли нам равно, какая рука нас бьет: мы хотим, чтобы нас больше совѣм не били.

Не будем забывать, что, каким бы именем не прикрывалась новая власть, какой бы невинной она не казалась, какія бы поправки в нее не вносили, как бы не вербовались входящія в состав правительства личности, — всегда будет два возможных случая: или ея рѣшенія будут имѣть силу закона и будут обязательными для всѣх — тогда для поддержанія этих законов ей будут нужны всѣ учрежденія, существующія теперь, и тогда нужно отказаться от мысли быть свободными; или же личности будут имѣть право обсуждать правительственныя рѣшенія, сообразоваться с ними, если им это нравится, и не обращать никакого вниманія на власть, если они этого не хотят — тогда мы остаемся вполнѣ свободными, но правительство становится бесполезным: оно в таком случаѣ только лишняя помѣха и лишняя угроза. Вывод из этого может быть только один: нам не нужно никакого правительства.

## Глава VIII Судебная власть

Мы уже видѣли, что власть вытекает из того права, которое присвоивает себѣ сила. Но по мѣрѣ того, как умственный горизонт человѣка расширился, этой власти приходилось оправдывать чѣм-нибудь свое существованіе; и вот она стала опираться на религію и поддержку духовенства, приписала себѣ божественное происхожденіе и создала особую замкнутую касту, которая впоследствии начала противиться грубой силѣ короля и высшей аристократіи: так создалась судебная власть. Когда же в 1789 году, власть перешла в руки буржуазіи, то она, конечно, оставила в неприкосновенности этот «столп» общественнаго порядка, тѣм болѣе, что высшія судебныя должности находились, как и военныя, в ея руках. Все ограничилось тѣм, что способ замѣщенія этих должностей был преобразован в соотвѣтствіи с духом времени.

Казнь Людовика XVI нанесла сильный удар «божественному праву», и судебной власти, если она не хотѣла подвергнуться той же все уравнивающей участи, уже не приходилось больше опираться на него. И вот тогда-то изобрѣли, или, вѣрнѣе, возвели на степень божества *закон*, а судебная власть стала его «неподкупной» блюстительницей и исполнительницей. Цѣль была, таким образом, достигнута: самое опасное учрежденіе, самое необходимое орудіе для защиты привилегированных классов удержалось на мѣстѣ, сдѣлавшись жрецом новаго божества — *закона*, — созданнаго новыми властителями.

Подчиненіе Франціи царству *закона* представляет собою одно из тѣх завоеваній 89 года, которыя особенно охотно прославляют буржуазныя историки. Сведеніе всей власти к своду законов повело прежде всего к тому, что узаконило самый ужасный произвол: всѣ французы оказались теперь равны перед законом, и народу больше ничего не оставалось требовать. У всѣх был теперь только один властелин; перед ним, правда, нужно было преклоняться, но это все-таки вносило нѣкоторое равенство. Таким властелином стал *закон*.

Но если, вмѣсто того, чтобы обманывать себя словами, мы разберем, что выиграли рабочіе от этой перемѣны, то увидим, что они только лишній раз оказались обманутыми. В самом дѣлѣ, когда во времена неограниченной королевской власти король или аристократы заставляли простаго человѣка служить себѣ, то положеніе было ясно: «такова наша воля», говорили они, и это ясно показывало, откуда вытекает их право. Они опирались только на свою шпагу, на которую разсчитывали гораздо больше, чѣм на волю Божью, т. е. черпали свое право только из силы. Их приказанія исполняли, их капризы сносили, но только потому, что нельзя было им сопротивляться; не было, по крайней мѣрѣ, глупцов, которые бы говорили, повторяя слова заинтересованных лиц, что таков закон, а закону каждый обязан подчиняться, пока он не отмѣнен.

Но признавая, что закон может измѣняться, мы тѣм самым признаем, что он может сдѣлаться отсталым, а слѣдовательно, по самому существу своему, для кого-нибудь

вредным, потому что всегда есть люди, идущие впереди своего времени. Но в таком случае закон окажется несправедливым и не сможет претендовать на то уважение, которым его хотят окружить. В самом деле, если закон угрожает моим интересам или моей свободой, то на каком основании меня принуждают ему подчиняться и где тот вечный и неизменный принцип, который оправдывал бы это насилие надо мной?

Когда в науке, ученые, после долгих трудов и изысканий, формулируют то, что называется естественным законом, то при этом не бывает никакого большинства, никакой группы людей, которые бы сочли себя стоящими выше всех обыкновенных смертных и решились, что согласно их желанию, естественным силам природы предписывается следовать тому или иному пути эволюции. Если бы кто-нибудь вздумал предъявить такие претензии, то ему только разсмѣялись бы в лицо. Когда говорят о каком-нибудь естественном законе, то это значит, что если такое-то явление, такое-то химическое соединение происходит, то это потому, что при данных условиях, в присутствии такой-то силы или такого-то химического средства, оно не могло не произойти. Такие-то силы, приходящие в действие при таких-то обстоятельствах, приводят к таким-то результатам, это вычисляется с математическою точностью. Открытый закон, таким образом, не *управляет* явлениями, а только *объясняет* их причины. Можно оспаривать эти законы, сомневаться в них, даже отрицать их; различные тѣла, составляющие нашу вселенную, не перестанут от этого соединяться сообразно своим свойствам и своему средству, земля не перестанет вертѣться — и при этом не будет никакой надобности в силе, которая бы охраняла правильность их эволюции и наказывала тех, кто захотѣл бы ее нарушить.

В нашем обществе дело стоит совершенно иначе: законы как будто бы только для того и существуют, чтобы их нарушали. Это зависит от того, что люди, которые их создавали, сообразовались только с своими личными вкусами, с интересами того общественного класса, который они представляют, с средним уровнем нравственного развития своего времени, а вовсе не с характером, стремлениями и склонностями тех, кого хотѣли подчинить; это было бы, впрочем, и невозможно в виду разнообразия индивидуальных характеров и склонностей. Каждой частности соответствует свой закон; в социологии также не может быть единого и всеобщаго закона для всех случаев, как и в физике; такой закон оказался бы произвольным и неприложимым. И действительно, в нашем обществе нѣтъ ни одного закона, который не был бы вредным для тех или других из составляющих его членов — или по отношению к их интересам, или по отношению к их идеям, — ни одного закона, который бы каждая партия, одержавшая побѣду, не могла обратить в оружие против своих врагов. Всякая партия, раз она пришла ко власти, становится выразительницей закона, потому что именно она, через посредство своих органов, его применяет.

Мы можем, поэтому, заключить, что раз закон есть лишь проявление воли сильного, ему слѣдует подчиняться только тогда, когда нѣтъ сил противиться; но он ничѣм не оправдывается и пресловутая *законность* есть лишь вопрос о большей или меньшей силе. Поэтому когда нѣкоторые шарлатаны, говоря с рабочими, ссылаются на законность, как на главный аргумент, рабочие имѣют право разсмѣяться им в лицо и спросить, совѣтовались ли с ними те люди, которые выдумывали эти законы. А если бы даже эти законы когда-нибудь и были ими приняты, то во всяком случае они могут имѣть силу только до тех пор, пока принявшие их считают их полезными и

соглашаются с ними сообразоваться. Странно было бы, в самом дѣлѣ, если бы, только потому, что мы в тот или другой момент приняли извѣстную линію поведенія, нас хотѣли заставить держаться ея во всю остальную нашу жизнь, не внося в нее никаких измѣненій, только потому что это может не понравиться нѣкоторым другим людям, которые в силу различных причин находят существующій порядок вещей хорошим и хотят удержать его навсегда. Но что еще смѣшнѣе — это желаніе заставить нас подчиняться законам прошлых поколѣній, увѣрить нас, что мы обязаны уважать тѣ измышленія, которые нѣскольким человѣкам вздумалось каких-нибудь пятьдесят лѣтъ тому назад возвести в закон; смѣшна эта дерзость, с которой люди рѣшаются парабощать настоящее понятіям, ставшим достояніем прошлаго.

Но тут мы слышим возраженія всѣх изобрѣтателей законов, всѣх тѣх, кому их существованіе выгодно, а также и наивных людей, идущих за ними: «как!» восклицают они, «общество не могло бы существовать без законов; люди перегрызли бы между собою, если бы не было власти, пекущейся о них и удерживающей их в предѣлах страха и уваженія к существующим положеніям». Но мы увидим, что никакіе законы, никакое принужденіе не могут ни утратить, ни предупредить преступленій, потому что эти преступленія — результат нашей дурной общественной организаціи; нужно поэтому заботиться не об удержаніи или измѣненіи существующих законов, а о преобразованіи всего нашего общественнаго строя.

Но больше всего нас возмущает то, что находятся люди, которые рѣшаются быть судьями других. Еще можно понять, что в тѣ времена, когда власть опиралась на божественное происхожденіе и правосудіе считалось исходящим от самого Бога, носители его могли считать себя особыми существами, надѣленными, по волѣ Божьей, частицей его всемогущества и непогрѣшимости, и способными распредѣлять награды и наказанія среди обыкновенных смертных.

Но в наш вѣкъ науки и свободной критики, когда всѣ признают, что всѣ люди созданы одинаковыми, подвержены одним и тѣм же страстям, одним и тѣм же увлеченіям и ошибкам; когда умирающее Божество уже не вдохновляет всегда рискующей ошибиться человѣческой ум, мы совершенно не понимаем, как могут существовать люди, у которых хватает дерзости или умственной ограниченности принимать на себя сознательно и хладнокровно такую страшную отвѣтственность, как отнять у другого человѣка жизнь или часть его свободы.

Каждый день, в самых обыкновенных жизненных дѣлах нам приходится останавливаться не только перед разрѣшеніем вопроса о причинах, побудивших к тому или другому поступку окружающих нас людей, но даже перед объясненіем своих собственных побужденій; каким же образом мы можем быть настолько высокаго мнѣнія о себѣ, чтобы считать себя способными разобраться в дѣлѣ, гдѣ нам неизвѣстны ни начало, ни участники, ни побудительныя причины, гдѣ все является в преувеличенном и искаженном видѣ, с комментаріями разных участвующих в нем или даже только слышавших о нем людей?

Вы, являющіеся строгими и непогрѣшимыми судьями этого человѣка, укравшаго или убившаго, — развѣ вы знаете побудившія его на это причины? Развѣ вы знаете всѣ условія среды, наслѣдственности, даже случайныя обстоятельства, повліявшія на его мозг и заставившія его совершить тот поступок, который вы ставите ему в упрек? Вы, непогрѣшимые люди, налагающіе проклятіе на того «подсудимаго»,

котораго полиція привела и поставила перед вами, — задавались ли вы когда-нибудь вопросом о том, не поступили-ли бы и вы так же как он, если бы вы были поставлены в тѣ же условія? Даже если бы вы, в самом дѣлѣ, были такими непогрѣшимыми, нравственными людьми, какими вас считают, то и тогда, имѣя в руках право безжалостно разбить человѣческую жизнь и свободу, вы не рѣшились бы высказывать своих приговоров, если бы вы дѣйствительно подумали о непрочности всего человеческого. Если бы вы сознали, что вы дѣлаете, вы в ужасѣ отвернулись бы от этого дѣла! Неужели послѣ этого вы могли бы проводить ночи без кошмаров? Неужели вас не мучили бы призраки жертв вашего так называемаго правосудія? Нѣтъ, только безсознательность — результат глупости и привычки — дает вам силу не сломиться под тяжестью упреков совѣсти и призраков ваших жертв.

Наше время критики и положительной науки не признает законности какой-нибудь высшей власти, награждающей добрых и наказывающей злых. Этот принцип был вполнѣ логичен на извѣстной ступени развитія человечества, но теперь он устарѣл и мы противопоставляем ему другой. Каждый из нас считает дѣйствія других людей хорошими или дурными, смотря по тому, пріятны они ему или непріятны, и сам поступает соотвѣтственно этому. Он одобряет, восторгается, или нападает смотря по тому, соотвѣтствует ли данный поступок его выгоду, его чувству, или его понятію об идеалѣ. Общая потребность в солидарности, заставляющая людей, подверженных одним и тѣм же нападеніям, соединяться для общей защиты, кажется нам лучшей гарантіей будущаго общественнаго строя, болѣе спокойнаго, чѣм наш. Мы не судим: мы только дѣйствуем и боремся, и думаем, что всеобщая гармонія сама явится результатом свободной дѣятельности личностей, как только уничтоженіе частной собственности сдѣлает невозможным, чтобы какая-нибудь горсть людей держала в порабощеніи всѣх остальных.

Итак, мы не признаем, чтобы через каких-нибудь шесть недѣль, или шесть лѣтъ послѣ совершенія извѣстнаго поступка, горсть людей, опирающихся на вооруженную силу, имѣла право собраться и, во имя отвлеченнаго понятія, наказывать или награждать совершившаго этот поступок человѣка. Все это — одна трусость и лицемеріе: вы обвиняете этого человѣка в убійствѣ и, чтобы показать ему, что он поступил дурно, сами убиваете его через посредство палача — наемнаго убійцы на службѣ у общества. Ни у вас, ни у этого палача, не будет даже того смягчающаго обстоятельства, что вы рискуете своею жизнью: вы дѣйствуете под прикрытіем защищающей вас вооруженной силы. Мы, борющіеся с господствующим классом, говорим судьям: признайте прямо, что вы его защитники, и оставьте нас в покоѣ с вашими громкими фразами; поддерживайте тѣ привиллегіи, защита которых вам поручена, употребляйте силу, которую общее невѣжество дает вам в руки, но оставьте в покоѣ правосудіе и справедливость: они не имѣют ничего общаго с тѣм, что вы дѣлаете.

Чтобы мы могли как слѣдует оцѣнить вашу роль охотников, травящих звѣря, нам бы хотѣлось, чтобы вы как-нибудь попали, будучи невинными, в руки ваших сотоварищей-судей, которые бы стали в свою очередь судить вас. Вы бы узнали тогда, сколько тревог и мученій должны были пережить тѣ подсудимые, которые проходили перед вами и которыми вы играли как кошка мышкой. Под впечатлѣніем потоков прокурорскаго краснорѣчія, шумящих над вашей головой, перед вами встали бы призраки всѣх тѣх несчастных, которых вы, в течение своей карьеры, принесли в

жертву на алтарь общественного возмездія, и вы с ужасом спросили бы себя: не были ли и они также невинны как я?

Да, мы искренно желали бы, чтобы кому-нибудь из вас пришлось пережить, будучи несправедливо обвиненным, мученія всѣх тѣх, кого вы видите перед собою на скамьѣ подсудимых, — потому что, если бы когда-нибудь его невинность была обнаружена и он вновь вернулся на свой пост, то он по всей вѣроятности явился бы в суд только для того, чтобы разорвать свою судейскую тогу и покаяться во всей своей преступной жизни, когда он судил наугад и торговал человѣческой жизнью.

## Глава IX Право карать преступленія и отношеніе к нему ученых

Современная наука твердо установила, что человек есть ничто иное как игрушка в руках дѣйствующих на него сил и что свободы воли не существует: среда, наслѣдственность, воспитаніе, климатическія и атмосферныя вліянія оказывают на человека свое дѣйствіе, сталкиваясь и комбинируясь различным образом между собою; они управляют человеком и заставляют его вертѣться, как вертится волчок, пущенный рукою ребенка. В зависимости от наслѣдственности, воспитанія и окружающей среды, человек будет больше или меньше подчиняться одним силам или сопротивляться другим, но во всяком случаѣ его нравственная личность будет создаваться под их вліяніем.

Однако, установив всѣ эти положенія, нѣкоторые ученые, во главѣ с Ломброзо, сдѣлали попытку показать существованіе особаго преступнаго типа. Они занялись опредѣленіем тѣх аномалій, которыя, по их мнѣнію, должны были быть свойственными этому воображаемому типу, долго обсуждали его различные признаки и, наконец, пришли к выводу о необходимости строгих наказаній, вѣчнаго тюремнаго заключенія и т. под. Казалось бы, что раз человек дѣйствует под вліяніем внѣшних причин, он не может быть отвѣтственным за свои поступки; ученые это признают, но это не мѣшает им говорить о необходимости карательных мѣр! Ниже мы вернемся к объясненію этого противорѣчія, а пока посмотрим, какіе именно признаки считаются учеными криминалистами характерными для преступника. В числѣ их мы находим: слѣды старых ран, аномаліи кожи, ненормальное строеніе ушей и носа, слѣды татуировки. Есть еще и многіе другіе, которыя имѣют также мало отношенія к духовному складу человека, как и эти, но, не обладая спеціальными познаніями в области анатоміи, мы не будем входить в их разбор. Ограничимся пока только перечисленными. Итак, прежде всего, раны: ясно, не правда-ли, что человек, у котораго есть слѣды старых, не может быть ничѣм иным, как только закоренѣлым преступником, особенно если он получил эти раны гдѣ-нибудь на работѣ, или рискуя своею жизнью для спасенія другого! До сих пор мы всегда думали, что преступленіе состоит скорѣе в нанесеніи ран, чѣм в их полученіи, но оказывается, что наука рѣшила иначе: преступник — тот, кто позволил себя ранить. Что-ж, нам остается только преклониться! Что касается ненормальной формы носа и ушей, то напрасно мы трудились над рѣшеніем вопроса о том, какое они могут имѣть отношеніе к свойствам человеческого мозга. Мало того: Ломброзо сам признает, что многіе из тѣх признаков, на которые он указывает, как на аномаліи, очень часто встрѣчаются и у тѣх, кого он называет людьми порядочными. Но вѣдь в таком случаѣ эти аномаліи являются общим правилом! А мы-то думали до сих пор, что аномалія, это — свойство, выходящее из общаго правила! Оказывается, что наука по Ломброзо говорит нам

противоположное — печальное противорѣчіе, наглядно показывающее, как люди, специализировавшиеся на одном каком-нибудь вопросе, на одном уголке науки, теряют в конце концов всякое ясное представление о целом и стремятся только к одному: свести все к своей специальности.

Имѣть уродливое ухо или уродливый нос — особенно нос, конечно очень неприятно, особенно если этот недостаток принимает слишком смѣшную форму. Нѣтъ ничего красиваго в том, чтоб имѣть на лицѣ какой-нибудь нарост или пятно; очень часто это бывает одинаково неприятно как для самого человѣка, так и для тѣх, кто на него смотрит. Однако мы всегда думали, что имѣть такого рода уродство и без того достаточно горестно, чтобы еще вдобавок на человѣка смотрѣли как на преступника. Но так как таково именно мнѣніе Ломброзо, то нам остается только довести его до крайних послѣдствій и потребовать, чтобы акушеров и врачей обязали убивать всѣх новорожденных, являющихся на свѣтъ с уродливым носом или ухом. Всякое пятно на кожѣ составляет вѣрный признак нравственной испорченности. Возьмите, наприимѣр, меня: у меня, помнится, есть гдѣ-то на тѣлѣ такія пятна, а к тому же я — анархист, что уже само по себѣ считается нѣкоторыми признаком преступности; все это отлично подходит одно к другому и ясно говорит за то, что я должен стать преступником. А слѣдовательно, нужно предать меня смерти: теорія очевидно предсказывает мнѣ смерть на эшафотѣ. Правда, если бы приложить эту доктрину ко всѣм, кто под нее подходит, то, может быть, в живых осталось бы очень мало людей, но зато каким бы совершенным оказалось человѣчество и в нравственном и в физическом отношеніи! Никогда не нужно отступать перед логическими послѣдствіями какой-нибудь теоріи, когда она основывается на наблюденіи, как теорія Ломброзо!

Что касается татуировки, то мы, конечно, никогда не считали ее признаком особенно высокаго эстетическаго развитія: это — атавизм, под вліяніем котораго люди стремятся усовершенствовать свою «естественную красоту» разными украшеніями — совершенно так же, как это дѣлали наши предки в каменный вѣкъ. Тот же самый атавизм заставляет до сих пор многих женщин прокалывать себѣ уши, чтобы вставлять туда кусочки металла или блестящіе камни, совершенно так же, как бразильскіе ботокуды и нѣкоторыя австралійскія и африканскія племена прорѣзывают себѣ губы, носовой хрящ, или уши и вставляют туда круглые куски дерева или металла, что, с их точки зрѣнія, придает им необычайную красоту.

Мы всегда считали эти приемы черезчур первобытными, но до сих пор не видѣли в них никакого проявленія жестокости; однако, раз уж Ломброзо нас просвѣтил, то мы надѣемся, что нас избавят не только от людей, которые себя татуируют, но и от тѣх женщин, которыя прокалывают себѣ уши или красят волосы.

Тот же ученый сдѣлал попытку установить на таких же шатких основаніях и тип политическаго преступника; но разбор этого завлек бы нас слишком далеко, а потому мы ограничимся критикой его теоріи преступности в собственном смыслѣ слова.

Нашлись, впрочем, другіе, болѣе развитые, ученые, которые сами скоро подвергли критикѣ эти черезчур фантастическія соображенія и доказали, как мало значенія имѣют тѣ признаки преступности, которыми хотѣли надѣлать людей, обозначенных кличкою преступников. Проф. Манувріе, наприимѣр, в своих лекціях в Парижской Антропологической Школѣ (1890–91 г.г.) блестящим образом разбил теорію Ломброзо и его послѣдователей. Показав, прежде всего, неосновательность самих наблюденій,



на которых итальянскій ученый и его послѣдователи основывались для характеристики своего преступнаго типа, для котораго они избрали людей, уже искалѣченных тюрьмою или вообще ненормальною жизнью, Мануврѣ говорит затѣм, что у людей могут быть извѣстныя наклонности к того или другого рода поступкам, но что они не предназначены строеніем своего мозга или скелета непременно совершить эти поступки и стать таким образом тѣм, что называется преступником. Извѣстнаго рода наклонность может с одинаковою вѣроятностью привести человѣка, смотря по обстоятельствам, как к поступку, который считается похвальным, так и к поступку, считающемуся преступным.

Напримѣр, большая мускульная сила может, в момент гнѣва, сдѣлать из человѣка убійцу, но она же может сдѣлать из него и полицейскаго, задерживающаго преступника. Сильныя страсти, презрѣніе к опасности и к смерти, которую человѣкъ с одинаковою легкостью готов и причинить другому и встрѣтить сам — все это одновременно — и пороки, встрѣчающіеся у преступника, и добродѣтели, требующіяся от солдата. Изворотливый ум, склонный к обману, вкрадчивый и льстивый, могут сдѣлать из человѣка плута, совершающаго цѣлый ряд краж и мошенничеств; но, вмѣстѣ с тѣм, это — тѣ же самыя свойства, которыя нужны для хорошаго сыщика и слѣдователя.

Идя послѣдовательно за своею аргументаціею, Мануврѣ приходит к тому выводу, что иногда бывает очень трудно отличить так называемаго преступника от так называемаго честнаго человѣка и что многіе из тѣх, которые находятся на свободѣ, должны были бы быть в тюрьмѣ, и наоборот.

Но, признавъ вмѣстѣ со всѣми другими учеными, что человѣкъ есть ничто иное как игрушка в руках внѣшних сил, по равнодѣйствующей которых он движется в каждый данный момент, что свободы воли не существует, что правосудіе есть отвлеченное понятіе, в дѣйствительности сводящееся к воздѣйствію общества, мстящаго за потерпѣвшую личность, — послѣ всѣх этих выводов, так близко подходящих к тому, что говорят анархисты, он, к несчастью останавливается на пол-дорогѣ и приходит к заключенію, что существующія наказанія еще недостаточны и что их нужно усилить. Он, правда, прячется при этом за самосохраненіе общества: преступные акты, говорит он, нарушают его существованіе и оно имѣет право защищаться, принимая на себя месть за потерпѣвших личностей и налагая на тѣх, кто ему мѣшает, такія строгія наказанія, которыя отняли бы у них охоту продолжать в том же направленіи дальше.

От чего же зависит это явное противорѣчіе между такими широкими идеями с одной стороны и такими узкими взглядами с другой, между выводами, требующими сохраненія извѣстных учрежденій, и послылками, доказывающими их нелѣпость? Увы, это противорѣчіе не составляет исключительнаго свойства тѣх людей, которые в него впадают, а зависит вообще от несовершенства человѣческаго ума.

Человѣкъ не обладает всеобъемлющим знаніем; ученый, занимающійся со страстью каким-нибудь одним предметом, может совершать чудеса в избранной им области, может, переходя от одного умозаключенія к другому, рѣшать в этой области самыя сложныя задачи; но так как ему нѣтъ возможности изучить так же хорошо всѣ отрасли знанія, то он поневолѣ остается позади в вопросах, касающихся других наук. Поэтому, когда он хочет приложить свои, может быть, очень замѣчательныя открытія к другим

областям человеческой мысли, он обыкновенно дѣлает это неудачно и из открытых им истин выводит ложныя заключенія.

В самом дѣлѣ, если бы антропологи, изучавшіе человѣка и показавшіе его истинную природу, изучали и анализировали так же тщательно и социологическія явленія, если бы они точно так же подвергли своей критикѣ всѣ общественныя учрежденія, существующія у нас, их выводы оказалась бы, несомнѣнно, совершенно иными. Раз они признают, что человѣкъ дѣйствует под вліяніем внѣшних условій, они должны заняться отысканіем причин, создающих эти условія; когда они изучают личность и дѣйствія так называемаго преступника, для них должно явиться как необходимое условіе разсмотрѣніе природы этих поступков и тѣх причин, благодаря которым они оказываются во враждѣ с общественными законами. И вот здѣсь-то вслѣдствіе вліянія окружающей среды, связанных с воспитаніем предрасудков и сравнительно малому знакомству с тѣми научными вопросами, которых они не изучают специально, они и приходят, незамѣтно для самих себя, к заключеніям, вполне выгодным для существующаго порядка вещей; правда они признают его недостатки и даже требуют нѣкоторых улучшеній в пользу обездоленной части общества, но никакого другого средства для этого они не находят, кромѣ дѣятельности правительственной власти. В них прочно утвердилась привычка двигаться не иначе, как в путях и под угрозой кнута; наиболѣе независимые умы, правда, очень хотѣли бы избавиться от этого гнета и избавить от него небольшое меньшинство избранных, но они не могут представить себѣ, чтобы все человѣчество вообще могло существовать без всевозможных оков и тюрем.

Если мы разберем, какія именно преступленія составляют главные противупообщественныя поступки, обращающіе на себя вниманіе закона, и оказывающіеся наиболѣе частыми, то мы увидим, что, если исключить нѣкоторыя преступленія, совершаемыя под вліяніем страсти — очень рѣдкія и к которым и врачи и судьи относятся снисходительно, — то наибольшее количество преступленій и проступков придется на преступленія против собственности. И вот тут-то является вопрос, на который могут отвѣтить только тѣ, которые тщательно изучили наш общественный строй в его природѣ и его проявленіях: справедливо-ли существованіе собственности? можно-ли защищать ту общественную организацію, которая создает такое количество преступленій?

Если данный общественный строй вызывает столько поступков, являющихся неизбежной реакціей против него, то он очевидно неразумен и нарушает интересы очень многих людей; общественный договор здѣсь не есть уже результат добровольнаго и единодушнаго соглашенія, а результат гнета и произвола, т.-е. другими словами, мы приходим к тому самому выводу, который составляет главную мысль нашей работы. А раз мы признали этот главный недостаток нашего общественнаго устройства, то нам станет ясным, что для искорененія преступленій, нужно уничтожить создающій их общественный строй. Устройте так, чтобы каждому члену общества было обеспечено удовлетвореніе его потребностей, чтобы ничто не стѣсняло его свободнаго развитія, чтобы в общественной организаціи не было таких учреждений, которыми бы он мог воспользоваться для притѣсненія других людей — и вы увидите, что преступленія исчезнут. Если же и останутся гдѣ-нибудь личности; настолько испорченныя нашим теперешним общественным строем, чтобы совершать такіе

поступки, которым нельзя найти другого объяснения, кроме сумасшествия, то эти личности станут тогда достоянием науки, а не палача — этого наемного убийцы на службѣ у общества, основаннаго на капитализмѣ и государственности.

Вы говорите, что боретесь с ворами и убийцами? Но что такое, в сущности, вор и убийца? Вы скажете, что это люди, стремящіеся жить ничего не дѣлая, на счет общества. Но посмотрите кругом — и вы увидите, что ваше общество кишит ворами и что ваши законы не только не преслѣдуют их, но, наоборот, только для того и существуют, чтобы их защищать. Лѣность не только не наказывается, но наоборот: удовольствіе жить ничего не дѣлая выставляется как идеал и как награда, ожидающая тѣх, кто, какими бы то ни было средствами, сумѣл устроить себѣ легкую жизнь без труда.

Вы наказываете как вора какого-нибудь бѣдняка, который, не имѣя работы, украдет, рискуя каторгой, кусок хлѣба, чтобы утолить свой голод; но вы низко кланяетесь миллионеру, который захватит на рынкѣ, благодаря своим капиталам, какіе-нибудь предметы, необходимые для потребленія всѣх, и станет потом продавать их на 50 % дороже; вы смиренно и терпѣливо стоите в передней у какого-нибудь финансиста, который в своей биржевой игрѣ разорит сотни семей, чтобы обогатиться на их счет.

Вы наказываете преступника, который убьет кого-нибудь для удовлетворенія своей склонности к лѣни и разврату, но кто внушил ему эту склонность как не ваше общество? Вы наказываете его, когда он совершает свой поступок в незначительных размѣрах, но вы содержите цѣлыя арміи, которыя посылаете в отдаленныя страны, чтобы продѣлывать то же самое, только в крупных размѣрах, над беззащитными народами. А эксплуататоры, которые убивают не одного человѣка, даже не десять человѣк, а цѣлыя поколѣнія, истощая их работой, урѣзывая каждый день их заработок, доводя их до самой ужасной нищеты? О, на их сторонѣ всѣ ваши симпатіи и, в случаѣ надобности, вы отлично умѣете отдать в их распоряженіе всѣ силы вашего общества! А тот закон, бдительными стражами котораго вы являетесь? Стоит только эксплуатироваться, когда им, наконец, надоѣст терпѣть, поднять немного голову и потребовать немного больше хлѣба и немного меньше работы, как вы превращаете этот закон в покорное оружіе привилегированных классов против неумѣстных требованій бѣдняков.

Вы наказываете глупца, который попался в ваши сѣти, но если найдется ловкій человѣк достаточно сильный, чтобы их прорвать, то вы оставите его в покоѣ. Вы сажаете в тюрьму бродягу, который гдѣ-нибудь по дорогѣ украдет яблоко, и представляете всю вашу судебную процедуру в распоряженіе собственника, чтобы помочь ему украсть у бѣдняка, который должен ему каких-нибудь нѣсколько рублей, всю его мебель, которая стоила ему, может быть, нѣсколько десятков рублей и представляет собою сбереженія, сдѣланныя им в теченіе цѣлых долгих лѣтъ.

Ваше правосудіе в высшей степени строго к вору в лохмотьях, но очень благосклонно к тому, кто обкрадывает цѣлый класс или цѣлый народ. И в самом дѣлѣ: развѣ не для того и существуют всѣ ваши учрежденія, чтобы обезпечить имущим свободное пользованіе награбленным богатством?

Но что нас еще больше возмущает, это тѣ лицемѣрныя формы, в которыя буржуазія облекает свои судебныя комедіи; она не имѣет смѣлости продѣлывать их открыто и кромѣ того хочет этим путем заставить нас смотрѣть на них, как на нѣчто священное.

Есть, впрочем, нечто, еще болѣе возмутительное: это — поведение тѣх комедіантов, которые, под видом нападенія на существующій строй, нападают, в сущности, только на лиц, прилагающих его законы, и на способ их приложенія, оставляя в неприкосновенности самую их сущность; этим они как бы показывают, что есть много способов прилагать закон и между этими способами может найтись и хорошій, что среди людей, которые придут ко власти, могут оказаться люди, достаточно честные, с достаточно широкими взглядами — одним словом, такіе люди, каких не бывает — чтобы найти этот хорошій способ и пользоваться им ко всеобщему удовольствію. И мы, право, не знаем, чему больше нужно удивляться: ловкости ли тѣх, кто рассказывает нам подобныя нелѣпости, или наивности тѣх, которые продолжают относиться с уваженіем к этим комедіям, всю тяжесть которых они несут на себѣ. Трудно понять, как среди безчисленнаго множества людей, прошедших через руки правосудія, до сих пор не нашлось человѣка, достаточно свободнаго от всѣх предрасудков, чтобы подойти к одному из осудивших его, сорвать с него судейскую тогу и показать всѣм, что под этими тряпками находится такой же человѣкъ, как и всѣ, подверженный тѣм же слабостям и тѣм же ошибкам, уже не говоря о преступленіях, которыя он способен совершить ради интересов своей касты.

Для нас, анархистов, борющихся против власти вообще, законность есть ничто иное, как одна из тѣх лицемѣрных масок, которыми прикрывают всевозможныя преступленія наших правителей и которыя мы всего больше должны стараться сорвать. Уже и так слишком долго этот божок пользовался всеобщим уваженіем; слишком долго народы думали, что судебныя учрежденія обладают особой, высшей природой и витают в высших сферах, недоступных человѣческим страстям; слишком долго люди вѣрили в существованіе особых личностей, как бы иной породы, призванных воздавать на землѣ каждому по его заслугам на основаніи идеальнаго понятія о правосудіи. Между тѣм, каждый понимает это правосудіе по своему, соотвѣтственно условіям, в которыя он поставлен; тѣ же, которые формулировали его в сводѣ законов, вдохновлялись именно болѣе отсталыми, болѣе отжившими идеями, с цѣлью защиты эксплуатаціи и порабощенія слабых болѣе сильными, сумѣвшими подчинить их себѣ. Пора уже порвать с этими нелѣпыми предрасудками и начать открыто бороться против всѣх учреждений, унижающих человѣческую личность: свободный человѣкъ не может признать за кѣм бы то ни было права судить и осуждать других людей. Понятіе *о правосудіи* в том видѣ, в каком оно проявляется в существующих учреждениях, пало вмѣстѣ с понятіем *о Божествѣ*; одно повлекло за собою другое. В тѣ времена, когда люди были еще настолько отсталыми, чтобы увѣрить в сверхъестественное существо, стоящее внѣ матеріальнаго міра, занимающееся всѣм, что совершается на нашей планетѣ и управляющее поступками всѣх живущих на ней людей, понятіе о Богѣ, внушающем судьям их приговоры, еще могло заставить повѣрить в непогрѣшимость человѣческаго правосудія.

Но раз вѣра в Бога и сверхъестественный міръ исчезла и человѣческая личность осталась одна, со всѣми своими слабостями и страстями, то вмѣстѣ с тѣм должен исчезнуть и этот высшій характер непогрѣшимости, свойственный божеству, которым облекла себя судебная власть, чтобы стать выше остальнаго общества; перед открывшимися глазами людей должно предстать то, что составляет ее истинное содержаніе:

угнетение и эксплуатация одного класса другим, насилие и обман, возведенные в принцип и превращенныя в *общественныя учреждения*.

Наука помогла нам снять этот таинственный покров, разоблачить этого колосса, и теперь ей уже поздно возвращаться назад и пытаться замѣнить свергнутое божество представлением о новом высшем существѣ — Общество. Нужно, чтобы ученые окончательно отдѣлались от своего буржуазнаго воспитанія и принялись за изучение общественных явлений с тѣм же рвеніем и с тѣм же безкорыстіем, которое они проявляют в изученіи других спеціальных отраслей знанія. И вот тогда, когда они перестанут находиться под вліяніем чуждых наукѣ соображеній и предрасудков, они не будут приходить к заключенію о необходимости осужденія преступника, а скажут, вмѣстѣ с нами, что нужно разрушить тот общественный строй, который, в силу недостатков своей организаціи, ведет к тому, что в его средѣ существует раздѣленіе на людей, считающихся порядочными, и людей, называемых преступниками.

## Глава X Вліяніє среды

Высказанную только что истину, впрочем, уже начинают все больше и больше сознавать и она все больше прокладывает себѣ дорогу в научном мірѣ, так что теперь оспаривать факт измѣненія живых существ под вліяніем среды могут развѣ только какіе-нибудь устарѣлые представители официальной науки.

В настоящее время всѣ признают, что почва, климат, благоприятныя или неблагоприятныя для жизни организмов условія оказывают такое же, если не большее, вліяніе на их развитие, как и всѣ другія причины, которым прежде приписывали исключительное вліяніе на их приспособленіе к окружающему міру и на их измѣненія.

Относительно человѣка, котораго хотѣли выдѣлить из всѣх остальных существ, признать это было не так легко, тѣм болѣе, что он, в свою очередь, и сам измѣняет ту среду, в которой живет. В концѣ концов однако, и здѣсь пришли к заключенію что он, подвержен тѣм же вліяніям и развивается в силу тѣх же самых первоначальных причин, как и всѣ другіе организмы. Еще труднѣе было дойти до объясненія, на основаніи тѣх же самых законов, его нравственной эволюціи: даже тѣ, которые отрицают свободу воли и признают, что человѣкъ дѣйствует исключительно под давленіем внѣшних условій, не могут до сих пор принять всѣх послѣдствій этого, т. е. признать, что причина преступности лежит в характерѣ всего существующаго строя, и что поэтому самый этот строй требует преобразованій. Немногіе, наиболѣе смѣлые, соглашаются в принципѣ с тѣм, что наш общественный порядок плох, что он нуждается в реформах, что нѣкоторыя из его учрежденій являются, дѣйствительно, причиной преступленій; но и в их глазах главной виновницей оказывается все таки сама порода человѣка: ей свойственны, говорят они, такія страсти, которыя нужно обуздывать, а это может сдѣлать только общество, как бы значительны не были его недостатки. Чтобы смягчить отвѣтственность общества в цѣлом, они, кромѣ того, дѣлят общественную среду на нѣсколько частей, каждой из которых точно также дают названіе среды и приписывают всѣ дурныя вліянія этим отдѣльным частям. Что касается общества, говорят они, то, конечно, оно несовершенно; но все таки, даже в том видѣ, как оно есть, оно защищает слабых, обеспечивает личности свободу труда и оказывает ей болѣе дѣйствительную и болѣе дешевую защиту, чѣм если бы ей пришлось защищаться самой. Одним словом, общество — это договор взаимнаго страхованія, заключенный между личностями, и преступленія зависят гораздо больше от самой природы человѣка, чѣм от общественной организаціи.

Мы далеко не считаем человѣка образцом совершенства: по правдѣ сказать, это — довольно жалкое животное, которое или растаптывает ногами себѣ подобных, или же пресмыкается перед тѣми, кто может растоптать его самого. Однако человѣком руководят не исключительно только дурныя инстинкты: всѣ тѣ прекрасныя чувства любви, милосердія, братства, самоотверженія, солидарности, которыя воспѣваются и поэзіей, и религіей, и нравственностью, показывают, что если он и дѣйствует иногда

под впливієм чувств дурных, то в нем все таки живет нѣкоторое стремленіе к идеалу, к совершенствованію. И вот это-то стремленіе общество и подавляет, мѣшая ему развиваться.

Человѣкъ, и в физическом, и в нравственном отношеніи, не создан сам, как и всѣ другія животныя, высшим типом которых он является, он представляет собою продукт извѣстных обстоятельств, извѣстных комбинацій и соединеній вещества. Ему пришлось бороться за свое развитіе, и если он в значительной степени преобразовал окружающую его среду, то эта послѣдняя оказала в свою очередь впливіе на его привычки, на весь его способ жить, думать и дѣйствовать. Человѣкъ создал общество под впливіем своего характера и своих влеченій и до сих пор продолжает оказывать на него извѣстное впливіе; но не нужно забывать, что, со времени основанія первых обществ; человѣкъ не переставал развиваться, тогда как общества, с самага появленія крупных общественных групп, не переставали быть основанными на принципах власти и собственности. Революціи вносили нѣкоторыя измѣненія в отдѣльныя частности; власть и собственность переходили из рук в руки, от одного класса к другому, но в основѣ общества все также лежали антагонизм и конкуренція между личностями и оно все также давило всею своею тяжестью на их духовное развитіе.

Люди рождаются в общественной средѣ, в ней же пріобрѣтают свои первыя понятія и проникаются цѣлым рядом предразсудков и ложных представленій в ложности которых они убѣждаются только послѣ цѣлых вѣков критическаго разбора. Приходится поэтому признать, что впливіе общественной среды на личность громадно, что оно давит на нее и всею тяжестью своих учреждений, и всею своею коллективною силою, и всѣм тѣм могуществом, которое она черпает из самой продолжительности своего существованія, у человѣка же, для сопротивленія этому впливію, нѣтъ ничего, кромѣ его единичных сил.

Как первая попытка осуществленія солидарности, общество должно было бы имѣть цѣлью улучшить людей, пріучить их к той солидарности, во имя которой они соединились, заставить их братски любить друг друга и дѣлиться друг с другом всѣм: радостью, удовольствіями, наслажденіем, горем, страданіем, трудом и продуктами труда. В дѣйствительности однако вышло наоборот: общество прежде всего раздѣлило людей на множество классов, которые сводятся к двум главным: с одной стороны — правящіе и имущіе, с другой — управляемые и неимущіе. На сторонѣ первых мы находим избыток и пользованіе всѣми благами жизни, на сторонѣ вторых — нужду, лишенія и недостаток во всем. Результатом этого является враждебность между этими двумя категоріями, враждебность, превращающаяся в ожесточенную борьбу, которая может кончиться только или с окончательным порабощеніем второй категоріи, или с полным уничтоженіем первой — по крайней мѣрѣ, как особаго привилегированнаго класса.

Но это вредное и нелѣпое дѣленіе общества на два противоположные класса ведет еще и к другим послѣдствіям. Лежащая в основѣ его противоположность интересов ставит личности во враждебное отношеніе друг к другу даже внутри каждаго класса; существованіе частной собственности ведет к тому, что каждый стремится обогатиться, чтобы обезпечить себя на будущее время, раз общество не берет на себя этого обезпеченія. В основѣ всего современнаго строя лежит конкуренція: какое

бы ремесло, какую бы профессию, какой бы род торговли не избрал себя человек, ему всегда придется бороться с конкуренцией людей, занимающихся тем же самым делом. Для того, чтобы увеличить свои доходы или шансы на успех, а иногда просто для того, чтобы не погибнуть, ему приходится рассчитывать на разорение конкурентов. Даже тогда, когда люди соединяются между собою, это оказывается всегда в ущерб какой-нибудь доле их собственного класса, занятой в той же самой отрасли промышленности. Основываясь на борьбе между личностями, общество превратило каждого человека во врага всех остальных и сделалось таким образом источником всех тех войн, преступлений, краж и т. под., которые обыкновенно приписывают недостаткам человеческой природы, но которые, в действительности, представляют собою исключительно результат общественной организации: общество только содействует их сохранению, тогда как они должны были бы понемногу исчезать под влиянием новых приобретаемых человеком нравственных понятий.

По той же причине и члены имущих классов постоянно ведут между собою борьбу, не видя в чем состоит истинный интерес их класса и что нужно сделать для того, чтобы обезопасить себя спокойную возможность заниматься эксплуатацией и устранить все то, что может показать эксплуатируемым истинное положение вещей. А это заставляет их делать множество промахов, только ускоряющих их падение.

Если бы буржуазия была действительно сплоченной силой, если бы ею двигал не личный интерес каждого, а исключительно общий интерес всего класса, то, при том могуществе, какое дает ей богатство, власть и господство над всеми учреждениями современного общества, административными, исполнительными и принудительными, при ее умственном развитии — неизбежно было бы высоко, чем развитие рабочих, которым она так же скупно уделяет духовную пищу, как и материальную — она могла бы держать эксплуатируемых под гнетом нужды и зависимости, под которым они находятся теперь, еще неопределенно-долгое время. Но, к счастью, жажда пользоваться удовольствиями, блистать и обогащаться, заставляет ее членов вести между собою не менее ожесточенную борьбу, чем они ведут с рабочими. В своей поспешности воспользоваться настоящим положением, они делают ошибки за ошибками, и рабочие, в конце концов, начинают понимать причину своего бедственного положения, начинают сознавать, на каком низком уровне буржуазия стремится их удержать.

Но и в среде рабочих идет такая же борьба, как и в среде буржуазии, и если там она угрожает целостности буржуазного строя, то здесь она, наоборот, содействует его сохранению. Вынужденные бороться за получение возможности заниматься каторжным трудом в пользу буржуазии, рабочие смотрят друг на друга как на врагов, а того, кто их эксплуатирует, склонны, наоборот, считать благодетелем. В обмен за их труд, буржуазия дает им лишь ровно столько, сколько нужно, чтобы не умереть с голоду; вот почему они склонны прежде всего смотреть неприязненно на того человека, который оспаривает у них с таким трудом полученную работу. Свободных мест мало; это еще больше усиливает конкуренцию и заставляет рабочего наниматься за более низкую плату, чем другой сотоварищ. И вот эта-то ежедневная борьба за кусок насущного хлеба и заставляет рабочих забывать, что худшие их враги, это их эксплуататоры.

Буржуазия, правда, сильна своим богатством, своим умственным превосходством и находящейся в ее руках правительственной властью; но она, в конце концов, составляет, сравнительно со всей массой рабочих, лишь ничтожное меньшинство,



и ей скоро пришлось бы сдаться перед численным превосходством, если бы она не нашла средства раздѣлить рабочих и заставить их самих содѣйствовать поддержанію ея привиллегій.

Все это нам показывает, что человек — далеко не ангел, а в прошлом был и вполне звѣрем, в самом прямом значеніи этого слова. Когда он создал первое общество, он положил в его основу инстинкты борьбы и господства; вот почему это общество оказалось таким плохим. С теченіем времени общественная организація не перестала быть плохой: власть продолжала оставаться в руках меньшинства, которое обратило ее в свою пользу, и чѣм больше развивалось общество, тѣм больше сосредоточивалась в руках немногих эта власть и тѣм вреднѣе становились связанныя с нею учрежденія. Наоборот, в человекѣ, по мѣрѣ развитія его ума и облегченія добыванія средств к существованію, развивалось чувство солидарности — то самое чувство, которое уже и раньше руководило им при его соединеніи с другими и которое впоследствии сдѣлалось насущной потребностью. Но религія довела его до крайности, и своею проповѣдью милосердія и самоотреченія обратила и его в новое орудіе эксплуатаціи.

Каких только планов общественных преобразованій ради счастья человечества не создавала потребность гармоническаго общежитія! Но каждый раз общество давило всею своею тяжестью на хорошіе инстинкты человека, возрождало в нем его первобытный эгоизм и заставляло смотрѣть на других как на врагов, которых нужно раздавить, чтобы не быть раздавленным самому; оно приучало его быть равнодушным свидѣтелем гибели тѣх, кого давили колеса чудовишнаго общественнаго механизма: он не мог броситься им на помощь, потому что это значило рисковать самому быть проглоченным ненасытною пастью чудовища, пожирающаго в особенности добрых и наивных людей, руководящихся человекѣлюбивыми чувствами, и щадящаго тѣх, которые умѣют втолкнуть в пасть других и этою цѣною отсрочить свою собственную гибель.

Люди возмущаются против тунеядцев, воров и убійц, против неисправимо-дурных сторон человеческой природы, и не замѣчают того, что всѣ эти пороки давно бы исчезли, если бы их не поддерживал и не развивал существующій общественный строй. Как же вы хотите, чтобы человек был трудолюбивым, когда в нашем обществѣ труд считается унижительным и составляет удѣл парій, когда эксплуататоры превратили его, благодаря своей страсти к наживѣ, в пытку, в занятіе рабов? Как вы хотите, чтобы не было лѣнтяев, когда для всякаго человека, который хочет улучшить свое положеніе, идеал — это накопить, какими бы то ни было средствами, достаточно денег, чтобы жить ничего не дѣлая или заставлять работать на себя других? И чѣм больше число эксплуатируемых им рабов, тѣм выше его общественное положеніе, тѣм большим почетом он окружен и тѣм, слѣдовательно, больше та сумма наслажденій, которую он может взять от жизни.

Общество построено іерархическим образом и самыя высшія положенія, т. е. тѣ, на которыя смотрят как на награду за ум, добродѣтель и трудолюбіе, составляют удѣл именно тѣх, кто никогда ничего сам не дѣлал. Люди, которым удалось тѣм или иным путем добраться до этой верхушки, ѣдят, пьют и предаются наслажденіям, никогда не ударив палец о палец, а внизу лѣстницы стоят и смотрят на эту праздную жизнь эксплуатируемые, которые работают и производят богатства в потѣ лица, не получая взамен ничего кромѣ возможности не умереть с голоду, и не имѣя другой надежды

выйти из этого положенія кромѣ какого-нибудь счастливаго случая. И послѣ этого еще удивляются, что люди имѣютъ склонность жить ничего не дѣлая! Мы скорѣе удивляемся тому, что есть еще глупцы, соглашающіеся работать!

Примѣръ, который общество подаетъ отдѣльнымъ личностямъ, таковъ, что единственный возможный для нихъ идеалъ, это — создать себѣ такое положеніе, гдѣ бы они могли заставлятъ работать и эксплуатировать другихъ, чтобы не быть эксплуатируемыми самимъ. А когда у человѣка не хватаетъ средствъ эксплуатировать людей законно, наживаясь на ихъ трудѣ, то онъ ищетъ другихъ путей. Торговля и финансовыя операціи представляютъ собою пути, дозволенные закономъ и дающіе огромные барыши, когда они производятся въ крупныхъ размѣрахъ; въ мелкихъ же операціяхъ приходится прибѣгать къ различнымъ уловкамъ, при которыхъ человѣкъ лавируетъ между различными статьями закона, а иногда и нарушаетъ ихъ, если только знаетъ, что не попадетъ. Надувательство и обманъ являются тутъ очень цѣнными вспомогательными средствами, благодаря которымъ предприниматель можетъ удесятерять свои барыши.

Для тѣхъ же, кто не можетъ стать въ такія условія, остается еще одно: эксплуатация человѣческой довѣрчивости — мошенничество и другія подобныя операціи. Еще ниже мы находимъ грубое воровство и убійство. Въ зависимости отъ находящихся подъ руками средствъ, отъ среды, въ которой они выросли, люди прибѣгаютъ къ тому или другому изъ указанныхъ средствъ, а иногда и соединяютъ ихъ вмѣстѣ, чтобы какъ можно дальше уберечься отъ строгости закона, считающагося защитникомъ общества.

Нужда и страданія — удѣлъ рабочихъ; туеядство и наслажденіе жизнью — удѣлъ тѣхъ, которые, благодаря силѣ, хитрости или происхожденію, сдѣлались ихъ паразитами.

То же самое можно сказать и о солидарности. Какъ вы хотите, чтобы люди не грызлись между собою, когда они не знаютъ, чѣмъ будутъ завтра питаться сами и чѣмъ накормятъ свою семью, если та работа, на которую они надѣются, достанется ихъ конкуренту? Какъ вы хотите, чтобы въ нихъ жило чувство солидарности, когда всякій разъ, когда они даютъ нищему кусокъ хлѣба, они думаютъ, что можетъ быть въ будущемъ имъ не достанетъ этого куска? Какъ могутъ они поддерживать въ себѣ это чувство, когда имъ приходится каждый день бороться за свое пропитаніе, когда на свѣтѣ есть множество наслажденій, которыхъ они никогда не узнаютъ? Можетъ быть именно потребность сплотиться въ борьбѣ сблизила людей между собою и превратила это чувство въ любовь къ ближнему; но какъ бы то ни было, именно общество отвѣтственно за переживаніе борьбы между личностями и вытекающую отсюда вражду. Какъ вы хотите, чтобы человѣкъ не желалъ другому зла, когда онъ знаетъ, что исчезновеніе этого другого можетъ помочь ему подняться одной ступенью выше на общественной лѣстницѣ, или дать ему лишній шансъ на полученіе желаннаго мѣста, когда, вообще, это — устраненіе опаснаго конкурента? Какъ можно требовать, чтобы человѣкъ сопротивлялся дурнымъ побужденіямъ, когда онъ отлично знаетъ, что все, что будетъ зломъ для его сосѣда, будетъ добромъ для него самого?

Вы говорите, что человѣкъ дуренъ; мы же, наоборотъ говоримъ, что въ немъ, должно быть, живетъ сильная склонность къ добру, если общество не оказывается еще худшимъ, чѣмъ оно есть, если всевозможныя преступленія и несчастья не совершаются въ немъ еще чаще.

Человѣку удалось развить въ себѣ стремленіе къ солидарности, справедливости и гармоніи, наперекоръ всѣмъ вліяніямъ среды, толкающей его на зло, и вотъ эти хоро-

шія чувства стали опять таки предметом експлуатаціи для людей, живущих на его счет. Его мечты о счастьѣ, его стремленіе к лучшему вызвало появленіе на свѣтѣ цѣлаго класса паразитов, которые стали пользоваться этими стремленіями, суля ему их осуществленіе. Мало того: эти чувства даже стали наказываться, как нарушающія общественный порядок, и не смотря на все это, человѣчество продолжает стремиться воплотить их в жизнь. И послѣ этого нам еще рѣшаются говорить о дурных инстинктах человѣка!

Гуманныя чувства, стремленіе к свободѣ и справедливости преслѣдовались и наказывались потому, что люди, сумѣвшіе отдѣлаться от узкаго, жестокаго эгоизма, служащаго опорой современнаго общества, стали мечтать о том времени, когда настанет общая гармонія, и наслажденіе жизнью сдѣлается доступным для всѣх, и задалась вопросом о том, почему общество, созданное для общаго счастья, служит только для обезпеченія привилегій небольшого меньшинства. Отсюда они вывели заключеніе, что общественная организація плоха, что она должна исчезнуть и уступить мѣсто другой, болѣе разумной. Но так как люди, пользующіеся привилегированным положеніем, не хотѣли уступить своих привилегій, то они стали преслѣдовать эти стремленія как вредныя, а это дало начало новой борьбѣ, создало новые поводы для развитія дурных инстинктов.

Раз мы признали вредное вліяніе существующаго общества на нравственный уровень личностей, то нам уже не трудно найти способ устранить в них дурные инстинкты и развить хорошіе. Ваше общество, основанное на враждебности интересов, ведет к борьбѣ между личностями и создает то зловердное существо, которое мы называем цивилизованным человѣком: найдите такую организацію, которая была бы, наоборот, основана на самой тѣсной солидарности. Сдѣлайте так, чтобы личные интересы не были противоположны ни друг другу, ни интересу общему. Сдѣлайте так, чтобы благосостояніе личности вытекало из общаго благосостоянія и в свою очередь являлось его источником. Сдѣлайте так, чтобы, для того, чтобы жить и пользоваться жизнью, людям не нужно было бояться конкуренціи других; сдѣлайте так, чтобы им, наоборот, было выгодно соединять вмѣстѣ свои силы и свои стремленія и чтобы их ассоціація не могла оказаться во вред другим, сосѣдним, ассоціаціям.

Вы боитесь лѣнтяев — сдѣлайте труд привлекательным. Вмѣсто того, чтобы приковывать к нему небольшое меньшинство, для котораго он обращается в пытку, уничтожьте всѣ ваши бесполезныя должности и организуйте общество так, чтобы каждый содѣйствовал производству, и не под давленіем какой-нибудь власти, а в силу естественнаго хода вещей. Сдѣлайте труд полезным и необходимым, устройте так, чтоб он был гигиеническим упражненіем, а не пыткой.

Существующая общественная организація не может дать ничего кромѣ войн, преступленій, обмана и нужды; это — результат существованія частной собственности и власти, результат вліянія среды. И если вы стремитесь к обществу, основанному на взаимном довѣрїи, солидарности и общем благосостояніи, положите в основаніе его свободу, взаимность и равенство.

## Глава XI Патріотизм

Понятія о семьѣ, религіи, собственности, власти выдѣлялись понемногу из всей совокупности человѣческих понятій и постепенно принимали все болѣе и болѣе опредѣленный характер; вмѣстѣ с тѣм, по мѣрѣ того как эти понятія выяснились, они проходили, каждое в отдѣльности, свой особый цикл развитія и воплощались в существованіи особых сословій, имѣющих каждое свое назначеніе и свои привиллегіи.

Одним из первых выдѣлилось, развилось и получило повсюду преобладаніе сословіе военное; даже там, гдѣ ему приходилось уступить первенство духовному сословию, это послѣднее пользовалось собственно лишь почетным главенством, в сущности же именно военное сословіе давало возможность тѣм, кто стоял у власти, удержать ее в своих руках, именно оно выбирало тѣх номинальных или дѣйствительных вождей, в которых сосредоточивалась вся сила привилегированных сословій.

Во всѣх этих столкновеніях интересов понятіе патріотизма играло очень незначительную роль. Различныя группы и племена, а затѣм, уже в историческое время — различные города, боролись друг с другом; затѣм, одни народы стали стремиться поработить других, и появилось различіе между національностями; тѣм не менѣе понятіе о патріотизмѣ было еще очень неясным и неопредѣленным. Только в очень близкое к нам время мы видим, как оно зародилось и опредѣлилось и как оно скоро стало выше и королей, и священников, и воинов, обратив их всѣх в своих слуг, в служителей новой религіи.

Во Франціи идея патріотизма, точно также как и идея законности, проявилась во всей своей силѣ в 1789 году. Это было геніальное изобрѣтеніе буржуазіи: она замѣнила авторитет божественнаго права авторитетом націи, представила его в глазах рабочих как совокупность всѣх прав и заставила их защищать новый порядок вещей, внушив им, что они борются за защиту своих собственных прав. В самом дѣлѣ, нужно имѣть в виду, что понятіе об отечествѣ, о націи, как говорили тогда, было скорѣе понятіем о народѣ, о его правах и его учрежденіях, чѣм о самой территоріи. Только впоследствии, под вліяніем различных причин, патріотизм сузился и измельчал до такой степени, что теперь он означает исключительно любовь к извѣстной территоріи, совершенно независимо от населяющих ее жителей и от существующих на ней учрежденій.

Но каково бы ни было содержаніе этой идеи, буржуазіи было в высшей степени выгодно развивать и поддерживать ее, чтобы в концѣ концов превратить ее в род религіи, под защитой которой она могла бы удержать в своих руках власть, уже сильно подвергавшуюся критикѣ. Защита территоріи была во всяком случаѣ очень удобным предлогом для сохраненія арміи, нужной для поддержанія ея привиллегіи, а общее благо — неопровержимым аргументом для того, чтобы заставить содѣйствовать тому же самому и рабочих. К счастью, критическая мысль развивается и расширяется с

каждым днем; человек уже перестает довольствоваться словами и хочет знать, что они означают. Даже если ему не удастся достигнуть этого сразу, он во всяком случае умрет уже накопляет в своей памяти запас фактов, из которых он затем делает логические выводы.

Что, в самом деле, значит слово «отечество», если мы оставим в стороне естественное чувство любви к семье и близким и привязанность к своей стране, зависящую от привычки жить в ней? Для большинства из тех, которые рискуют жизнью в разных войнах, не зная даже их причин, и несут на себе всю тяжесть их, и как рабочие и как солдаты, это слово не включает в себя, кроме этого, ровно ничего. Будет ли война удачной, или неудачной, их положение от этого несколько не изменится. Окажутся ли они победителями или побежденными, они все равно не перестанут быть вечно эксплуатируемыми выючными животными, над которыми буржуазия всеми средствами стремится удержать свое господство.

Посмотрим, в каком смысле употребляют это слово те, которые больше всего говорят о любви к отечеству. «Отечество», говорят они, «это — земля, территория, принадлежащая тому государству, подданными которого мы состоим». Но ведь границы государств произвольны и определение их зависит по большей части от исхода войн; политическая группировка стран не всегда была такой, какой мы видим ее теперь, и если завтра нашим эксплуататорам захочется начать между собою войну, то какое-нибудь одно сражение может вновь заставить часть страны перейти под власть другого государства. Да разве не так происходило дело и всегда? В ряды войн различны страны присвоивали себе те или другие провинции, определявшие их границы, затем теряли их и вновь завоевывали, так что патриотизм этих провинций переходил то на одну, то на другую сторону и состоял только в том, чтобы сегодня бороться под одним знаменем, а завтра — под другим, сегодня убивать своих вчерашних союзников и сражаться рядом с завтрашними врагами. Это — первое доказательство несправедливости патриотизма.

Да и что, вообще, может быть произвольные границы? На каком основании люди, живущие по ту сторону какой-нибудь воображаемой линии, составляют другое государство, чем те, которые живут по эту сторону? Произвольность этого так очевидна, что для объяснения деления народов на различные нации обращаются теперь к понятию о расе. Но и это не имеет никаких серьезных оснований, потому что каждая из существующих национальностей представляет собою результат смешения многих рас, очень различных между собою, не говоря уже о том, что постоянно развивающиеся и все больше и больше тесные международные сношения ведут к постоянным скрещиваниям.

Если стать на эту точку зрения, то прежнее деление Франции на провинции окажется, пожалуй, более логичным, потому что в нем все таки принимались в соображение этнические особенности населения; но теперь и это уже не может иметь значения, потому что человечество все больше и больше объединяется, и различные народности постепенно сливаются между собою; остаются только различия, зависящие от условий среды и климата и слишком глубокие для того, чтобы вполне исчезнуть.

Но что еще несправедливо, так это то, что большинство людей жертвует своею жизнью в борьбе с другими людьми, на которых им указывают как на врагов, но которых у них нет никаких особых причин ненавидеть, ради защиты или завоевания земли,

которая им не принадлежит и не будет принадлежать. Она составляет собственность небольшого меньшинства тунеядцев, и эти собственники спокойно сидят у себя дома в полной безопасности, в то время, как рабочие самым бессмысленным образом рискуют своею жизнью, отнимая с оружием в руках землю, которая послужит только для того, чтобы дать эксплуататорам возможность еще больше их эксплуатировать.

Мы уже говорили о том, что собственность не принадлежит по праву тем, в чьих руках она находится: воровство, грабеж и убийство, прикрытые громкими названиями завоеваний, колонизации, цивилизации, патриотизма, сыграли в этом переходѣ немаловажную роль. Мы не будем возвращаться здѣсь к вопросу о происхождении собственности, но скажем только одно: если бы рабочие были разумнѣе, то вмѣсто того, чтобы идти на войну защищать территорию, принадлежащую другим, они прежде всего отдѣлались бы от своих собственных правителей и эксплуататоров, затѣм предложили бы сдѣлать то же самое всем остальным рабочим, к какой бы национальности они не принадлежали, и соединились бы все вмѣстѣ для общаго производства и потребления.

Земля достаточно велика, чтобы прокормить всех, и не недостаток мѣста, не недостаток пищевых продуктов вызывает кровавые войны, в которых тысячи людей убивают друг друга ради славы и выгоды небольшого меньшинства; наоборот, именно эти безобразные войны, вызванные правительственными соображениями, тщеславіем или торговой конкуренціей крупных капиталистов, раздѣлили людей на нации; в средние вѣка онѣ же служили причиной чумы и голода, уносивших тех, кто оставался в живых.

Но тут мы слышим возраженія буржуазных шовинистов: «Но вѣдь если у нас не будет арміи, нами завладѣют другія державы, которыя истребят нас или поставят в еще худшія условія, чѣм тѣ, в которых мы живем теперь», а нѣкоторые говорят даже, совершенно не замѣчая сами, что становятся на патриотическую точку зрѣнія: «Мы вовсе не патриоты; мы вполне признаем, что существующее распределение собственности дурно и что общество требует преобразований, но согласитесь, что Франція идет во главѣ других по пути прогресса, и дать ее разбить — значит допустить шаг назад; представьте, что ее побѣдит какое-нибудь деспотическое государство: конец тогда ея свободѣ!»

Мы, конечно, не имѣем в виду давать здѣсь какую-нибудь программу дѣйствій для анархистов на случай войны: их поведеніе будет зависѣть от обстоятельств, от состоянія умов и от массы других условій, предвидѣть которых мы не можем; здѣсь мы рассматриваем вопрос только с точки зрѣнія логики, а логика говорит нам одно: раз войны предпринимаются исключительно в интересах наших эксплуататоров, нам не слѣдует в них участвовать.

Мы уже видѣли, что, каков бы ни был источник власти, тот, кто ей подчинен, всегда остается рабом; вся исторія пролетаріата служит наглядным доказательством того, что «национальныя» правительства, нисколько не стѣснясь, стрѣляют в своих «подданных», если послѣдним вздумается потребовать себѣ нѣкоторой свободы. Не больше этого могут сдѣлать и иностранные эксплуататоры: нашим врагом всегда будет тот, кто нами управляет, к какой бы национальности он не принадлежал.

Каким бы предлогом ни прикрывалась война, в основаніи ея всегда лежит буржуазный интерес: ведутся ли споры из-за политическаго преобладанія, торговых

договоров или присоединенія колоній, дѣло идет всегда о выгодѣ привилегированных классов — правителей, купцов или промышленников. И когда наши современные французскіе республиканцы хвалятся тѣм, что их войны ведутся не из-за династических интересов, потому что королевская власть смѣнилась республикой, то они просто морочат нам голову: как будто бы для рабочаго есть какая-нибудь разница в том, что династическіе интересы замѣнились классовыми!

Будем ли мы побѣдителями или побѣжденными, мы все равно будем платить налоги и голодать во время безработицы, а в старости — умирать на улицѣ или в больницѣ. С какой же стати буржуа хотят, чтобы мы интересовались их распрями? что могут онѣ нам дать?

Что же касается боязни ухудшенія положенія и остановки прогресса в случаѣ, если какое-нибудь государство исчезнет, то она доказывает только непониманіе современных международных отношеній и международного распространенія идей. Можно раздробить націю, разбить ее на части, отнять от нея ея названіе — и все-таки, если только ее окончательно не истребят, ея внутренней сущности измѣнить будет нельзя, потому что она зависит от характера, темперамента и природы всѣх вошедших в состав ея рас. Что же касается тѣх — дѣйствительных или вымышленных — вольностей, которыя якобы составляют нашу привилегію, то в случаѣ объявленія войны, онѣ были бы немедленно ограничены, социалистическая пропаганда была бы запрещена, правительственная власть перешла бы в руки военных и наше положеніе оказалось бы нисколько не лучшим, чѣм при каком угодно самодержавіи.

Итак, рабочему война не может дать ничего: для нас с ней не связано никаких интересов и нам нечего защищать, кромѣ собственной жизни, а для этого лучше всего не рисковать ею самым нелѣпым образом ради выгоды наших правителей и эксплуататоров. Для буржуазіи война, конечно, выгодна: она позволяет ей держать постоянное войско для защиты существующих учрежденій против народа, она дает ей возможность сбывать свои продукты и открывать, при помощи пушечных выстрѣлов, новые рынки; и вот она подписывается под необходимыми для войны займами, а затѣм оказывается, что мы, рабочіе, должны за это платиться. Пусть дерутся сами, если хотят: нас это не касается. Да кромѣ того, если бы мы восстали, если бы буржуазным привилегіям дѣйствительно стала грозить опасность, мы очень быстро увидали бы, как тѣ самые люди, которые взывают к нашему патриотизму, призывают себѣ на помощь войска своих собратьев-эксплуататоров из других стран — нѣмецкія, русскія, какія бы то ни было. Они похожи на Вольтера, котораго считают своим духовным отцом: он не вѣрил в Бога, но считал, что религія нужна для простаго народа; они, точно также, воздвигают границы между своими рабами, но не обращают на эти границы никакого вниманія, если рѣчь идет об их собственных интересах.

Для человѣка, достойнаго этого имени, нѣтъ отечества, или, вѣрнѣе, оно для него там, гдѣ он борется за право, гдѣ он живет и гдѣ у него есть близкіе люди, но это отечество может распространяться на весь земной шар. Человѣчество не дѣлится на маленькія клѣтки, в каждой из которых сидит человѣкъ, смотрящій на всѣх других как на врагов; для развитой личности всѣ люди — братья и всѣ имѣют одинаковое право свободно жить и развиваться на нашей планетѣ — достаточно обширной и плодородной, чтобы прокормить их всѣх.

Что же касается ваших условных национальных единиц, то рабочие не могут получить от них ничего и им нечего в них защищать; по какую бы сторону границы случай не заставил их родиться, это не может быть для них причиной взаимной вражды. Вместо того, чтобы убивать друг друга, как они делают теперь, пусть они лучше протянут друг другу руки — через всевозможные границы — и начнут соединенными усилиями борьбу против своих настоящих и единственных врагов: *власти и капитала*.



## Глава XII Патріотизм правящих классов

Мы уже видѣли, что «патріотизм» есть ничто иное, как громкое, но пустое слово, предназначенное для того, чтобы заставить рабочих защищать тот самый строй, который их угнетает. Теперь мы посмотрим, дѣйствительно ли «священная любовь» к отечеству, любовь к родной землѣ, которую каждый человек носит в своем сердцѣ с самага рожденія, так глубоко коренится в душѣ разных буржуа, как они говорят, зависит ли у них эта любовь от чисто внутренняго чувства, как у рабочих, или наоборот, основывается на побужденіях исключительно матеріальных, на грубом коммерческом разсчетѣ. Чтобы найти отвѣтъ на это, обратимся лучше всего к тому, что было написано ими самими, для читателей из их же класса; мы найдем там не мало знаменательнаго.

Если послушать их, когда они обращаются к рабочим, то можно подумать, что на землѣ нѣтъ ничего священнаго понятія о родинѣ; каждый гражданин должен приносить в жертву, ради защиты своей страны, и свою жизнь, и свою свободу; отечество — это высшее олицетвореніе общаго блага и, жертвуя собою за него, человек, в сущности, жертвует собою ради себя самого и своих близких.

Но стоит только порыться в буржуазных политико-экономических трактатах, чтобы увидать, что все это не болѣе, как лживыя, громкія фразы, не болѣе, как показныя чувства, служащія для одураченія довѣрчивых людей; это — маска, которую, приходя к себѣ домой, буржуа свободно снимают в передней.

Вот, на примѣр, что говорит один из их оффиціально-признанных авторитетов: «...Существованіе войны среди цивилизованных народов искусственно поддерживается *интересами господствующих классов*, а также их привилегированным положеніем, которым они, в свою очередь, обязаны именно этой войнѣ»<sup>1</sup>.

Как видите, ничего не может быть яснѣе: наши буржуа, так громко возмущающіеся против злодѣев-анархистов, которые осмѣливаются доказывать рабочим, что их интересы противоположны интересам буржуазіи, сами отлично признают эту противоположность, когда они говорят в своей средѣ, когда они занимаются построеніем своей правительственной системы.

А вот другая фраза, еще болѣе характерная:

«...Как при старом режимѣ никогда не было недостатка в предложениях для войны, так нѣтъ в них недостатка и при новом; в сущности же настоящей причиной войны является *всегда интерес того класса или той партіи, которая находится у власти — интерес, который не нужно смѣшивать с интересом народа или массы потребителей*, потому что управляемой націи в такой же мѣрѣ выгоден мир, в какой правящему классу или правящей партіи выгодно, наоборот, продолженіе войны». (Там же).

---

<sup>1</sup> G. de Molinari: «Évolution politique et économique du XIX-e siècle».

Что же касается тѣх выгод, которыя приносит война господствующему классу, то мы находим объясненіе их у того же автора. «Война внѣшняя», говорит он, «предполагает спокойствіе внутри страны; в это время *управленіе страню дѣлается легким*: оппозиція молчит, из боязни быть обвиненной в соучастіи с внѣшним врагом. А что может быть желательнѣе этого, особенно, когда оппозиція безпокойна и когда ея силы почти уравнивают силы правительства! Правда, если исход войны неудачен, то это неизбѣжно влечет за собою паденіе той партіи, которая ее предприняла. Но за то, если война удачна — а ее начинают обыкновенно только тогда, когда рассчитывают на успѣх, — то партія, которая ее предприняла и довела до благопріятнаго конца, *получает на нѣкоторое время громаднѣйшій перевѣс*. Всего этого совершенно достаточно, чтобы не упустить удобнаго случая для веденія войны, не говоря уже о разных *мелких выгодах*, с нею связанных». (Там же).

Что касается этих «мелких выгод», то вот в чем онѣ заключаются:

«До сих пор простых солдат поставляли, обыкновенно, только *низшіе классы общества, т. е. тѣ которые пользуются наименьшим вліяніем*. Достаточные же классы отдѣлялись денежными пожертвованіями, причем и эти, обыкновенно очень скромныя, пожертвованія с избытком вознаграждались благодаря тому, что вслѣдствіе запрещенія доступа в армію иностранцам и необходимости для офицеров пройти через военныя школы, члены этих классов *получали монополію на всѣ оплачиваемыя должности* военной профессіи. С другой стороны, если для тѣх, кто, по образному народному выраженію, поставляет „пушечное мясо“, война дѣйствительно страшна, то для тѣх, кому удастся избѣгнуть военной службы, удаленіе лишних рук из земледѣлія и промышленности уменьшает предложеніе труда, повышает заработную плату и, таким образом, смягчает связанныя с войною ужасы». (Там же).

Неправда-ли, это очень рѣшительно? Как ясно мы видим здѣсь, что пресловутая «священная любовь» к отечеству есть ничто иное, как любовь к эксплуатаціи и мелким барышам! Но этого мало: мы находим здѣсь рѣшительный отвѣтъ на возможные возраженія со стороны тѣх, которые скажут, что существует общественное мнѣніе, с которым правительству приходится считаться, что иногда война может быть справедливой и пользоваться всеобщим одобреніем, что не слѣдует восставать против войны вообще, что в нѣкоторых случаях правительства бывают волею неволею вынуждены к ней, что, наконец война есть неизбѣжное послѣдствіе нашего общественнаго строя и, сколько бы мы не протестовали против нея, сколько бы не скорбѣли о ея неизбѣжности, нам все таки придется ее терпѣть. Итак, мы продолжаем цитировать дальше:

«...Тѣм не менѣе, какою бы силою не обладали люди, рѣшающіе вопрос о войнѣ или мирѣ, и какова бы не была степень вліятельности того класса, из котораго вербуются генералы — политическіе, административные и военные, им все таки приходится, как мы только что замѣтили, считаться до извѣстной степени с гораздо болѣе многочисленной массой людей, занятых в различных отраслях производства, для которых война является вредной; опыт показывает однако, что сила сопротивленія этого мирнаго элемента далеко не соотвѣтствует его численности. Огромное большинство составляющих его людей в высшей степени невѣжественно, *и нѣтъ ничего легче, как возбудить их страсти и ввести их в заблужденіе относительно их собственных интересов*. Люди просвѣщенные составляют среди них ничтожное мень-

шинство, да и могут ли они провести в жизнь свои взгляды, когда против них такая организованная сила, как централизованное государство?» (Там же).

Итак, наши буржуа нисколько не скрывают, что война для них — не больше, как средство продолжать беспрепятственно эксплуатировать рабочих; массовые убийства служат им для устранения избытка рабочих рук, наводняющих рынок, войско — для доставления выгодных мест и чинов тем, кто иначе явился бы их конкурентами, а войны, которые они торжественно называют «национальными», услаждая слух наивных людей звонкими фразами об отечестве, патриотизме, национальной чести и т. д., составляют лишь предлог для получения разных «мелких выгод».

«Мелкие выгоды» — вот цель всех современных войн, ведутся ли они во имя патриотических чувств, или во имя цивилизации! Эта последняя часто служит теперь (когда патриотизм уже начинает падать) средством натравить рабочих на безобидные племена, которые хотят обратить в предмет эксплуатации, и вся вина которых заключается лишь в том, что они позднее других достигли известной степени развития того, что называют современной цивилизацией.

Предлогом для такой войны, как например французская тунисская экспедиция, служит наказание какой-нибудь разбойничьей шайки и поддержание господства своей национальности; настоящая же цель ее — открыть новое поле для сомнительных финансовых операций; именно на то, чтобы предоставить больший простор крупным аферистам, идут все те суммы, которые взимаются с рабочих в виде налогов и тратятся на всевозможные вооружения. Ради доставления этих «мелких выгод» на счет новых стран открываются с помощью пушек новые рынки, куда буржуазия может сбывать свои никуда негодные товары; ради этого губят целые поколения здоровой молодежи, посылая ее умирать от ужасного климата, или жертвовать своей жизнью в борьбе с людьми, которые в сущности говоря, только защищают свой дом и свое имущество.

Все эти экспедиции в Сенегал, в Тонкин, в Конго, на Мадагаскар, предпринимаемые всегда во имя цивилизации, которая в действительности не имеет ничего общего с этого рода разбоем, все это — войны ради «мелких выгод». У себя дома, патриотизм — высшая добродетель, а там людей, виноватых только в том, что они защищают свою страну и встают против пришельцев, которые стремятся поработить их и сделать предметом эксплуатации, разстреливают или обезглавливают, как разбойников.

Мы еще вернемся к этому, когда будем говорить о колонизации; теперь же ограничимся вопросом о патриотизме правящих классов. Недавние события показали его во всем его безобразии. Выдача военных тайн, касающихся вооружения и национальной защиты, с соучастием служащих в военном министерстве, самые наглые мошенничества, пропажа целых миллиардов в ущерб карманам граждан и внешней безопасности страны — все это не только не преследовалось, но, наоборот, всячески прикрывалось правительством с целью затупить дело<sup>2</sup>. Крупные заводчики — по большей части депутаты, у которых во главе предприятий стоят отставные офицеры, — оказываются поставщиками оружия, пушек, военных кораблей, пороха и других

---

<sup>2</sup> Это было написано в начале 90-х годов и автор имеет здесь в виду дело о мелините, но с тех пор дело Дрейфуса еще ярче показало нравственный уровень официальных защитников страны. Прим. пер.

взрывчатых веществ для иностранных правительств и продают им всевозможные новые изобретения, нисколько не заботясь о том, не послужат ли они против их собственной страны и не будут ли они содействовать убийству тех из их соотечественников, которых они, как правители страны, пошлют сражаться. Наши железные дороги, наши арсеналы, продовольствие нашей армии — все это находится в руках международной шайки банкиров, как еврейских, так и христианских. О буржуа! не говорите нам лучше о своем патриотизме: если бы вы могли превратить вашу страну в акцию и продать их в розницу, вы тотчас бы сделали это!

Как вы поступили в 71 году, во время франко-прусской войны, закончившейся для нас, как известно, контрибуцией в пять миллиардов? Кому как не одной буржуазии выгодно было уплатить эту контрибуцию, чтобы продолжать безраздельно заниматься эксплуатацией страны? А между тем, кто оплатил за это? Рабочие, потому что для покрытия контрибуции был сделан заем, гарантированный новыми налогами, а эти налоги платят в сущности одни рабочие, так как только они работают и только их трудом создается богатство. Ловкость, с которою этот фокус был проделан, положительно достойна удивления: буржуазии нужно заплатить контрибуцию, чтобы устранить от господства пруссаков и получать все налоги самой; для этого она вынуждена сделать заем, но так как у обнищавших рабочих денег нет, то подписаться на заем может только буржуазия, которая таким образом сама дает себе займы нужную сумму. Но для уплаты этого займа — капитала и процентов — должны будут в течение целых девяносто-деяти лет изнуряться на работе именно рабочие, которые не получили из него ни одного гроша. Вот он буржуазный патриотизм во всем его великопипии! И кто после этого еще осмелится утверждать, что добродетель не всегда торжествует!

## Глава XIII Милитаризм

Говоря о патриотизмѣ, нам нельзя не затронуть и страшной язвы современной военщины. Военное сословіе образовалось, как мы уже видѣли, очень рано, и очень рано утвердило свое господство над остальными членами класса или племени, в средѣ котораго установилось таким образом первое раздѣленіе на военных и невоенных: раньше всѣ без различія шли воевать, когда в этом представлялась надобность. Нѣсколько позже внутри самого военного сословія произошло второе раздѣленіе — на командующих войском и простых солдат.

Мы не знаем, насколько правильно проходило человечество различныя стадіи своей эволюціи, т. е. переходило ли оно постепенно от охотничьяго быта к пастушескому, а затѣм к земледѣльческому. Оно несомнѣнно начало с охоты, рыбной ловли и сбора диких растений и плодов, но проходило ли оно затѣм двѣ послѣдующія стадіи с такою же послѣдовательностью, с какою ученик переходит из класса в класс, — это далеко недостоверно. Мы склонны скорѣе думать, что эти три способа добывать себѣ пропитаніе соединялись так или иначе, смотря по условіям данной мѣстности, и что какое-нибудь охотничье племя, наприимѣр, вполне могло продолжать жить главным образом охотой, не смотря на то, что ему был уже извѣстен способ воздѣлыванія какого-нибудь полезнаго растенія, и лишь впоследствии перейти к скотоводству.

Как бы то ни было, но достоверно одно: военное сословіе при всѣх условіях сумѣло сохранить за собою преобладание. Даже тогда, когда ему приходилось дѣлить власть с другими, оно всегда оставляло за собою главную роль и при всѣх, смѣнявших друг друга правительствах, становилось их существеннѣйшей опорой.

Пока это сословіе оставалось замкнутой кастой, вербовавшей своих членов из своей собственной среды и ведшей войны на свой страх и риск, населеніе, хотя и страдало от его хищничества (так как военные не стѣснялись отбирать у крестьянина все, что вздумается), но раз эта дань была уплочена и раз только по сосѣдству не было никакого войска и никакого укрѣпленнаго замка, крестьянин мог быть сравнительно спокоен; во всяком случаѣ, он не должен был отдавать лучшіе годы своей жизни на усиленіе армій своих же собственных эксплуататоров.

Впоследствии владѣльцы земель начали вооружать, в случаѣ крайности, живущих на их землях крестьян; еще позднѣе вошла в обычай вербовка солдат для королевскаго войска с помощью различных уловок и заманчивых обѣщаній; наконец, буржуазія окончательно взвалила заботу о своей защитѣ на плечи своих рабов: она заставила рабочих отдавать на охрану государствующаго класса извѣстную часть своей молодости и таким образом вполне усовершенствовала военную систему. Но так как дать рабочим в руки оружіе и сказать им просто «защищайте меня, а я в это время буду наслаждаться жизнью» было слишком опасно, то буржуазія создала в подспорье себѣ культ патриотизма.

И вот, благодаря этой лжи, ей удалось заставить рабочих в течение долгого времени безропотно платить «налог крови»; благодаря этому софизму она могла систематически отнимать у цѣлаго ряда поколѣній самую здоровую, самую цвѣтущую молодежь и посылать ее на физическую и нравственную гибель в тюрьмы, носящія название казарм; и никто не думал сопротивляться: никто не спросил, по какому же праву требуют от людей, чтобы они на цѣлые семь, пять или три года своей жизни превращались в автомат, в бессознательныя орудія убійства, в пушечное мясо.

Впрочем, нѣтъ: отдѣльные протесты были всегда, дезертирство и уклоненіе от воинской повинности — явленія вѣроятно такія же старыя, как и сами постоянныя арміи. Но они не основывались ни на каком разумном убѣжденіи; совершавшіе их люди не руководились сознанием права своей личности, а дѣйствовали скорѣе под влиянием чувства отвращенія к военной службѣ — чувства, которое они вовсе не трудились разбирать. Мало того: даже тѣ голоса, которые раздавались против войны и милитаризма в литературѣ, обуславливались исключительно непосредственным чувством, а не основывались, или основывались лишь в очень незначительной мѣрѣ на логических выводах, на соображеніях о человѣческой природѣ и правах личности.

Буржуазія и ея литературныя панегиристы пѣли такія громкія хвалы во славу патриотизма и войска, употребляли на восхваленіе их столько лжи и софизмов, что в концѣ концов люди окончательно перестали сомнѣваться в дѣйствительности существованія прославляемых добродѣтелей: войско стало безусловно считаться олицетвореніем всевозможных прекрасных качеств, вмѣстилищем всѣх гражданских доблестей. Не было такого романа, гдѣ не фигурировал бы старый служака — образец неподкупной честности, безавѣтно преданный своему генералу, у котораго он служил когда-то деньщиком, сопровождая его во всѣх перипетіях его жизни; он охраняет его от козней невидимых врагов и наконец жертвует жизнью ради спасенія своего господина; иногда, для разнообразія, он спасает ребенка-сироту, втайнѣ воспитывает из него героя и, наконец, указывает ему средства возвратить себѣ былое состояніе, отнятое врагами его семьи.

Чего только не говорили поэты для восхваленія доблестей, свойственных военному сословію: военная честь, вѣрность, самоотверженіе, честность — являлись еще самыми малыми из их добродѣтелей. И только когда буржуазія сдѣлала такой промах, что заставила всѣх граждан проводить болѣе или менѣе долгое время на военной службѣ — только тогда стали замѣчать, что под блестящей мишурой, которой облекали своего идола писатели и поэты, не скрывается ничего, кромѣ нравственной порчи. Допущеніе односторонней службы для добровольцев и періодическое отбываніе воинской повинности в течение двадцати восьми дней, сильнѣе подорвали милитаризм, чѣм все, что говорилось против него до того времени.

Пока только один рабочій народ отдавал свою молодость на отупляющую жизнь в казармѣ, пока в публикѣ знали только внѣшнюю, декоративную сторону военного дѣла — блеск, бой барабанов, красивые мундиры, развѣвающіяся знамена, бряцаніе оружія — одним словом, все то внѣшнее великолѣпіе, которым оно облекается, когда показывается народу, — до тѣх пор литература содѣйствовала его возвеличенію, вносила и свою лепту лжи в прославленіе этого безобразнаго явленія.

Но когда писатели познакомились с ним ближе, когда им пришлось испытать на себѣ дѣйствіе отупляющей дисциплины и грубое обращеніе начальства, преклоненіе

перед армією исчезло: они начали срывать с нея ея покровы, начали оспаривать тѣ добродѣтели, которыми украсили ее их предшественники, и солдат (все равно — простой солдат, или офицер) явился перед публикой в его настоящем видѣ — в видѣ грубаго, пьянаго животнаго, безсознательнаго орудія в чужих руках.

И дѣйствительно, нужно самому побывать в этом аду, чтобы понять, сколько должен выстрадать в нем чувствующій человек; нужно самому поносить мундир, чтобы увидеть, сколько низости и глупости под ним кроется.

Раз только вы сдѣлались солдатом, вы уже не человек, а автомат, обязанный безпрекословно повиноваться тому, кто над вами командует. У вас в руках ружье — и, несмотря на это, вы должны терпѣливо сносить всѣ грубости офицера, который вымещает на вас свое дурное расположение духа или свой винный угар. За какое-нибудь слово, за какой-нибудь жест вы можете поплатиться всею жизнью или, по крайней мѣрѣ, нѣсколькими годами своей свободы. Каждую субботу вам предусмотрительно читают военное уложение о наказаніях, гдѣ слова «смертная казнь» повторяются на каждом шагу; эти слова будут всплывать в вашем умѣ всякій раз, когда у вас в душѣ закипит негодование.

Но что больше всего способно вывести человека из терпѣнія, это всевозможныя мелочи и придирки. Если кто-нибудь из вашего начальства имѣет что-нибудь против вас, или если он просто грубый и тупой человек, то он двадцать раз в день найдет случай придрататься к вам, ради одного удовольствія сдѣлать вам неприятность: при перекличкѣ, за какой-нибудь плохо вычищенный ремень, за какую-нибудь пуговицу, которая меньше блестит, чѣм остальные, за какія-нибудь подтяжки, которыя вы забыли надѣть, вас будут осыпать бранью, посадят под арест, начнут подвергать безконечным осмотрам, изслѣдовать весь ваш костюм, до нижняго бѣлья. То же самое и в казармѣ: постель не совѣм хорошо постелена — ругань: «чтобы кровати были как билліарды!» кричат вам постоянно — и эту ужасную фразу хорошо помнят всѣ, кому пришлось пройти через казарму; одежда плохо уложена на полкѣ — опять ругань; самое же главное искусство заключается в том, чтобы солдат умѣл вычистить подошвы запасной пары сапог, висящей у него под кроватью так, чтобы не запачкать ваксой шляпки вбитых в подошву гвоздей.

А безконечныя осмотры! По субботам — осмотр оружія, причем вы опять слышите тѣ же замѣчанія и ту же ругань — «подлец», «свинья», и другія столь же любезныя выраженія. Затѣм, в видѣ разнообразія, капитан приходит осматривать у вас руки и ноги, чтобы убѣдиться в их чистотѣ. Наконец, раз в мѣсяц вы должны терпѣть нѣчто еще худшее — так называемый санитарный осмотр, гдѣ полковой живодер осматривает самыя сокровенныя части вашего тѣла. До вашей чувствительности, до вашей щепетильности никому нѣтъ дѣла: все это тотчас же растаптывается грубым сапогом тѣх, кто поставлен командовать над вами.

«Армія — школа равенства», говорят нам подкупныя слуги буржуазіи; но это — равенство в порабощеніи, и не к такому равенству мы стремимся. Но вернемся к безконечным осмотрам: каждыя три мѣсяца — или каждыя полгода, не помню в точности — вам производит смотр какой-нибудь высшій офицер, а раз в год — дивизионный генерал. За двѣ недѣли до этого послѣдняго событія в казармѣ все перевертывается вверх дном — чистят всѣ помѣщенія, моют кухни. В видѣ развлечения, вы имѣете опять таки смотры: сегодня является унтер-офицер, завтра — офицер, командующій

полувзводом, послѣ-завтра — капитан, затѣм полковой командир, и так до бесконечности. И каждый раз вы должны раскладывать на кровати весь свой багаж: прежде всего осторожно разстилается носовой платок, который тщательно берегут для этого случая; на него кладутся щетки, смѣна обуви, кальсоны (которые тоже являются на сцену только в этот день) рубашка, свернутая извѣстным образом и определенной длины, ночной колпак, коробка с салом, пузырек с жидкостью для чистки мѣди, игольник, нитки и ножницы. Для того, чтобы солдаты раскладывали все это в надлежащем порядкѣ, на стѣнѣ висят указанія, с которыми приходится постоянно справляться, чтобы знать, куда положить пузырек с жидкостью для чистки, или еще какой-нибудь, столь же важный, предмет. Каждая вещь должна быть на своем мѣстѣ; иначе, если офицер замѣтит какую-нибудь неправильность, на вас посыплется град ругательств. Вѣдь за подобную небрежность мало смертной казни! Представьте себѣ только, какой ужас был бы, если бы пузырек оказался на мѣстѣ коробки с салом! Вѣдь узнай это генерал — Франція окончательно погибла бы! Мы уже говорили, в чем заключается главное искусство; но здѣсь оно достигает своей высшей точки: вас заставляют чистить ваксой ножки кровати<sup>1</sup>.

В этих смотрах, производимых генералом, обнаруживается все раболѣпство не только низших, но и высших офицеров. Как только доходит вѣсть о приближеніи генерала, вы видите, как всѣ эти офицеры, такіе высокомерные, когда им приходится говорить с солдатом, вытягиваются в струнку и смиренно слѣдуют за генералом, а генерал — если только он не совсѣм дряхл — выступает впереди, гордо выпрямившись. И с какой яростью устремляются всѣ глаза на несчастного солдата, который как-нибудь даст повод к замѣчанію со стороны высшаго начальства! Какой ужас! всѣ офицеры внѣ себя: солдату не хватает иголки или же он забыл, что вчера кончились тѣ двѣ недѣли, втеченіе которых мундир нужно застегивать слѣва направо и что теперь он должен быть застегнут справа налево! Полковой командир от ярости не может произнести ни слова, подполковник готов лопнуть от злости, капитан зеленѣет от страха; один только унтер ничего не говорит, потому что знает, что ему достанется от всѣх. Его положеніе — ясно; правда, он может утѣшаться тѣм, что выместит все на виновном.

Когда не предвидится никаких смотров, вы имѣете другого рода развлеченіе: в четыре часа, обыкновенно по субботам, солдат сзывают на работу, которая состоит в том, чтобы ходить по казарменному двору и собирать в кучу разбросанные там камни. Послѣ часа этого пріятнаго времяпрепровожденія, вы вновь возвращаетесь в казарму, а сложенные вами кучки камней втеченіе всей недѣли разбрасываются проходящими по двору, так что в слѣдующую субботу вы начинаете работу сызнова. Военная жизнь изобилует такими остроумными развлеченіями.

Иногда вечером, послѣ столь полезно проведеннаго дня, вам захочется, может быть, побесѣдовать со своими товарищами по заключенію; но вы скоро увидите, что их разговоры далеко не способны поддержать бодрость человѣка или внушить ему высокія мысли. Вот вы замѣчаете нѣсколько человѣк, которые смѣются до упаду;

---

<sup>1</sup> Вообще, вакса играет в полковой жизни большую роль. Мнѣ вспоминается один ротный командир морской пѣхоты, который однажды объявил солдатам, что у него остались свободныя суммы, и что, поэтому, количество провизіи, отпускаемой на каждого солдата будет увеличено, так что они на другой же день могут получить сверхштатное количество.... ваксы и воска!



вы подходите, ожидая услышать что-нибудь остроумное, и что же? Какой-то болван рассказывает неприличную историю, глупую и банальную. Вы с отвращением отворачиваетесь, и попадаете в другую группу, где, захлебываясь от удовольствия, вспоминают прошлые попойки или мечтают о будущих, которых они себя устроят, если удастся обманом вытянуть денег у родственников. Вы не найдете ничего, кроме пьянства и грязного разврата; напрасно-бы вы стали говорить о чем-нибудь другом! вас никто не поймет. Других удовольствий для них не существует. Не удивительно послѣ этого, что среди людей, прошедших три года в этой обстановкѣ, оказывается столько кандидатов на должность полицейских и жандармов. Войско есть ничто иное, как школа деморализации, из которой могут выходить только сыщики, тунеядцы и пьяницы. Лишь очень немногим удается устоять против отупляющаго вліянія этих трех лѣтъ, да и у тѣх еще долго остаются слѣды этого вліянія.

Как страшно разбивает человека эта грубая, отвратительная дисциплина! Как она притупляет мозг, портит характер, убивает энергию! Вы отдаете этой ужасной машинѣ молодого человека с душой, открытою для всего справедливаго и прекраснаго, с энергіей, которая бы еще выработалась в ежедневной жизненной борьбѣ, с умом, который расширился бы в будущем, и под вліяніем уже приобретенных знаний, и под вліяніем потребности учиться дальше; но дисциплина точно одѣвает на него чугунную шапку, которая с каждым днем все сильнѣе и сильнѣе сдавливает его мозг; даже бѣіе его сердца замедляется. И когда, послѣ трех лѣтъ, эта іерархическая машина отдаст вам его — если только отдаст — то перед вами будет лишь безформенное подобіе человеческого существа.

Безчувственные буржуа! Мы уже видѣли, что защита страны, к которой вы нас готовите, есть ничто иное, как организациія ваших привилегій; военная служба, которую вы возводите во всеобщую обязанность, точно также существует только ради вашей защиты, а между тѣм вы возлагаете всю тяжесть ея на тѣх, против кого эта сила направлена и кто, таким образом, кромѣ всего остальнаго, дает возможность тѣм из ваших, которые не способны ни на какое другое, болѣе осмысленное, занятіе, получать в изобиліи чины, почести и крупныя жалованія. Эти же чины и деньги служат приманкой для честолюбія тѣх людей, которые измѣняют своему собственному классу, чтобы сдѣлаться тюремщиками на службѣ у буржуазіи.

Что нам за дѣло до вашего патриотизма, до ваших границ, до вашего искусственнаго раздѣленія народов! Ваше отечество нас эксплуатирует, ваши границы нас давят, ваши національности нам чужды. Мы — люди, граждане всего міра; всѣ люди для нас — братья, и наши единственные враги, это тѣ, кто нас эксплуатирует, кто мѣшает нам свободно развиваться и прилагать наши силы. Мы не хотим больше быть игрушкой в ваших руках, не хотим больше служить защитниками ваших привилегій, не хотим носить постыдную лакейскую ливрею на вашей военной службѣ, не хотим подчиняться отупляющему гнету вашей дисциплины. Довольно уж мы гнули перед вами шею, мы хотим, наконец, быть свободными!

А вы — бѣдняки, которым еще предстоит отбываніе воинской повинности, неужели, читая в газетах о несправедливостях, совершаемых во имя дисциплины, слушая рассказы о притѣсненіях, жертвою которых становятся тѣ, кто имѣл глупость позволить взять себя в солдаты, — неужели вы не задумаетесь над тѣм, что ждет вас в казармѣ? Если вы до сих пор видѣли жизнь солдата лишь сквозь дым фиміама,

который курят военщинѣ буржуазные поэты и писатели, неужели вы не поймете, наконец, всю ложь, которая заключается в этом воспѣваніи на всѣ лады военных добродѣтелей, солдатской чести, военного достоинства!.. Идите, несчастные бѣдняки, губить ради магического слова «патріотизм» или же из страха военного суда, лучшие годы своей молодости в той школѣ испорченности, которую называют казармой, — идите, но знайте, какая участь вас ждет.

Если вы хотите благополучно окончить срок вашей военной службы, оставьте дома, вмѣстѣ с штатским платьем, всякое чувство собственнаго достоинства; скройте в самой глубинѣ вашего сердца всякое стремленіе к независимости: *военныя добродѣтели, военная честь* требуют, чтобы вы были не больше, как машиной для убійства, как бессознательным автоматом, а если вы все таки нечаянно сохраните гдѣ-нибудь в глубинѣ души, под лакейской ливреей, в которую вас одѣнут, хоть малѣйшій признак гордости, это легко может оказаться для вас гибельным.

Если какому-нибудь грубому пьяницѣ вздумается вас оскорбить и если при этом на его мундирѣ нашиты погоны — постарайтесь тщательно скрыть движеніе мускулов вашего лица, когда они, помимо вашей воли передергиваются от чувства обиды; если вы подняли руку, чтобы опустить ее на лицо вашего оскорбителя, приложите ее скорѣе военным жестом к козырьку вашей фуражки. Если вы открыли рот, чтобы отвѣтить на угрозу или оскорбленіе, скажите, вмѣсто этого, только: «Слушаю, ваше благородіе». Или, нѣтъ, лучше не говорите ничего: малѣйшій жест, малѣйшее слово, малѣйшій признак волненія могут быть истолкованы как выраженіе ироніи и навлечь на вас кару за недостаток почтенія к начальству. Каково бы ни было оскорбленіе, — вы должны совладать с своим гнѣвом, должны оставаться нечувствительным, спокойным, невозмутимым. Руки по швам, каблук к каблуку! Отлично! Вы терпѣливо, глазом не моргнув, сноситесь оскорбленія? Прекрасно, вы — хорошій солдат! Это именно то, что требуется от защитников отечества.

«Но», скажете вы, «если я не могу оставаться невозмутимым, если, помимо моей воли, кровь приливает мнѣ к мозгу и все начинает во мнѣ кипѣть?» Тогда есть только одно средство: не идти в эту каторгу, из которой вы выйдете испорченным, забитым, уничтоженным. Если вы хотите остаться человѣком, не идите в солдаты, если вы не умѣете сносить оскорбленія, не надѣвайте мундира. Если же вы уже сдѣлали эту оплошность и если когда-нибудь вы окажетесь в таком положеніи, что не сможете сдержать своего негодованія.... то не оскорбляйте и не бейте своего начальника: лучше убейте его прямо! Вы одинаково поплатитесь за это!

## Глава XIV Колонизація

Колонизація — этот ублюдок патріотизма и торгашескаго духа, этот вооруженный разбой правящих классов, — получила в наше время такое развитіе, что нам неизбѣжно приходится посвятить ей отдѣльную главу.

Если какой-нибудь частный человек заберется в квартиру сосѣда, разобьет все, что попадется ему под руку и возьмет все, что захочется взять, его назовут преступником и «общество» его осудит. Но если какое-нибудь правительство станет в такое положеніе, что для его внутренней политики необходимо найти внѣшнее отвлеченіе, если у него в странѣ слишком много незанятых рабочих рук, от которых оно не знает как избавиться, и товаров, которые оно не знает куда сбыть, то оно может безнаказанно начать войну с какими-нибудь далекими племенами, слишком слабыми, чтобы ему сопротивляться; оно может завладѣть их страной, эксплуатировать их, навязывать им свои товары, а в случаѣ, если они попытаются стряхнуть с себя гнет этой эксплуатации — может безжалостно истребить их. Все это будет считаться вполне нравственным. Раз только эта операція производится в крупных размѣрах, всѣ честные люди должны вполне ее одобрять; это уже не будет ни грабежем, ни убійством, потому что для прикрытія безчестных поступков, когда их совершает все общество в цѣлом, существует вполне приличное названіе: это называется «цивилизовать» отсталыя человѣческія племена!

Мы нисколько не преувеличиваем. Какой-нибудь народ считается способным к колонизаціи тогда, когда ему удалось выжать из данной страны все то количество продуктов, которое она может дать; так Англія — страна колонизаторская, потому что она умѣет выжать из колоній все, что нужно для обезпеченія благосостоянія отправляющихся туда англичан и, кромѣ того, умѣет обогащать казну собираемыми с этих колоній налогами. В Индіи, напримѣр, англичане наживают громадныя состоянія; правда, страна опустошается от времени до времени страшным голодом, уносящим сотни тысяч людей, но какое англичанину дѣло до этих подробностей, раз он может сбывать свои товары и получать такіе доходы, которых Великобританія ему дать не в состояніи? Это называется благами цивилизаціи.

Иначе обстоит дѣло во Франціи: французы — плохіе колонизаторы. Не думайте, однако, что они меньше грабят и эксплуатируют мѣстное населеніе, нисколько: они просто не так *практичны*. вмѣсто того, чтобы изучать жизнь завоеванных народов, они отдают их в распоряженіе военной власти и сразу заставляют подчиниться строю, господствующему в метрополіи. Если же населеніе не может приспособиться к этому, тѣм хуже для него: что за бѣда, если даже оно и будет понемногу вымирать под давленіем непривычных для него учреждений? А если оно будет сопротивляться, на него устроят охоту, как на диких звѣрей; грабежи станут тогда не только дозволенным, но и выгодным дѣлом, и получают названіе *набѣгов*.

На беззащитное население направляют солдат, в которых тщательно развивают зверские инстинкты и которые поэтому позволяют себе продвигать все, на что только способен разъяренный зверь: насилуют женщин, убивают детей, жгут целые деревни, разгоняют жителей, которые, чтобы спастись, убегают куда-нибудь в пустыню и там неизбежно мрут от голода. И все это считается вполне естественным и дозволительным: это цивилизованный народ насаждает таким образом культуру у дикарей!

Но если мы внимательно присмотримся к тому, что происходит вокруг нас, то это несколько не покажется нам ни удивительным, ни ненормальным: при существующем общественном строе, подобные «подвиги» непременно должны пользоваться полным одобрением и поощрением буржуазного мира. Для буржуазии это разбойничество очень выгодно: оно служит ей предлогом для содержания постоянных армий и вместе с тем дает офицерам возможность упражняться в убийствах и набивать себе руку для будущей более серьезной «работы»; сама же эта армия является пристанищем для целой массы глупых и никуда негодных людей, которых бы иначе буржуазия не знала куда девать и которые теперь становятся, за несколько аршин погонов, самыми ярыми ее защитниками. Вместе с тем, завоевания создают очень благоприятные условия для всевозможных сомнительных финансовых операций, имеющих целью воспользоваться сбережениями разных доверчивых людей, только и ищущих что подобного рода предприятий; они дают возможность захватить земли победленных, а кстати, благодаря тем массовым убийствам, которые с ними сопряжены, избавляют буржуазию от мешающего ей дома излишка рабочих. Мало того: завоеванной страной «нужна» администрация, а это дает места целой армии карьеристов и паразитов бюджета, которая иначе могла бы оказаться стеснительной. И при всем том, буржуазия получает в свое распоряжение целые племена, которые она может эксплуатировать, принуждать работать на себя, заставлять приобретать свои продукты, даже истреблять, не отдавая в этом никому отчета. Понятно, что, в виду таких выгод, колебаться не приходится; французская буржуазия отлично поняла это и с увлечением кинулась в колониальные предприятия.

Но что, в самом деле, удивительно и возмутительно, так это то, что находятся еще рабочие, которые одобряют подобные преступления и без всяких угрызений совести содействуют им, совершенно не понимая, какая явная несправедливость заключается в том, чтобы истреблять целое население в его собственной стране ради подчинения его чуждому ему строю жизни. Мы заранее знаем все то, что нам ответят, что отвечают обыкновенно, если кто-нибудь начнет возмущаться каким-нибудь особенно бьющим в глаза фактом: «Они возмутились, стали убивать наших — не можем же мы этого стерпеть... Это — дикари, их нужно цивилизовать... Этого требуют интересы торговли... Может быть, мы и действительно напрасно затянули это дело, но колонии теперь уже стоили нам так много и людей и денег, что мы не можем отказаться от них, и т. д., и т. д.»

«Они возмутились, стали убивать наших» — ну так что же? Зачем было идти к ним? Почему не оставили их в покое? Разве они нас просили о чем-нибудь? Им хотят навязать законы, которые им не нравятся — они возмущаются и отлично делают, а если при этом в борьбе погибают люди, то что же делать? им не следовало содействовать подобным предприятиям.

«Это — дикари, их нужно цивилизовать»; но просмотрите историю всѣх завоеваній и скажите, кто оказывался всегда большим дикарем: тот-ли, кого так называют, или «цивилизованный» человек? Кого слѣдовало бы больше цивилизовать: завоевателей, или безобидных туземцев, которые, по большей части, встрѣчали новых пришельцев с распростертыми объятіями и которых, в награду за это, мучили и истребляли? Просмотрите историю завоеванія Америки испанцами, Индіи — англичанами, Африки, Кохинхины и Тонкина — французами, и вы увидите, стоит ли прославлять такую цивилизацію. А в исторіи рассказываются только крупные факты, оставившіе в ней слѣды по своей важности; что же было бы, если бы перед вами нарисовали картину всѣх мелочей, проходящих незамѣтными, всѣх гнусных подробностей, которыя, вообще, тонут в массѣ болѣе важных событій? Вы тогда, навѣрное, отвернулись бы с отвращеніем.

Мнѣ пришлось нѣкоторое время прослужить в морской пѣхотѣ и я много раз слышал различные рассказы, из которых ясно видно, что, являясь в завоеванную страну, солдат считает себя полным хозяином ея. Мѣстное населеніе для него не болѣе, как вьючный скот, которым он может управлять, как хочет, у котораго может отнимать все, что ему вздумается; горе тому туземцу, который попробует сопротивляться: он быстро узнает, что здѣсь нѣтъ другого закона, кромѣ грубой силы; учрежденія, которыя служат для защиты собственности в Европѣ, не дѣйствуют под иным градусом широты. Солдата поощряют в этом и офицеры, сами подающіе ему примѣр, и администрація, дѣлающая из него надсмотрщика за туземцами, которых она заставляет работать. Вам рассказывают о самых возмутительных поступках, как о совершенно естественных, и если вы скажете — по поводу, на примѣр, того, что туземцы возстали и начали убивать своих притѣснителей — что они вполне правы, то вас встрѣтят возгласами удивленія: «Как! вѣдь мы — хозяева в странѣ, должны же они нам повиноваться! Вѣдь если их оставить так, они всѣ взбунтуются и прогонят нас, и послѣ всѣх принесенных жертв — и людей, и денег — Франція потеряет страну и останется без колоній!»

Вот до чего доводит умы рабочих дѣйствіе отупляющей военной дисциплины: они сами терпят от той же несправедливости, от того же гнета, который с их помощью ложится на других, и тѣм не менѣе не понимают всей возмутительности своей роли; они становятся безсознательными орудіями угнетенія, и не только не отдают себѣ отчета в низости и глупости своего положенія, но даже гордятся им.

Что же касается интересов торговли, то здѣсь именно корень всего остального: господа капиталисты не знают, куда сбыть свои товары, и не могут придумать, ничего лучшаго, как только объявить войну каким-нибудь несчастным народам, не могущим защищаться, и навязать им затѣм свои продукты. Правда, легко было бы стовориться с ними и устроить мѣновую торговлю; для этого даже не требуется особенно хорошо знать цѣнность предметов: эти народы цѣнят, главным образом, то, что кажется им красивым, так что их не трудно обмануть и получить большіе барыши. Развѣ не так именно и поступали европейцы, прежде чѣм им удалось проникнуть вглубь африканскаго материка, в то время, когда они устанавливали сношенія с племенами, жившими дальше вглубь страны, через посредство прибрежных племен? Уже тогда из Африки получались всѣ тѣ продукты, которые она дает теперь.

Все это, конечно, возможно и все это так и было, но дѣло в том, что для этого нужно время, нужно терпѣніе, а кромѣ того при такой системѣ нельзя вести торговлю в особенно крупных размѣрах и приходится считаться с конкуренціей. «Торговля требует поддержки!» говорят нам, и мы знаем, что это значит: тотчас же посылают два или три броненосца, дюжину канонерских лодок, корпус солдат, и — преклоняйтесь господа! — цивилизація начинает дѣлать свое дѣло. Мы находим крѣпкое и здоровое населеніе, а через сорок-пятьдесят лѣт оно является в видѣ истощеннаго, забитаго, несчастнаго, наполовину истребленнаго, развращеннаго человѣческаго стада, которому остается лишь очень недолго просуществовать на землѣ; цивилизаторская миссія может тогда считаться исполненной.

Если кто-нибудь усумнится в справедливости сказаннаго, пусть возьмет любое описание стран, покоренных европейцами: он увидит, что повсюду мѣстное населеніе убывает и исчезает, повсюду алкоголизм, сифилис и другія европейскія изобрѣтенія быстро косят туземцев, а остающихся в живых ослабляют и истощают. Да и может ли быть иначе? При тѣх средствах, к которым прибѣгают европейцы, конечно, нѣтъ. Эти племена жили совершенно иной жизнью, чѣм мы, с иными наклонностями, с иными потребностями; вмѣсто того, чтобы изучить эти наклонности и потребности, вмѣсто того, чтобы приобщать их к нашей цивилизаціи незамѣтно и постепенно, предоставляя им брать из нея только то, что они могут усвоить, их хотѣли подчинить вдруг, сломить сразу, — и они не только оказались неспособными к этому, но самый опыт оказался для них губительным. А как прекрасна могла бы быть роль так называемаго цивилизованнаго человѣка, если бы только он сумѣл ее понять и если бы его собственную жизнь не разѣдали язвы правительственной власти и торгашества — язвы, от которых он должен избавиться сам, прежде чѣм начать цивилизовать других.

Отсталыя племена могли бы воспринимать цивилизацію мирным путем, могли бы даже внести в нее новые оживляющіе элементы. Нам может быть возразят, что дикари лживы и жестоки, но стоит только прочитать рассказы тѣх дѣйствительно смѣлых людей, которые отправились, ради одной только любви к наукѣ и жажды знанія, в среду совершенно неизвѣстных им племен — и мы увидим, правда ли это. Эти люди сумѣли приобрѣсти в них друзей, могли путешествовать среди них совершенно безопасно; лживость и жестокость явились уже под вліяніем тѣх якобы-путешественников, которые в дѣйствительности ищут только выгодных торговых или политических операцій; именно они вызвали вражду к бѣлым со стороны туземцев, потому что постоянно обманывали их в торговлѣ, не исполняли своих обѣщаній, а иногда и просто истребляли их, если только это можно было сдѣлать безнаказанно.

Пусть уж лучше торгаши-филантропы и солдаты-цивилизаторы оставят при себѣ свои тирады о благах цивилизаціи. То, что они прикрывают названіем колонизаціи, очень точно опредѣляется в их же сводѣ законов, если только этого рода поступок совершает кучка неизвѣстных личностей, как «вооруженный разбой». Цивилизація же не имѣет ничего общаго с разбоем на большой дорогѣ.

Правящему классу нужны новые народы, новые рынки, которые можно было бы эксплуатировать, и вот для этого-то он и посылает разных Солелье, Брацца, Брэм-пелей, Тривье и др. на поиски за новыми землями, для устройства там торговых агентств и для безграничнаго хищничества. Прежде всего начинается эксплуатация

торговая, которая, по мѣрѣ расширенія поля европейскаго протектората, распространяется и на всѣ другія области; буржуазіи нужны главным образом огромныя пространства, которыя она могла бы постепенно захватывать, истребив так или иначе их населеніе, и в которых нашлось бы достаточно мѣста для стѣсняющаго ее избытка европейскаго населенія.

И вы считаете себя цивилизаторами! Что вы сдѣлали с тѣми племенами, которыя населяли Америку и которыя теперь с каждым днем исчезают, потому что вы измѣнническим образом нарушаете данное слово и мало-по-малу отнимаете у них тѣ охотничьи территоріи, которыя вам раньше пришлось признать их собственностью? Что вы сдѣлали с населеніем Полинезіи, которое, по словам всѣх путешественников, было прежде крѣпким и здоровым, а теперь под вашим владычеством, постепенно вымирает?

Вы считаете себя цивилизаторами! Но ваша цивилизація такова, что если бы борющіеся с вами рабочіе оказались побѣжденными, вы скоро выродились бы от лѣни и бездѣятельности, подобно тому как выродились греческая и римская цивилизаціи, когда достигли высшей точки развитія роскоши и эксплуатаціи; онѣ потеряли тогда всякую способность к борьбѣ и вообще к чему бы то ни было, кромѣ наслажденій, и исчезли гораздо больше благодаря своей собственной внутренней слабости, чѣм благодаря побѣдѣ варваров. Варвары находились тогда сами в полном разцвѣтѣ сил и им уже нетрудно было разрушить эти гнилыя цивилизаціи.

Вы рѣшили истребить тѣ расы, которыя вы считаете низшими, но которыя, как мы покажем дальше, представляют собою просто расы отсталыя; вы стремитесь уничтожить и рабочій класс, который тоже считаете низшим. С каждым днем вы все больше и больше стараетесь устранить рабочаго и замѣнить его машиной. Если бы вы восторжествовали, развитію человѣчества пришел бы конец, потому что вы мало-по-малу потеряли бы всѣ способности, выработанныя в вас борьбою, и спустились бы на ступень самых отдаленных наших предков; у человѣчества тогда скоро не стало бы другого общественнаго идеала, кромѣ ряда желудков, командующих арміей машин, да управляющих этими машинами автоматов, только по названію могущих считаться людьми.

## Глава XV Теорія «низших» рас

Вопрос о колонизации тѣсно связан с вопросом о так называемых низших расах. Именно эта болѣе низкая природа диких племен служила и служит всегда главным аргументом для оправдания истребления завоеванных народов.

Но вѣдь тѣм же самым аргументом пользуются и против рабочих, им же стремятся оправдать и эксплуатацію «низших классов». Развѣ в глазах капиталистов — и даже в глазах нѣкоторых ученых — рабочий не является просто вьючным животным, назначеніе котораго — обеспечивать благосостояніе «избранных» и производить на свѣт потомство, которое, в свою очередь, будет давать возможность наслаждаться жизнью потомкам этих «избранных» и т. д.?

А между тѣм, мы, рабочіе, нисколько не считаем себя стоящими ниже кого бы то ни было и думаем, что наш мозг совершенно также способен к развитію, как и мозг наших эксплуататоров, но только у нас нѣт ни времени, ни возможности развиваться. Может быть то же происходит и с так называемыми низшими расами?

Если бы о «низших» расах говорили только политическіе аферисты, то им не стоило бы и возражать: им, в сущности, рѣшительно все равно, вѣрно это или нѣт, им нужен только предлог и, если им докажут, что данный предлог не годится, они найдут другой. Но нѣкоторые ученые точно также поддерживают эту теорію и придают ей силу своими научными знаніями, доказывая, что бѣлая раса — единственная, высоко стоящая по своей природѣ.

Когда-то человек считал себя центром вселенной и не только думал, что солнце и звѣзды вертятся вокруг земли, но был убѣжден, что все это совершается ради него. Это было антропоцентрическое міросозерцаніе. Много вѣков должно было пройти, прежде чѣм человек освободился от этого гордаго самообмана и понял, какое ничтожное мѣсто он занимает в природѣ. Но мысль о первенствѣ так крѣпко засѣла в нем, избавиться от нея было так трудно, что, потеряв свое воображаемое господство над свѣтилами, он утѣшился тѣм, что стал смотрѣть на весь земной шар, со всѣми его продуктами, как на предназначенный исключительно для того, чтобы быть колыбелью вѣнца творенія — человека.

Но этого воображаемаго царства лишила его наука, показавшая, что он — не больше, как продукт эволюціи, продукт стеченія случайных обстоятельств, что в его появленіи нѣт ничего преднамѣреннаго, что его, поэтому, никто не ждал и никто ничего для него не приготавливал; человек, в своем стремленіи к господству, не мог, однако, помириться с фактами и признать себя случайным пришельцем, и вот он ухватился за представленіе о низших расах, причем каждая раса поочередно считала себя самой умной, самой красивой, самой совершенной. Бѣлая раса стала поглощать на этом основаніи всѣ остальные, а ученые приняли это за отправной пункт для своих обобщеній. Они опираются, кромѣ того, на слѣдующіе аргументы:



1) Всѣм ученым міром признано, что низшія расы существуют столько же времени, как и бѣлая; поэтому, раз послѣдняя развилась, в то время как первыя остались на первоначальном уровнѣ, это ясно показывает, что онѣ стоят ниже по самой своей природѣ.

2) Отсталыя племена живут обыкновенно в очень благоприятном климатѣ, что должно было способствовать их развитію.

3) Дѣти дикарей, которых пробовали воспитывать на европейскій лад, совершенно не оправдали надежд своих воспитателей.

Кромѣ того, приводят в примѣръ различныя поселенія дикарей, оставшіяся на том же уровнѣ, на каком они находились и двѣсти лѣтъ тому назад, а также негрскую республику Гаити с ея безцѣльными революціями.

Не нужно заходить особенно далеко вглубь исторіи, чтобы убѣдиться, что всеобщее согласіе не всегда может служить доказательством справедливости даннаго мнѣнія. Вѣдь пока Галилей не доказал, что земля вертится вокруг солнца, почти всѣ без исключенія были убѣждены, что солнце вертится вокруг земли! Всеобщее согласіе ровно ничего еще не доказывает, если оно не опирается на факты, да и то иногда бывает — как в приведенном примѣрѣ — что видимые факты говорят в пользу ошибочнаго мнѣнія. Поэтому, еще вопрос, дѣйствительно ли одновременность появленія различных рас доказывается фактами.

На нѣкоторых египетских памятниках находят изображенія африканских типов, существующих и в наше время, и это дѣйствительно, говорит в пользу относительной древности их происхожденія. Извѣстно также, что эти племена, когда-то подчиненныя египтянам, повидимому, с тѣх пор не пошли вперед. С перваго взгляда это может показаться аргументом в пользу теоріи низших рас, но болѣе внимательное изученіе покажет поспѣшность такого заключенія.

В самом дѣлѣ, древность египетских памятников опредѣляется в восемь, скажем — в десять тысяч лѣтъ; итак, втеченіе десяти тысяч лѣтъ эти племена, повидимому, нисколько не развились, тогда как бѣлая раса сдѣлала, как извѣстно, громадный шаг вперед. Но дѣло в том, что в ту эпоху, к которой относится постройка этих памятников, Египет имѣл уже довольно развитую цивилизацію, и между строителями фильских, карнакских и мемфисских храмов и этими отсталыми племенами уже тогда существовала огромная разница. Египтяне уже пережили тогда свой доисторическій період, продолжительность котораго оцѣнивают в сотни тысяч лѣтъ.

Первые шаги человѣка четвертичнаго періода на пути развитія должны были быть очень медленными, а если мы допустим существованіе человѣка еще в третичный період, то эта медленность окажется еще значительнѣе. Поэтому 10.000 лѣтъ застоя тѣх племен, о которых мы только что говорили, — очень незначительный срок в общей исторіи человѣчества; весьма возможно, что и первобытный египтянин не обнаружил бы через 10.000 лѣтъ послѣ того, как он выучился обтесывать первый камень, никакого замѣтнаго прогресса и оказался бы, в глазах наблюдателя, человѣком низшей расы.

С другой стороны, вѣдь эти самые египтяне, у которых мы находим такую высокую культуру; такіе памятники и такое развитіе научных знаній, в сущности вовсе не принадлежат к бѣлой расѣ, и этот народ, который считают одной из «высших» рас древности, оказывается в наше время в числѣ рас «низших», что очень ясно показы-

вают им их англійскіе покорители. Удивительное противорѣчіе! Ученые дѣлают из египтян то «высшую» расу, то «низшую», смотря по надобностям своей аргументаціи.

Череп и челюсти, найденные в Кро-Маньонѣ, Неандерталѣ и Нолеттѣ и относящіеся к очень отдаленным эпохам, настолько обезьянообразны, что изучавшіе их антропологи даже не могли вначалѣ рѣшить, принадлежали ли они предкам человека, или же большим человекоподобным обезьянам. Можем ли мы, послѣ такого скромнаго начала нашего существованія, считать себя чудом человечества? И по какому праву можем мы говорить о «низших» расах, когда их современное состояніе зависит от наших-же варварских преслѣдованій? Низкій уровень современных краснокожих, напримѣр, ровно ничего не доказывает, потому что, как извѣстно, существовавшія у них туземныя цивилизаціи были разрушены европейскими завоевателями, а слѣдующія поколѣнія преслѣдовались, разорялись и истреблялись; они мало по малу отступали перед побѣдителями и понемногу начинали вымирать. Цѣлыя цвѣтущія цивилизаціи погибли таким образом, и мы не знаем, что онѣ способны были дать: судить об этом по выродившимся туземцам, исчезающим под давленіем Соединенных Штатов, совершенно невозможно.

Я не буду приводить в примѣр ни Мексиканской Имперіи, ни Инков, потому что во время пришествія испанцев эти цивилизаціи находились уже в полном упадкѣ и именно потому не могли сопротивляться; гуроны и ирокезы защищали свою независимость с гораздо большей энергіей, чѣм ацтеки и перувіанцы.

Казалось бы, что есть еще один способ провѣрить одинаковость возраста различных рас: это — произвести раскопки в еще неизслѣдованных мѣстностях и сравнить возраст скелетов, которые несомнѣнно будут там найдены; но это средство оказывается недѣйствительным, потому что нѣтъ никакой возможности установить одновременность отложенія тѣх или других слоев земной коры в различных мѣстностях земнаго шара. Каким же образом узнать в таком случаѣ относительный возраст скелетов, найденных в различных мѣстностях?

Вопрос о времени происхожденія различных рас оказывается, поэтому, вопросом неразрѣшимым; он не может дать нам никаких доказательств в пользу возможности или невозможности равенства между ними. Да и имѣет ли он какое-нибудь значеніе для тѣх, кто ставит весь прогресс в зависимость от постоянно мѣняющихся условий среды?

«Отсталые народы живут обыкновенно в наиболѣе благопріятном климатѣ», говорит в своих лекціях по зоологической антропологии профессор парижской Антропологической Школы Эрве, сторонник теоріи низших рас. Но это положеніе требует еще доказательств. Вѣрно ли оно, напримѣр, по отношенію к эскимосам, к обитателям Огненной Земли, или к краснокожим, лишенным всѣх тѣх животных, которых они могли бы приручить, или к неграм, живущим в болотистой нильской области или в безконечных лѣсах Конго? Можно ли сказать это о сибирских тунгусах, или о бушменах безводных пустынь Калахари? Нѣтъ, очевидно, это совершенно не вѣрно. Да кромѣ того, еще вопрос, какой климат нужно считать болѣе благопріятным: тот ли, который толкает человека на труд, или тот, который имѣет обратное вліяніе?

Этот аргумент может очень легко обратиться против тѣх, кто им пользуется. Не послужила ли легкость добыванія средств к существованію скорѣе причиной застоя многих племен? Если люди могут удовлетворять свои первоначальныя потребно-

сти без труда, то очень может случиться, что в них вовсе и не проснутся иные потребности; наоборот, народы, принужденные отвоевывать в борьбѣ с природой и с климатом свое ежедневное пропитаніе, разовьют в себѣ новые инстинкты и способности, которые, в свою очередь, дадут начало новым стремленіям и, таким образом, заставят данный народ вступить на путь прогресса. Другіе же, поставленные в болѣе благопріятныя условія, будут просто брать от жизни то, что она сама им дает.

Затѣм мы находим доказательства, почерпнутыя из опыта искусственнаго насажденія культуры в нѣкоторых африканских племенах и в тѣх колоніях дикарей, которым была якобы предоставлена полная свобода развиваться в особых отведенных для них деревнях.

Очень возможно, что были дѣйствительно неудачныя попытки цивилизовать дикарей, но это еще не рѣшает вопроса вообще, потому что для этого нужно было бы знать, при каких условіях были сдѣланы эти попытки, в каких условіях находились данныя племена и не было ли одновременно с этим и каких-нибудь вліяній, способствовавших вырожденію. Этого рода примѣры тѣм менѣе убѣдительны, что существуют примѣры и обратнаго. Так, канадскіе ирокезы стоят нисколько не ниже окружающих их бѣлых; первый географ Мексики — ацтек; наконец, мы были свидѣтелями того, как прекрасно потомки «низших» рас сумѣли выжить из Мексики «первых в мірѣ» солдат.

Для того, чтобы какое-нибудь умственное приобрѣтеніе упрочилось, нужно нѣсколько поколѣній, ум отдѣльнаго человѣка, как бы он не был способен к развитію, не может продѣлать втеченіе одной своей жизни всю ту эволюцію, которую раса проходит в рядѣ поколѣній. Поэтому отрицательные результаты опытов над отдѣльными личностями ровно ничего не доказывают, даже если опыт был обставлен надлежащим образом; им можно всегда противопоставить примѣры положительных результатов, точно также как против общаго прогресса бѣлых можно выставить и многочисленныя случаи прогресса.

Этнографическія сочиненія указывают нам затѣм на примѣр тѣх же самых краснокожих, негров и других «дикарей», которых начинали учить и которые достигали даже довольно высокой ступени развитія; но затѣм в них вдруг являлось презрѣніе ко всему тому, чему их учили, тоска по своей прежней свободѣ и, сбросив с себя оболочку культурнаго человѣка, они возвращались к кочевому образу жизни. Никто не отрицает того, что атавизм может иногда оказаться сильнѣе способности к совершенствованію, но эти примѣры нисколько не доказывают отсутствія этой способности в данной расѣ вообще, раз уже личности, получившія европейское воспитаніе, могли, во всяком случаѣ, втеченіе извѣстнаго періода своей жизни идти по пути, намѣченному им их воспитателями.

Тот же профессор Эрве (мы опять ссылаемся на него, потому что из всѣх слышанных нами сторонников теоріи «низших» рас, он защищал эту теорію наиболѣе убѣдительно) указывает на тот факт, что дикарь болѣе понятлив в дѣтствѣ, чѣм в зрѣлом возрастѣ. Но что же из этого слѣдует? Чѣм менѣе развита данная раса, тѣм раньше приходится дѣтям самим заботиться о себѣ и тѣм быстрѣе приходится им развивать свою сообразительность. Что касается взрослых, то ранняя остановка развитія зависит у них, правда, от физической организаціи — от заростанія черепных швов. В противоположность тому, что происходит у бѣлой расы, сращеніе начинается

именно с передней части черепа, так что развитие мозга прежде всего задерживается в тех частях, которые всего важнее для умственной деятельности. И это могло бы, действительно, послужить доказательством низшей природы, если бы было доказано, что белая раса не проходила через такую же стадию развития; между тем на доисторических черепах видно, что сращение происходило в них точно также начиная с передних частей и точно также очень рано — как у современных нам так называемых низших рас. Случаи подобного атавизма встречаются и в наше время. Что же, в таком случае, остается от этого аргумента?

Затем, нам часто указывают на республику Гаити, часто смеются над ее военными переворотами; но давно ли и в нашей истории встречались подобные же факты, еще менее простительные, потому что мы считаем себя людьми высшей породы. Как бы то ни было, жители Гаити сумели во всяком случае, отвоевать свою независимость от французов. Кто же оказался «выше»: те ли, которые отвоевали свою свободу, или те, которые хотели удержать целый народ в рабстве? Кроме того, нужно совершенно не знать истории, чтобы отрицать существование у жителей Гаити некоторого прогресса, несмотря на разных тамошних сулюков — подражателей наших Наполеонов.

Когда подумаешь, что большинство так называемых цивилизованных людей работает и умирает с голоду ради обогащения кучки туземцев и паразитов, когда вспомнишь, что сами эксплуатируемые доставляют ту силу, которая служит для защиты их эксплуататоров, то поневоле явится вопрос: имеем ли мы право так гордиться своей высокой культурой? И дали ли мы, с другой стороны, возможность свободного развития тем диким племенам, которые еще продолжают существовать?

Мы несколько не хотим этим сказать, что все расы совершенно тождественны между собою: мы только думаем, что все они обладают известными способностями, известными нравственными, умственными и физическими качествами, которые, если бы им предоставить свободно развиваться, могли бы дать возможность каждому племени внести свою лепту в общее дело человеческой цивилизации. Возьмем хотя бы австралийцев — жалких дикарей, стоящих на очень низкой ступени развития: они оказались однако способными изобрести бумеранг — метательное оружие с удивительным обратным действием, которого европейцы, несмотря на все свое искусство, на все свои баллистические знания, не могли до сих пор ни сделать, ни объяснить. Положим, изобретение бумеранга — не большой вклад в историю человечества, но раз изобретательность этих племен могла повести к открытию этого свойственного им одним оружия, тогда как пики, палицы и стрелы были известны и всем другим расам, то почему не предположить, что при иных условиях, эта изобретательность развилась бы в направлении более полезном?

Но белая раса (вместе с евреями, которые по этому случаю также вошли в состав белой расы), хотела непременно все завоевать, все вовлечь в круг своей эксплуатации. Повсюду, где она оказалась победительницей, отсталые расы должны были исчезнуть. И когда мы думаем обо всем этом разрушении, обо всех этих убийствах, связанных с европейской эксплуатацией, то нам приходит в голову вопрос: не принесла ли белая раса человечеству столько же вреда, как и пользы?

Для того, чтобы выйти из животного состояния, нам понадобилось, может быть, около 150 000 лет, затем, еще 10.000 лет заняло развитие и падение цивилизаций египетской, халдейской, греческой, римской, индийской и мавританской; вместе с

тѣм, параллельно развивалась и желтая раса. В настоящее время мы присутствуем при началѣ паденія латинских рас — паденія, которое не замедлит превратиться в агонію, если только соціальный переворот не остановит вовремя физическаго и нравственнаго вырожденія — результата существованія капиталистическаго строя.

Возможно, что если границы между народами еще будут продолжать существовать, то нашим наслѣдником явится раса славянская, как болѣе молодая и позднѣе вступившая на путь европейской цивилизаціи. Но сколько времени продолжится этот період и что будет послѣ? Откуда придет тот обновляющій дух, который оживит нашу ослабѣвшую бѣлую расу, истощенную плохо понятой и плохо усвоенной цивилизаціей?

При упадкѣ каждой из существовавших цивилизацій всегда являлась новая раса, которая усваивала себѣ всѣ умственныя изобрѣтенія той, которой она пришла на смѣну, и, в свою очередь, вносила в них свой свѣжій ум, свои нетронутыя способности, свою сильную и молодую кровь. Эта послѣдовательная смѣна цивилизацій указывает, повидимому, на то, что каждая раса имѣет лишь ограниченный запас энергіи и способностей и что, раз этот запас изсякнет, она или исчезает или переходит к состоянію застоя.

Нѣкоторые из наших единомышленников возражат нам может быть, что в настоящее время рас больше не существует, что цивилизованный мір дѣлится на государства, которыя, хотя и представляют собою остаток прошлаго, не опирающійся ни на какое реальное дѣленіе, тѣм не менѣе являются каждое в отдѣльности прочным цѣлым. Во Франціи и в Россіи, в Америкѣ и в Австраліи цивилизація одна и та же. Теперь существует уже не дѣленіе на расы, а дѣленіе на классы.

Мы вполне согласны с тѣм, что по мѣрѣ широкаго развитія международных сношеній и облегченія передвиженія из одной страны в другую, дѣленіе на расы, вслѣдствіе постоянных смѣшеній и скрещиваній, все больше и больше исчезает. Но тѣм сильнѣе наше негодованіе при видѣ того, как цѣлыя племена гибнут, не успѣвъ внести в нашу цивилизацію тѣх своеобразных черт, которыя они, может быть, были способны внести. Вспоминая об избіеніи стольких беззащитных племен, о стольких исчезнувших или исчезающих расах, мы с грустью спрашиваем себя, не обладали ли эти «низшіе» наши братья нѣкоторыми из тѣх многочисленных хороших качеств, которых не хватает нам?

Бѣлая раса не сумѣла понять раз отсталых, и потому уничтожила их. Если бы она задалась цѣлью поднять их на болѣе высокій уровень развитія, ей удалось бы достигнуть этого только путем долгой эволюціи; но она никогда не хотѣла брать на себя роли воспитательницы: она хотѣла только эксплуатировать, а эта эксплуатация в концѣ концов должна была свестись к истребленію.

Мы с такою яростью завоевываем дикія страны, а между тѣм можем ли мы на вѣрное сказать, что цивилизація хотя бы ирокезов была ниже нашей? можем ли мы гордиться своим превосходством перед инками, которыя, по крайней мѣрѣ, умѣли обезпечить жилище и пропитаніе каждому из членов общества, тогда как в наших обществах царит нищета?

Теорія «низших» рас не оправдывается ничѣм; она только служит оправданіем для преступленій рас «высших».

## Глава XVI Почему мы — революционеры?

Выше мы показали (по крайней мере, надеемся, что показали), что все люди без исключения имеют право на свободное развитие и на полное удовлетворение своих потребностей, и что государственная власть, собственность и другие учреждения, созданные эксплуатирующим классом для защиты своих привилегий, основанных на ограблении массы, не имеют никакого права на существование. Нам остается теперь рассмотреть пути к уничтожению того порядка вещей, на который мы нападаем, и к осуществлению желательного нам общественного строя; вместе с тем мы должны показать и наше право употреблять то или иные средства, потому что очень многие, вполне соглашаясь с нашей критикой современного строя, вполне сочувствуя нашему идеалу гармонического общества, не могут, однако, примириться с мыслью об употреблении силы и думают, что лучше было бы действовать постепенно, стараться повлиять на людей исключительно силой убеждения, что следовало бы исправлять современное общество мало-по-малу.

В природе, говорят нам, все видоизменяется путем эволюции, почему же вы не признаете того же самого в общественной жизни, а хотите достигнуть всего сразу? Стремясь преобразовать общество силой, вы рискуете только все перевернуть, ничего прочного не создав, а главное — рискуете погибнуть сами, вызвать реакцию тем более сильную, чем сильнее было революционное движение, и таким образом задержать на несколько столетий общественный прогресс.

Эти возражения, исходящие от добросовестных людей, руководимых искренним желанием выяснить вопрос, опираются на соображения, с первого взгляда кажущиеся справедливыми, а потому заслуживают того, чтобы на них остановиться.

Действительно, все в природе происходит путем медленной эволюции, путем целого ряда мелких изменений, незамечных, если следить за ними постепенно, и бросающихся в глаза только при резком переходе от одного периода к другому. Так именно развилась жизнь на нашей планете, так выдвинулся человек из животного мира, так стал человек нашего времени совершенно непохожим на человека каменного века.

Но тут упускается из виду одно: а именно, что для того, чтобы эта эволюция происходила совершенно ровно, нужно, чтобы она не встречала на своем пути никаких препятствий; в противном случае, если она обладает достаточным для этого запасом сил, она разрушает эти препятствия, если же нет — то останавливается сама. Всякий раз, когда между чем-нибудь, уже существующим, и стремлением вперед происходит столкновение, мы имеем перед собою революцию, каковы бы ни были размеры данного явления — будет ли это исчезновение целого материка или исчезновение одной частицы в организме.

В настоящее время выяснено, что крупные геологические перевороты вызваны были вовсе не страшными потрясениями и не внезапными переменами, якобы про-

исходившими под напором сил, скрытых под земной корой, а представляют собою результат медленных процессов и незамѣтных измѣненій, дѣйствовавших втеченіе цѣлыхъ тысячъ вѣковъ. Мы знаемъ также, что тѣ же причины, которыя придали землѣ ея современный вид, продолжаютъ дѣйствовать и теперь, постоянно подготавливая новыя преобразованія.

Повсюду дождевая вода размываетъ горы, просачивается в камни, разрушаетъ самый крѣпкій гранитъ. Ничто не дѣлаетъ этой медленной разрушительной работы замѣтной для взора путешественника; цѣлыя поколѣнія сойдутъ со сцены прежде, чѣмъ появится хотя бы сколько-нибудь ошутительное измѣненіе, и тѣмъ не менѣе в одинъ прекрасный день произойдетъ обвалъ, который унесетъ с собою лѣса и деревни, засыпетъ русла рѣкъ, измѣнитъ ихъ теченіе и распространитъ повсюду горе и опустошеніе. Но затѣмъ первое впечатлѣніе пройдетъ, жизнь снова возьметъ свое, и еще сильнѣе, еще энергичнѣе возродится изъ развалинъ.

Вся эта эволюція происходитъ, конечно, очень медленно, но приходитъ такой моментъ, когда она не можетъ продолжаться иначе, какъ при условіи нарушить существующій порядокъ вещей; она продолжаетъ свой путь — и гора, подмытая в самомъ основаніи, рушится, унося с собою все, что находится на ея поверхности.

Возьмемъ другой примѣръ. Мы знаемъ, что море удаляется отъ однихъ береговъ и, наоборотъ, все больше и больше затопляетъ другіе. Волны набѣгаютъ на плоскій берегъ, отрываютъ куски отъ почвы, завоевывая себѣ, такимъ образомъ, все большее пространство, а затѣмъ эти же самые куски почвы уносятся къ другимъ берегамъ и тамъ, наоборотъ, увеличиваютъ область суши на счетъ моря. Работа эта происходитъ такъ медленно, что ее почти невозможно замѣтить: втеченіе столѣтій такимъ образомъ уносится всего нѣсколько сантиметровъ земли. И однако придетъ моментъ — можетъ быть черезъ десять, можетъ быть черезъ сто тысячъ лѣтъ, не все ли равно? — когда стѣна суши не сможетъ больше сдерживать напоръ волнъ; она поддастся тогда подъ какимъ-нибудь однимъ ударомъ, и море наводнитъ прибрежную равнину, черпая новыя силы во встрѣчающихся препятствіяхъ, пока не остановится у подножія какой-нибудь новой преграды, которая снова задержитъ его на болѣе или менѣе долгіи промежутокъ времени, смотря по степени своей устойчивости.

То же самое происходитъ и в нашихъ обществахъ. Общественная организація и созданная для ея поддержки учрежденія являются преградами для прогресса; в обществѣ же, напротивъ, все стремится къ разрушенію этихъ преградъ: идеи измѣняются, нравы преобразуются, понемногу подрывается уваженіе къ стариннымъ учрежденіямъ, которыя тѣмъ не менѣе существуютъ и хотятъ продолжать управлять попрежнему жизнью общества и личности. Эта медленная разрушительная работа можетъ быть незамѣтной для поколѣнія современниковъ. Отъ времени до времени исчезаютъ нѣкоторые прежніе обычаи или ослабѣваетъ какой-нибудь предразсудокъ, но это подготавливается такъ постепенно, что никто этого не замѣчаетъ; только старики, сравнивая привычки своей юности с привычками смѣняющаго ихъ молодого поколѣнія, видятъ происшедшее в нравахъ измѣненіе.

Но измѣнились только нравы, а общественныя учрежденія и общественная организація остались тѣ же: они попрежнему задерживаютъ напорающія на нихъ волны, которыя в безсиліи разбиваются у ихъ подножья, лишь то тамъ, то сямъ отнимая по камню. Этихъ камней волны в своемъ бѣшенствѣ могутъ оторвать цѣлыя тысячи. Что

такое отдѣльный камень в сравненіи с могущественной каменной глыбой? Ничто; но волны уносят этот камень с собою и, вновь напирая на каменную преграду, бросают им в нее, бьют им в стѣну, как тараном, и отрывают еще нѣсколько камней, которые, в свою очередь, превратятся в новыя орудія нападенія. Борьба может продолжаться тысячи лѣтъ и скала будет казаться все такою же неприступною вплоть до того дня, когда, подрытая у самаго своего основанія, она рухнет под новым напором и даст широкій доступ торжествующим волнам.

Мы, несомнѣнно, были бы очень рады, если бы общественная эволюція совершалась медленно, непрерывно и без потрясеній; но это от нас не зависит. Мы, как пропагандисты, исполняем свою задачу, проповѣдуем идеи общественного обновленія, а эти идеи составляют ту каплю, которая просачивается в камень, долбит его и прокладывает себѣ дорогу к самому подножью скалы. Можем ли мы помѣшать этой скалѣ рухнуть и унести с собою всѣ тѣ подпорки, которыя вы построили для ея укрѣпленія?

Никто, кромѣ буржуазіи не заинтересован в том, чтобы общественное преобразование совершилось без потрясеній. Почему же, в таком случаѣ, вмѣсто того, чтобы пытаться сохранить скалу в том видѣ, как она есть, и постоянно подпирать ее, она, наоборот, не поможет нам скрыть ее и устроить так, чтобы воды могли спокойно течь к плоским равнинам, унося с собою негодныя или вредныя части, которыя затѣм образуют отложенія на этих равнинах и послужат к возвышенію их уровня? Безумцы! они не хотят уступить ни малѣйшей доли своих привиллегій; как скала, они считают себя неуязвимыми для напирających на них волн. Что значат для них тѣ немногія уступки, которыя рабочим удалось вырвать втеченіе всего цѣлаго столѣтія? Их привиллегіи так громадны, что опустошеніе почти незамѣтно. Но волны уже пробили брешь, уже борются со скалою с помощью от нея же оторванных камней и скоро окончательно разрушат ее. Мы только содѣйствовали этой эволюціи; если же, благодаря безумному сопротивленію буржуазіи, она превратится в революцію, пусть пеняют на себя.

И, в самом дѣлѣ, стоит нам только посмотреть безпристрастным взглядом на окружающія нас общественныя явленія, чтобы увидать, что анархисты становятся революціонерами только в силу естественнаго хода вещей. Они убѣдились в том, что причина всѣх зол, от которых страдает общество, лежит в самой его организаціи, и что всѣ паліативы, предлагаемые политиками и социалистами, совершенно неспособны внести какое бы то ни было улучшеніе, потому что они уничтожают только внѣшнія проявленія, а не самый корень зла.

Когда человѣкъ сыт, когда его потребности болѣе или менѣе удовлетворены, то ему легко ждать; но тот, кто испытывает и физическій и умственный голод, не может, раз только он понял причину существующаго зла, довольствоваться надеждой на лучшее будущее, а будет всегда стремиться перейти от теоретических соображеній к практическому дѣлу.

Развѣ твердо убѣжденный в чем-нибудь человѣкъ не стремится всегда проповѣдовать свое убѣжденіе, проводить его в жизнь? Развѣ может человѣкъ, вполне убѣжденный в истинности какой-нибудь идеи, не стараться убѣдить в том же и других, а в особенности — не стараться осуществить ее, согласуя с ней свою личную жизнь? А что такое, в современном обществѣ, проведеніе в жизнь новых идей, как не ре-



волюціонное дѣло? Как же вы хотите, чтобы тѣ самые люди, которые сдѣлали все, от них зависящее, для распространенія новых идей, которые старались показать и причины общественнаго зла и средства к его устраненію, старались нарисовать идеал лучшаго будущаго, — чтобы эти самые люди стали поперек дороги тѣм, кто стремится осуществить эти идеи на практикѣ, чтобы они сказали им: «Продолжайте наслаждаться перспективой будущаго счастья, продолжайте страдать, вооружитесь терпѣніем: когда-нибудь ваши эксплуататоры согласятся, может быть, сдѣлать вам нѣкоторыя уступки». Это было бы ничѣм иным, как жестокой насмѣшкой.

Конечно, мы были бы очень рады, если бы буржуа сами поняли всю нравственную низость своего положенія, сами отказались от эксплуатаціи рабочих и передали свои фабрики, дома, земли и копи в руки общества, которое стало бы пользоваться ими для себя и замѣнило бы царство конкуренціи царством солидарности. Но можно ли серьезно надѣяться на то, что капиталисты дойдут когда бы то ни было до такой степени безкорыстія, когда мы видим, что они направляют всю силу своего войска, своей полиціи и своих судов на подавленіе самых ничтожных требованій рабочих?

Теоріи, мечты о лучшем будущем — прекрасная вещь; но если бы оппозиція существующему строю сводилась к салонной философіи или к послѣобѣденным разговорам сытых людей, если бы все ограничивалось бесплодными жалобами на современное положеніе вещей и мечтаніями о будущем благѣ, то мы были бы очень похожи на того сытаго филантропа, с туго набитым кошельком, который говорит умирающему с голода бѣдняку: «Мнѣ от души жалко вас, ваша судьба озабочивает меня в высшей степени, и я душевно желаю, чтобы ваше положеніе улучшилось; а пока — будьте бережливы и постарайтесь скопить себѣ на черный день», а затѣм проходит мимо, вполне довольный собою. Если бы это дѣйствительно было так, то буржуазія могла бы рассчитывать еще очень долго эксплуатировать рабочих, а рабочіе еще не скоро увидали бы конец своей нуждѣ и страданіям.

К счастью, от идейных стремленій до попытки их осуществленія, как мы видѣли, — один шаг, и многія человѣческія натуры очень склонны этот шаг сдѣлать; а так как теорія анархизма есть теорія дѣятельная, то эти революціонныя натуры встрѣчаются чаще в средѣ анархистов, чѣм в какой бы то ни было другой. Отсюда тѣ многочисленныя революціонныя акты, которые так пугают робкіе умы, но которые для нас служат лишь доказательством развитія наших идей.

Проповѣдовать жертвам эксплуатаціи покорность судьбѣ значило бы быть в руку эксплуататорам; мы предоставляем эту роль христіанству. Ни примиреніе с дѣйствительностью, ни платоническія надежды не могут измѣнить положенія: для этого нужно дѣло, а самое лучшее дѣло, это — устраненіе стоящих на пути препятствій.

Довольно уже люди преклонялись перед властью имущими, довольно они ждали спасенія от свѣше посланных личностей, довольно рассчитывали на чисто политическіе перевороты, на дѣйствіе законов. Осуществленіе наших идей на практикѣ требует людей сознательных, понимающих свою силу, умѣющих заставить уважать свою свободу, не становясь в то же время тиранами других, — людей, которые не рассчитывают ни на кого, кромѣ себя самих, своей собственной инициативы, своей собственной энергіи. А эти люди явятся только тогда, когда мы будем проповѣдовать не примиреніе с существующим, а, наоборот, протест против него.

Это не значит, однако, что анархисты отказываются от содѣйствія тѣх, которые не склонны к активной борьбѣ, а хотят ограничиться исключительно распространеніем идей, подготовленіем дальнѣйшей эволюціи; они даже не требуют, чтобы всѣ их идеи были непременно восприняты цѣликом. В их область входит все, что уничтожает какой-нибудь предрассудок, устраняет какой-нибудь ложный взгляд, устанавливает какую-нибудь новую истину. Анархисты не пренебрегают ничьей помощью, не отталкивают никого; они всегда рады протянуть руку каждому, кто может дать им что-нибудь новое; они довольствуются тѣм, что соединяют в одно отдѣльныя усилія и обобщают отдѣльныя стремленія, чтобы дать людям возможность разобраться в их собственных желаніях.

Наконец, если бы даже они этого захотѣли, анархистам невозможно оставаться мирными дѣятелями: силою вещей они приходят к болѣе рѣшительным дѣйствіям. Может ли выносить хотя бы придирки полицейскаго тот, кто раз понял, какую низкую роль он играет? Можно ли переносить дерзость какого-нибудь судьи, когда критика уже лишила его священнаго ореола, окружавшаго его раньше? Можно ли относиться с уваженіем к богачу, когда знаешь, что роскошь, среди которой он живет, соткана из нищеты сотен семей?

Может ли согласиться идти в казармы, чтобы там служить игрушкой в руках слуг своих эксплуататоров, тот человек, который уже знает, что патриотизм есть не болѣе, как предлог, а настоящая роль солдата это — убійство его братьев-бѣдняков?

Тот, кто понял, что бѣдность есть результат плохого общественнаго устройства, что одни умирают с голоду только потому, что другіе слишком сыты, или хотят накопить богатства для своих наслѣдников, тот не легко согласится умереть гдѣ-нибудь на улицѣ. Приходит минута, когда, как бы человек не был миролюбиво настроен, он отвѣчает на силу — силой, на эксплуатацію — революціонным актом.

Тѣм, кому хотѣлось бы, чтобы общество преобразовалось без всяких потрясеній, лучше разстаться с этой мечтой: она не осуществима. Идеи развиваются и неизбежно ведут нас к революціи; об этом можно сожалѣть, но это — факт, с которым приходится помириться. Никакія сѣтованія тут не помогут, а раз уже революція неизбежна, то единственное средство помѣшать ей пойти против прогресса, это — принять в ней участіе и постараться направить ее к осуществленію нашего идеала.

Мы не принадлежим к числу проповѣдников насилія; мы не занимаемся и тѣм, чтобы постоянно ругать фабрикантов и капиталистов, как либеральные буржуа когда-то постоянно ругали попов; мы не хотим толкать людей на то или другое дѣло, на тот или другой поступок. Мы убѣждены, что люди дѣлают только то, на что твердо рѣшились сами, и что проповѣдовать какой-нибудь поступок можно только примѣром, а не словами и не совѣтами; вот почему мы ограничиваемся тѣм, что выводим извѣстныя логическія послѣдствія, предоставляя каждому выбирать тот способ дѣйствія, который кажется ему наилучшим. Но мы увѣрены, вмѣстѣ с тѣм, что чѣм лучше будут поняты и чѣм больше будут развиваться наши идеи, тѣм многочисленнѣе будут и акты революціоннаго протеста.

Чѣм глубже проникнут наши взгляды в массу, тѣм сознательнѣе она будет становиться, тѣм живѣе будет в ней чувство собственнаго достоинства, и тѣм менѣе она, слѣдовательно, будет склонна переносить притѣсненія со стороны властей и эксплуатацію со стороны капиталистов; тѣм чаще и многочисленнѣе станут в ней

проявленія духа независимости. И это не только не огорчает нас, но совершенно наоборот: каждый акт индивидуальнаго протеста — лишній удар топора в давящее нас старое общественное зданіе. А раз уже прогресс не может обойтись без потрясеній и жертв, то мы можем только привѣтствовать тѣх, кто погибает в бурѣ, и надѣяться, что их примѣръ вызовет новых подражателей, болѣе многочисленных и лучше вооруженных, и что их удары будут еще сильнѣе.

Но каково бы ни было число гибнущих в борьбѣ, это число все-таки очень мало в сравненіи с тѣми безчисленными жертвами, которых постоянно поглощает чудовищная пасть нашего общества. И чѣм напряженнѣе будет борьба, тѣм меньше будет ея продолжительность, а, слѣдовательно, тѣм больше окажется спасенных человѣческих жизней — жизней, которыя иначе были бы осуждены на нужду, болѣзни, истощеніе и вырожденіе.

## Глава XVII Принципы и средства борьбы

Нам часто приходится слышать со стороны людей, воодушевленных, быть может, самыми лучшими намерениями, выражения удивления по поводу того, что анархисты отрицают некоторые приемы борьбы, как противные их убеждениям. «Почему бы вам не попробовать, говорят одни, захватить в свои руки власть, чтобы принудить общество к осуществлению ваших идей на практике?» «Почему, восклицают другие, вы не хотите послать своих представителей в палату депутатов, или в муниципальные советы? Они могли бы там быть вам полезными, а, вместе с тем, пользовались бы большим авторитетом для распространения ваших идей в массе».

С другой стороны, некоторые анархисты воображают, что поступают очень последовательно, доводя свои рассуждения до абсурда и вырабатывая в себе целый ряд понятий, решительно не имеющих ничего общего с анархическими идеями. Некоторые, например, начинают, под предлогом разрушения собственности, защищать воровство; другие доходят в своей проповеди свободной любви до таких нелепостей, которые они, не колеблясь, назвали бы развратом, если бы дело шло о каком-нибудь буржуа. Но самые непримиримые, это — те, которые отрицают всякие принципы, считая их предрассудками; «что мне за дело до принципов!» кричат они, «раз дело идет о революции — все средства хороши и нам нечего останавливаться совершенно некстати из-за каких-то принципов».

Но это — большая ошибка, и если эти люди хорошенько подумают, то они сами быстро увидят, что не все средства хороши для достижения анархического идеала: есть и такие, которые идут ему наперекор. Какой-нибудь прием борьбы может иногда с первого взгляда казаться успешным, в действительности же — только задерживать развитие идеи, служа исключительно личным интересам того или другого деятеля. Поэтому — все равно признаем мы это или не признаем, — но из каждого порядка идей вытекает известный руководящий принцип, на котором нам приходится основываться при выборе средств для практического осуществления данной идеи или для ее более успешного распространения. Этот принцип действует с неизбежностью естественного закона и сам карает всякое нарушение; отступая от него, вы отдаляетесь от намеченной цели и достигаете результатов, совершенно обратных тем, к которым стремитесь.

Возьмем хотя бы пользование всеобщим избирательным правом, о котором мы упомянули в начале этой главы. Легко, конечно, говорить: «Отчего вы не попытаете послать ваших товарищей в палату: они могли бы там провести те реформы, к которым вы стремитесь, или, по крайней мере, лучше организовали бы силы для будущей революции?» Нет сомнения, что при умно и систематически веденной оппозиции голосование, как и всякое другое средство, может повести к революции; но так как оно само есть ничто иное, как очень совершенное орудие власти, то и вызванная им революция может быть только революцией сверху вниз, революцией

чисто политической. Вот почему анархисты отрицают это средство, как отрицают и самую власть.

Если бы наш идеал заключался в том, чтобы произвести общественный переворот при помощи сильной власти, которая подчинила бы массу одной какой-нибудь данной формулѣ, мы могли бы конечно попробовать воспользоваться всеобщим избирательным правом и постараться повліять на массу так, чтобы она поручила кому-нибудь из наших заботиться о своей судьбѣ и проводить наши теоріи в жизнь. Да и то, как мы уже видѣли выше, в главѣ о государственной власти, пользование избирательным правом могло бы выдвинуть только посредственности, потому что оно связано со столькими униженіями, с таким опошленіем для тѣх, кто добивается избранія, что ни один искренній и сколько-нибудь умный человек не захочет стать в такое положеніе.

Причина неуспѣха коллективистов в избирательной борьбѣ всегда именно в том и заключалась, что они — люди сравнительно умные, и потому их побѣждали POSSIBИЛИСТЫ<sup>1</sup>, среди которых были только пустые болтуны, не имѣющіе ничего за душою; коллективисты же хотѣли (хотя и не вездѣ) и сохранить в неприкосновенности свои революціонныя убѣжденія и вмѣстѣ с тѣм выставить программу реформ. Понятно, что избиратель, как он ни глуп, начинал думать: «Если мнѣ все равно придется прибѣгнуть к революціи, то зачѣм же требовать реформ? Если эти реформы — не могут предотвратить необходимости взяться за оружіе, то зачѣм посылать в Палату своих депутатов, чтобы они их там предлагали?» Если даже он и не разсуждал в такой именно конкретной формѣ, в какой мы передаем (это было бы выше средняго уровня избирателей), то таков был, во всяком случаѣ, общій смысл дебатов на избирательных собраніях, такова была смутно бродившая в головах публики мысль; и вот избиратель рѣшал подавать голос или за радикалов, которые восхваляли пользу предлагаемых реформ, или за POSSИБИЛИСТОВ, которые тоже занимались восхваленіем парламентских панацей, но при этом — чтобы польстить рабочим — приправляли свои рѣчи нѣсколькими нападками на буржуазію; что касается революціи, то они совершенно не упоминали о ней, предпочитая вести интриги с чисто политическими партіями и, цѣною взаимнаго обмѣна услуг, обеспечивать избраніе своих кандидатов.

Другой недостаток избирательной системы состоит в том, что она всегда подавляет личную инициативу, которую мы наоборот, должны всѣми силами стараться развить. Она представляет из себя орудіе власти, а мы стремимся к полному освобожденію человеческой личности; она — орудіе угнетенія, а мы хотим, наоборот, вдохнуть в людей дух протеста. Избирательная агитація не может быть нам полезна, а может быть только вредна; поэтому мы должны выступать против пользования ей. Раз мы говорим людям, что нужно дѣйствовать всегда только по своему внутреннему убѣжденію, что не нужно подчиняться силѣ, которая хочет заставить вас дѣлать то, что вам кажется дурным, — мы не можем, не впадая в противорѣчіе сами с собою, проповѣдовать им подчиненіе закулисным интригам какого-нибудь избирательнаго комитета, не можем совѣтовать им выбирать людей для установленія законов, которые они заранѣе обязуются исполнить, не можем приглашать их принести в жертву этим людям всякую собственную волю, всякую личную инициативу.

---

<sup>1</sup> «Поссибилисты» — «возможники», партія, добивающаяся только «возможных» реформ.

Это очевидное противорѣчіе должно бы было бросаться в глаза даже наименѣе проницательным людям: если бы мы в него впали, мы сами сломали бы находящееся в наших руках оружіе, потому что, унизившись до таких средств, мы оказались бы не больше не меньше, как простыми шарлатанами.

Кромѣ того, человек, как извѣстно не совершенен, и мы рисковали бы попасть, в своем выборѣ, на честолюбцев и интриганов, которые, раз очутившись в буржуазной средѣ, воспользовались бы этим, чтобы создать себѣ положеніе и оставить в сторонѣ всякія идеи. Что же касается людей искренних, то в этой испорченной атмосферѣ им оставалось бы одно из двух: или добросовѣстно признать свое безсиліе и удалиться, или же приспособиться к парламентским правам и самим обуржуазиться. И мы, которые стараемся предостеречь массу от увлеченія отдѣльными личностями, стараемся объяснить ей, что от них нечего ждать, — мы оказались бы в положеніи людей, потративших всѣ свои усилія на созданіе карьеры для нѣскольких человек. В случаѣ же, если бы они оказались измѣнниками, это бросило бы тѣнь на наши идеи. Большинство людей сказало бы: «Анархисты нисколько не лучше других», и лишь очень немногіе су мѣли бы отдѣлать идеи от личностей, понять, что нельзя ставить в упрек первым то, что зависит исключительно от слабости или испорченности послѣдних.

И вот, потратив массу драгоценнаго времени и массу сил на доставленіе торжества нѣскольким личностям, мы должны были бы потерять еще столько же не менѣе драгоценнаго времени и потратить понапрасну еще столько же сил, ради доказательства того, что эти люди — измѣнники, но что их измѣна нисколько не касается проповѣдуемых нами идей. И неужели же послѣ этого мы опять выставили бы новых кандидатов? Конечно, нѣтъ! Пословица «паршивая овца все стадо портит» очень стара, но вмѣстѣ с тѣм и вполне вѣрна; в особенности же она вѣрна тогда, когда рѣчь идет, наоборот, об одной здоровой овцѣ, пущенной в стадо паршивых.

Мы видим, таким образом, что нам нѣтъ цѣли пользоваться избирательным правом: оно не только не может дать никаких результатов, но, что еще важнѣе, идет наперекор нашей цѣли, наперекор нашим принципам.

Другіе противники — а с ними вмѣстѣ и нѣкоторые анархисты — говорят, что во время революціи непременно придется признать, если и не власть какого-нибудь вожака — так далеко они не идут, — то, во всяком случаѣ, превосходство какого-нибудь одного лица, и подчиниться тому авторитету, который мы за ним признаем. Это — удивительное противорѣчіе, удивительное переживаніе крѣпко укоренившихся в нас вмѣстѣ с воспитаніем предрасудков. Мы громко требуем свободы, а между тѣм в страхѣ отступаем перед ея послѣдствіями; мы не довѣряем ея силѣ и хотим, для достиженія ея, прибѣгнуть к помощи... власти! Вот она, непослѣдовательность человеческого ума!

Чтобы стать свободным, самое лучшее средство это — начать пользоваться этой свободой, не подчиняясь ничьей опекаѣ; чтобы научить ребенка ходить, во всяком случаѣ, никогда не начинают с того, чтобы связать ему ноги!

«Однако», говорят нам, «есть вещи, которыя одни люди знают лучше, чѣм другіе; поэтому, прежде чѣм начать дѣйствовать, нужно посоветоваться с этими знающими людьми и послѣдовать их совѣту». Мы всегда были того мнѣнія, что инициатива отдѣльной личности нисколько не исключает взаимнаго соглашенія в виду общаго дѣла,

и что из этого соглашения вытекает всегда известная организация, известное разделение труда, в силу которого каждый становится солидарным со всеми остальными и приспособляется в своей деятельности к деятельности своих товарищей по борьбе или по работе; но от этого еще очень далеко до обязательства для каждой отдельной личности подчинять свою волю тому, кто будет признан более компетентным в той или иной определенной области.

Когда мы, например, отправляемся компанией на прогулку и поручаем тому из нас, кто лучше других знает местность, привести нас к намеченной цели, то разве это значит, что мы избрали его своим вождем и обязались слепо идти за ним, куда бы ему не вздумалось нас повести? Разве мы даем ему в руки силу, которой бы он мог принудить нас подчиниться в случае, если мы бы отказались за ним следовать? Конечно, нет. Если среди нас есть человек, который знает дорогу, мы идем за ним, потому что предполагаем, что он сможет привести нас к цели, и знаем, что он сам идет туда же, но этим мы нисколько не отрекаемся от своей собственной воли. Если во время пути кто-нибудь из нас замечает, что наш провожатый ошибается, или хочет завести нас не туда, мы стараемся где-нибудь получить верные сведения о дороге и пойти по тому пути, который покажется нам наиболее коротким или приятным.

Не иначе должно быть и в борьбе. Прежде всего, анархистам нужно отказаться от борьбы целыми армиями против армий, от правильных сражений в открытом поле, от военной стратегии и тактики, управляющей полками, как шахматный игрок управляет фигурами на доске. В борьбе нужно, главным образом, направить свои удары на учреждения — сжечь документы, устанавливающие права на собственность, податные реестры, нотариальные акты, разрушить межевые знаки, уничтожить всевозможные официальные записи и т. д. Экспроприация капиталистов, захват собственности в общую пользу, предоставление массе пользоваться предметами потребления — все это дело скорее небольших и разбросанных групп, дело мелких стычек, чем правильных сражений. Эту борьбу анархисты должны будут постараться начать в возможно большем числе пунктов, чтобы таким образом напасть на правительство со всех сторон и, принудив его разделить свои силы, разбить его по частям.

Но для этого рода борьбы не нужны никаких вождей. Если кто-нибудь задумает то или другое дело, он примется за него сам и постарается привлечь товарищей, которые, если предприятие им понравится, последуют за ним, нисколько не отказываясь этим от своей собственной инициативы; они просто пойдут за тем, кто им покажется способным руководить данным делом, но если во время борьбы явится другой и предложит иной путь, то этот другой не подумает спрашивать у первого разрешения поступить по своему, а прямо предложит свой план, на который другие согласятся, или не согласятся, смотря по тому, покажется он им целесообразным или нет.

Идея анархизма требует, чтобы тот, кто что-нибудь знает, делился своими знаниями с другими, чтобы тот, кому первому пришел в голову какой-нибудь проект, принимался за его осуществление, объяснив его тем, кого он хочет за собою увлечь; но никто не должен отречься, хотя бы временно, от своей воли: власти не существует, а существуют только равные между собою личности, взаимно помогающие друг другу,сообразно своим способностям, не отказываясь ни от своих прав, ни от своей независимости. А чтобы доставить торжество анархическим идеям, самое лучшее средство, это — прилагать их на практике.

То же самое можно сказать и о всѣх тѣх средствах борьбы, на которыя нам указывают. Есть, на примѣр, анархисты, которые из ненависти к собственности доходят до оправданія воровства, и даже — доводя эту теорію до абсурда — до снисходительнаго отношенія к воровству между товарищами.

Мы не намѣрены, конечно, заниматься обличеніем воров: мы предоставляем эту задачу буржуазному обществу, которое само виновато в их существованіи. Но дѣло в том, что когда мы стремимся к разрушенію частной собственности, мы боремся главным образом против присвоенія нѣсколькими лицами, в ущерб всѣм остальным, нужных для жизни предметов; поэтому всякій, кто стремится создать себѣ какими бы то ни было средствами такое положеніе, гдѣ он может жить паразитом на счет общества, для нас — буржуа и эксплуататор, даже в том случаѣ, если он не живет непосредственно чужим трудом, а вор есть ничто иное, как буржуа без капитала, который, не имѣя возможности заниматься эксплуатаціей законным путем, старается сдѣлать это помимо закона — что нисколько не мѣшает ему, в случаѣ, если ему удастся самому сдѣлаться собственником, быть ревностным защитником суда и полиціи.

Какое для нас, революціонеров, лучшее средство достигнуть революціи? Развитіе человѣческаго достоинства, подъем нравственнаго уровня, развитіе в человѣкѣ независимости и гордости, которыя заставляют его не подчиняться чужому произволу, сопротивляться всякому угнетенію, возставать против всего, что ему кажется ошибочным или нелѣпым. Всѣ окольные пути, всѣ мелочныя и унижительныя уловки, всѣ старанія обойти тот или другой пункт закона могут с нашей точки зрѣнія, только повредить пропагандѣ, только отдалить нас от цѣли. Они принуждают к таким низменным поступкам, которые мы, вообще, отвергаем, и вмѣсто того, чтобы возвышать характер человѣка, наоборот, портят и принижают его, приучая употреблять всю свою энергію на мелочи. Мы одобряем, на примѣр, (и хотѣли бы, чтобы подобные факты повторялись чаще) человѣка, который, будучи поставлен нашей общественной организаціей в невозможность жить, открыто и силой захватывает то, что ему нужно, громко провозглашая свое право на существованіе; но мы относимся совершенно холодно и равнодушно к поступкам, входящим в категорію обыденнаго воровства, потому что в них нѣтъ того характера общественнаго протеста, который, по нашему мнѣнію, должен быть ясно виден во всем, что дѣлается с цѣлью пропаганды.

То же самое можно сказать и о «пропагандѣ дѣлом». Чего только не говорилось по этому поводу, каких только нелѣпых взглядов не высказывалось, как со стороны защитников, так и со стороны противников этого приѣма борьбы?

«Пропаганда дѣлом» есть ничто иное, как мысль, перешедшая в дѣйствіе, а в предыдущей главѣ мы видѣли, что сильно чувствовать что-нибудь значит вмѣстѣ с тѣм стремиться примѣнить свое чувство в практической жизни. Это — достаточный отвѣтъ противникам. Но, с другой стороны, мы встрѣчали и таких сильно увлекающихся, но мало думающих анархистов, которые хотѣли свести все к одной только пропагандѣ дѣйствіем; убивать буржуа, истреблять фабрикантов, поджигать фабрики, разрушать зданія — внѣ этого для них не существовало ничего. Всякій, кто не говорил об убійствах или поджогах, не был, в их глазах, достоин названія анархиста.



Мы вполне сочувствуем практическому делу вообще: дело, это, как мы уже говорили — цвет мысли. Но нужно все-таки, чтобы оно имело какую-нибудь цель, чтобы человек сознавал, что он делает: иначе его действие обратится против него самого.

Представим себе, например, что сгорит какой-нибудь, находящийся в полном ходу, завод, на котором работают, скажем 50, 100, 200 или 300 — все равно, сколько — рабочих. Хозяин этого завода ничем не отличается от всех остальных: он не хорош, не дурен, ничего особенного сказать о нем нельзя. Ясно, что если кто-нибудь ни с того ни с сего подожжет этот завод, то из этого выйдет только то, что рабочие окажутся выброшенными на улицу и, раздраженные бедственным положением, в котором они временно очутятся, несомненно не станут доискиваться мотивов, которые толкали поджигателя, а обратятся против него и против вдохновляющих его идей. Вот — последствия необдуманного поступка.

Но допустим, что борьба между хозяевами и рабочими обострилась, что происходит стачка. В числе хозяев есть такие, которые выдаются среди остальных своей жестокостью — которые вызвали своей особенно сильной эксплуатацией эту стачку, или своим упорством затягивают ее, мешая другим хозяевам уступить; они, несомненно, навлекут на себя неприязнь рабочих. Представим себе теперь, что такого хозяина найдут где-нибудь убитым, причем тут же будет записка, объясняющая, что его убили именно как эксплуататора, или допустим, что по тем же причинам подожгут его завод. Тут же уже сомнения в мотивах действия быть не может, и мы уверены, что рабочий мир встретит такой акт сочувственно. Это — поступок обдуманный. В каждом данном случае, следовательно, нужно подчинять свои действия общему руководящему принципу.

«Цель оправдывает средства» — лозунг иезуитов. Правда, некоторые из наших товарищей хотят применить его к анархическому движению, но в сущности он годится только для людей, которые ищут эгоистического удовлетворения своих личных потребностей, не заботясь о тех, кого они могут оскорбить, или кому могут повредить по пути. Но когда человек ищет себе удовлетворения в проведении в жизнь принципов солидарности и справедливости, употребляемые им средства должны быть всегда подчинены цели; в противном случае они приведут к результатам, обратным тем, которых от них ожидают.

## Глава XVIII Революція и анархизм

Это различіе во взглядах на приемы борьбы зависит от того, что нѣкоторые увлекающіеся товарищи, мало задумываются над идеями и в сущности, имѣют в виду исключительно только революцію, даже тогда, когда им кажется, что они борются за анархическій идеал. Они думают, что этот идеал цѣликом заключается в революціи, совершенно также, как республиканцы думали когда-то, что стоит только провозгласить республику, чтобы открылась эра всеобщаго счастья и благоденствія. Нам нечего напомнить читателю о тѣх разочарованіях, которыя пришлось испытать рабочей массѣ послѣ установленія республиканскаго правленія; постараемся же предотвратить тѣ, не менѣе ужасныя, разочарованія, которых нам не миновать, если мы не отвыкнем ждать всего от революціи и дѣлать из нея цѣль, когда она есть не болѣе как средство.

Наши товарищи исходят из той — может быть и очень рекомендуемой их — мысли, что можно сгруппировать людей заранѣе в виду революціи, и как только их соберется болѣе или менѣе значительное число, попытаться вызвать какое-нибудь возстаніе; они думают, что можно искусственно создать такое положеніе дѣл, при котором революція вспыхнет, а затѣм уже организованныя революціонныя группы постараются придать ей должное направленіе. Отсюда их сочувственное отношеніе к нѣкоторым приемам борьбы, которые, как им кажется, могут приблизить этот момент; отсюда их старанія сгруппировать всѣ революціонныя силы вокруг одной смѣшанной революціонной программы, оставляя в сторонѣ такія подробности и оттѣнки мнѣній, которые могут внести разногласія и отдалить нѣкоторых лиц, которых они считают обладающими революціонным темпераментом.

Мы же, наоборот, увѣрены в том, что революція придет сама и прежде, чѣм мы будем достаточно многочисленны чтобы ее вызвать; мы думаем, что современная общественная организація неизбѣжно ведет к этому и что если существующій экономическій кризис усложнится каким-нибудь политическим событіем, то это может явиться искрой, которая подожжет порох; то движеніе, которое наши товарищи хотят вызвать искусственно, вспыхнет, таким образом, само.

Всякому, кто не хочет закрывать глаз на дѣйствительность и прятать, как страус, голову под крыло, ясно, что настоящее положеніе не может продолжаться долго. Недовольство царит повсюду; именно ему буланжизм был обязан той силой, с которой он охватил Францію, и если это движеніе окончилось неудачей, то это зависѣло исключительно от глупости и трусости стоявших во главѣ его людей. Но то, что не удалось одним, может удасться другим.

Если в настоящее время это недовольство и не выражается так рѣзко, как во время буланжизма, оно однако существует; оно не менѣе распространено, не менѣе глубоко. Промышленный кризис не только не смягчается, но все усиливается; найти работу становится все труднѣе и труднѣе; безработица затягивается и армія безработных

дѣлается все многочисленнѣе и многочисленнѣе. И всякій раз, как приходит зима, мы всякій раз вновь и вновь видим длинныя вереницы нищих, дрожащих от холода и голода, с тревогой ожидающих у ворот казарм, больниц, ресторанов и нѣкоторых благотворительных учреждений, той минуты, когда можно будет получить тарелку супа или кусок хлѣба. А так как такое положеніе не может продолжаться долго, то людям, наконец, надоѣст умирать с голоду и они сдѣлают революцію.

И вот, когда эта революція произойдет, вліяніе анархических идей будет, по нашему мнѣнію, тѣм сильнѣе, чѣм больше онѣ за это время успѣют распространиться, чѣм лучше онѣ будут поняты, чѣм полнѣе будут онѣ выяснены и очищены от всѣх тѣх предрасудков, которые еще живут в нас благодаря привычкѣ, наслѣдственности и воспитанію. Наша цѣль, поэтому — прежде всего выяснять и распространять наши идеи и образовывать группы товарищей сознательных, избѣгающих всяких уступок, которыя могли бы ступшевать часть нашего идеала, всяких союзов ради увеличенія нашей численности, союзов, которые могут рано или поздно явиться нам помѣхою и вызвать сомнѣніе относительно наших настоящих цѣлей.

Итак, революція для нас не цѣль, а средство — средство, несомнѣнно неизбѣжное и к которому, навѣрное, придется прибѣгнуть, но имѣющее цѣнность постольку, поскольку оно ведет к цѣли. Предоставим самому обществу создавать своей несправедливостью недовольных, протестующих, революціонеров; наше же дѣло — создавать людей сознательных, знающих, чего они хотят, одним словом — настоящих анархистов. Они несомнѣнно, должны быть революціонерами, но пусть они останавливаются не только на идеѣ насильственнаго переворота, но и на той цѣли, которой он должен послужить.

Мы заранѣе предвидим возможныя возраженія: «Что сдѣлали до сих пор всѣ ваши прекрасныя теоріи относительно личной инициативы и самодѣятельности?» скажут нам. «Что дѣлают ваши разсѣянные повсюду и не связанные между собою группы? Развѣ вам самим не приходится бороться против различных поступков и взглядов, прикрывающихся названіем анархических, но которых вы не хотите признать таковыми?»

Анархическая пропаганда дѣйствительно не дала до сих пор всѣх тѣх результатов, которые она может дать; ее дѣйствительно поняли далеко не всѣ тѣ, кто заявляет себя ея сторонниками; но это только доказывает, что наши идеи нужно продолжать разрабатывать, не боясь повтореній, чтобы сосредоточить вниманіе именно на тѣх пунктах, которые наиболѣе нужно выяснить.

Кромѣ того, если в дѣятельности анархистов и не хватает иногда, сознательной осязательной стройности, практической организаціи, то она тѣм не менѣе ведется довольно энергично и у них, во всяком случаѣ, есть та послѣдовательность и стройность, которая вытекает из общности ясно замѣченной цѣли. Во Франціи, в Испаніи, в Италіи, в Англии, в Америкѣ, в Австраліи — повсюду анархисты стремятся к уничтоженію частной собственности и государственной власти, к полной и безусловной независимости личности. В этом общая основа всѣх их взглядов.

В вопросѣ о способах достиженія общей цѣли могут, конечно, быть разногласія: идеальное единство пока еще не установилось. Но мало-по-малу мы к этому приближаемся и, как только исчезнет боязнь нѣкоторых слов, под которыми люди понимают самыя различныя вещи, мы увидим настоящее взаимное соглашеніе между группа-

ми разных стран, настоящую серьезную организацию, основанную на совершенно свободных началах и тем более прочную, что она будет вытекать из самой практики, а не из искусственного и основанного на уступках договора.

Что же касается существования таких теорий и поступков, от которых следует сторониться, то, действительно, существует в движении известное направление — направление, несомненно имеющее полицейский источник, но распространяющееся благодаря искреннему увлечению некоторых из наших товарищей — против которого мы всеми силами должны бороться.

Но отрицать принципы и все только призывать к революции — плохое средство уберечься от предателей, от ложных идей, от ложных принципов. Есть только один путь для разграничения между идеями действительно анархическими и мнимыми, высказываемыми с целью свести движение с его настоящей дороги: это — стараться еще лучше выяснить наши взгляды, еще полнее очистить их от всех переживаний стремления к господству над другими. Мы должны стремиться к тому, чтобы люди, к которым мы обращаемся, нас понимали и умели сами отличить, имеет ли данный поступок анархический характер, или нет; это будет гораздо действительно более чем заранее высказанное осуждение той или другой категории действий.

Правда, то, что происходит в настоящую минуту в наших рядах, может иногда внушить людям, с нетерпением ожидающим осуществления нашего идеала счастья и гармонии, сомнения в возможности его, в возможности водворения согласия среди того хаоса идей, которые, под именем анархизма, борются в наше время так или иначе с буржуазным строем. Но разве всякая новая идея, стремящаяся к разрушению существующего, не создает временно хаоса и беспорядка? Повторяем: предоставим нашим нетерпеливым товарищам немного успокоиться, и займемся более точной разработкой идей; по мере того, как они будут серьезнее обдумываться и сознательнее восприниматься, они сами уложатся в систему, и эта система будет тем стройнее, чем меньше препятствий мы будем ставить свободному развитию мысли. Развитие анархической идеи само создаст сознательных людей и увеличит таким образом вероятность успеха для будущей революции.

Зарождение этого, ошибочного взгляда на принципы, как на лишнее стеснение в революционной борьбе, в значительной степени зависело от того, что при виде хаоса в идеях и поступках, царящего вокруг них, многие из наших товарищей начинали с одной стороны отчаиваться в возможности сгруппировать силы в виду революции, а с другой — относиться как к метафизиком к обсуждению всяких идейных вопросов. Не находя в нашем собственном запасе идей этой силы, они вообразили, что ее можно получить из другого источника, и вернулись к средствам борьбы, прямо заимствованным из понятий государственных. При этом они самым наивным образом думают, что, переименовав названия, они изменили и самую суть. Нетерпение мешает им видеть, что, несмотря на свою кажущуюся разрозненность, усилия борцов тем не менее все ведут к одной цели, и этому объединению остается только сдаться сознательным, чтобы приобрести всю ту силу, которую они хотели бы ему придать и которая в действительности может явиться только следствием полного развития идей.

Мы хотим, говорят они нам, чтобы когда кто-нибудь из товарищей общается нам свое содействие в каком-нибудь деле, мы могли на него рассчитывать, и чтобы он

не нарушил своего обѣщанія, укрываясь за свободу, за независимость личности и т. д. Мы совершенно с этим согласны, но мы думаем вмѣстѣ с тѣм, что дѣло пропагандиста показать людям, что они должны брать на себя обязательство только тогда, когда увѣрены, что выполнят его, и что, раз уже они дали обѣщаніе, простая честность заставляет исполнить его. Конечно, при этом приходится бороться с тѣм самым деморализующим направлением, о котором мы говорили выше, но опять таки доказать преимущества солидарности и полного довѣрія между товарищами может только пропаганда. Какая польза от того, что от человѣка заранѣе потребуют взять на себя то или иное обязательство? Допустим даже, что мы напишем огромными буквами в заранѣе выработанных программах, что люди должны исполнять то, что они обѣщали; что же нам из этого, у нас нѣтъ в руках никакой силы, чтобы принудить тѣх, кто захочет нарушить свое обѣщаніе, к исполненію его?

Будем меньше руководствоваться нашим нетерпѣніем и больше — голосом разсудка, и мы увидим, что метафизика не всегда бывает на той сторонѣ, гдѣ ее ищут.

## Глава XIX Безполезность реформ

Разбирая вопрос о том, что заставляет нас быть революционерами, мы уже видели, что сам современный строй порождает и нищету и недовольство и, таким образом, неизбежно ведет к революционному протесту; а раз уже мы, самой силой вещей, принуждены участвовать в этой революции, то самое лучшее, что мы можем сделать, это — начать к ней готовиться. Есть и еще одно соображение, о котором мы упоминали лишь вскользь, но которое также очень важно; оно объясняет почему анархисты не борются за осуществление некоторых реформ, которые многие представляют рабочим как лекарство от всех зол, или как средство достигнуть освобождения мало-по-малу и мирным путем.

Мы убеждены в том, что при существующем капиталистическом строе, при делении общества на два класса, из которых один живет на счет другого, всякое улучшение в положении класса эксплуатируемого будет, вместе с тем, ослаблением привилегий класса эксплуататоров. Поэтому одно из двух: или данная реформа есть ничто иное как мираж, как приманка, выдуманная для того, чтобы усыпить рабочих и, заставить их потратить все свои силы на приобретение мыльных пузырей, которые тотчас же лопнут, как только их захотят взять в руки, или же эта реформа действительно может изменить положение дел. В последнем случае привилегированный класс, стоящий у власти, делает все возможное, чтобы помешать ее осуществлению, или обратить ее в свою пользу, и тогда рабочим придется опять-таки прибегнуть к решительному средству, к силе.

Мы не думаем заниматься разбором всех планов реформ, всех избирательных фантазий, изобретаемых ищущими новинок политиками или жаждущими избрания кандидатами: для этого нам потребовались бы целые томы. Но мы надеемся, что читатель уже убедился в том, что источник существующей бедности лежит в плохом экономическом строе, и что он легко поймет, почему мы оставляем в стороне все реформы, относящиеся к чисто-политическим переменам. Что касается реформ экономических, то таких, которые стоило бы разбирать, очень немного и их легко перечислить: это — подоходный налог, сокращение рабочего дня и установление минимума заработной платы, увеличение налогов на наследство и уничтожение права наследства для наследников не по прямой линии. Прибавим к этому еще и устройство рабочих синдикатов и превращение их в потребительные товарищества, и мы получим весь реформаторский багаж тех, кто хочет преобразовать общество путем постепенной эволюции. По количеству это немного; посмотрим, каково качество.

Во-первых, подоходный налог. Его уже давно проповедуют как лекарство от всех зол, но понемногу он начинает терять свое прежнее обаяние. Это — одна из тех реформ, которыми различного рода политики успешнее всего прельщали рабочих и которые пользовались наибольшей популярностью: в самом деле эта реформа, казалось, должна была возложить заботу о государственных издержках на богатых и

возстановить нѣкоторое равновѣсіе в обществѣ, заставивъ каждаго члена его участвовать в расходахъ сообразно количеству тѣхъ услугъ, которыя общество ему оказываетъ.

Но стоитъ только внимательнѣе присмотрѣться къ общественному механизму и поискать, в чемъ состоятъ дѣйствительные источники богатства, чтобы увидать, что эта реформа не можетъ измѣнить ничего, что она — ничто иное, какъ грубая ловушка для рабочихъ, съ цѣлью подать имъ ложную надежду на неосуществимыя улучшения и помѣшать искать болѣе дѣйствительныхъ средствъ къ освобожденію.

Есть, правда, среди буржуазіи люди, которые, при одномъ намекѣ на подоходный налогъ, пугаются и уже представляютъ себя «ограбленными» в пользу «черни»; людей, которые дрожатъ и прячутся при малѣйшей тревогѣ, что не мѣшаетъ имъ кричать точно ихъ рѣжутъ, какъ только кто-нибудь сдѣлаетъ видъ, что хочетъ тронуть ихъ привилегіи, не мало среди буржуазіи. Возможно также, что в числѣ тѣхъ, кто защищаетъ эту реформу, есть и люди искренніе, дѣйствительно вѣрящіе въ ея полезность. Во всякомъ случаѣ, какъ крики ужаса однихъ, такъ и наивная вѣра другихъ, ведутъ къ тому, что обманутые рабочіе принимаютъ эту игру за серьезное дѣло и перестаютъ слушать тѣхъ, кто доказываетъ, что имъ нечего ждать отъ эксплуататоровъ и что дѣйствительно освобожденіе наступитъ для нихъ только тогда, когда эти эксплуататоры исчезнутъ.

В старыя времена, когда существовала десятина, рабочій народъ зналъ, сколько именно онъ платитъ своимъ господамъ и угнетателямъ: столько-то шло помѣщику, столько-то попу, столько-то тому, столько-то другому. В концѣ-концовъ, онъ замѣтилъ, что для него самого остается при такой системѣ слишкомъ мало, и устроилъ революцію. Власть перешла въ руки буржуазіи, а такъ какъ народъ боролся за уничтоженіе десятины, то возстановить ее было бы слишкомъ неосторожно. И вотъ, буржуазія изобрѣла прямыя и косвенныя налоги. Та же десятина продолжала взиматься по-прежнему, но только деньги государству платили прежде всего капиталисты, торговцы и различнаго рода посредники, которые уже затѣмъ съ избыткомъ вознаграждали себя на счетъ кармановъ производителей и потребителей. А такъ какъ послѣдніе не имѣютъ дѣла непосредственно съ казною, то они и не могутъ дать себѣ точнаго отчета въ томъ, сколько именно они платятъ; все идетъ такимъ образомъ, къ лучшему въ лучшемъ изъ буржуазныхъ міровъ.

Во Франціи, говорятъ намъ, на каждаго человѣка приходится отъ 130 до 140 франковъ податей въ годъ; вѣдь это — сумма настолько незначительна, что не стоитъ отказывать себѣ въ удовольствіи имѣть за такую дешевую плату, почти даромъ, правительство, которое беретъ на себя заботу о вашемъ благополучіи! Это, конечно, даромъ, но дѣло въ томъ, что, рабочій не замѣчаетъ, что, такъ какъ только онъ производитъ, то только онъ и платитъ: онъ вноситъ не только ту сумму, которая приходится на его долю, но и то, что приходится на долю разныхъ паразитовъ, живущихъ продуктами его труда.

Сколько бы софизмовъ не пускали въ ходъ буржуазныя экономисты ради оправданія существованія капиталистовъ, во всякомъ случаѣ несомнѣнно одно: капиталъ самъ умножаться не можетъ, а можетъ быть только продуктомъ труда; но такъ какъ капиталисты сами не работаютъ, то ихъ капиталъ долженъ быть результатомъ труда другихъ. Вся торговля между отдѣльными личностями и между народами, весь обмѣнъ, всѣ международныя сношенія — все это существуетъ благодаря труду, а барышъ, получаемый различными посредниками, есть ничто иное, какъ та же десятина, взимаемая владѣтелями капитала съ труда производителей.

Если мы получаем от земли различные продукты: хлѣб, овощи, плоды, служащіе нам в пищу, лен и коноплю, которые мы употребляем на одежду, то развѣ мы обязаны этим вложенному в землю капиталу? Развѣ благодаря ему существуют пастбища для нашего скота? Развѣ одной силы капитала было бы достаточно для получения из копей металлов, нужных нам в разных отраслях нашей промышленности, для машин и для всевозможных инструментов? Развѣ капитал обрабатывает сырой материал и превращает его в предметы потребления? Никто не рѣшится этого утверждать, и даже сама буржуазная политическая экономія, все сводящая к капиталу, не идет так далеко: она старается только доказать, что раз капитал необходим для всякаго промышленнаго предпріятія, он имѣет право на долю — и притом самую большую — в получаемой прибыли, в вознагражденіе за тот риск, которому он якобы подвергается.

Чтобы показать бесполезность капитала, прибѣгнем к извѣстной и много раз уже служившей гипотезѣ: представим себѣ, что всѣ виды денег — золотыя и серебряныя монеты, банковые билеты, векселя, чеки и другія цѣнныя бумаги — исчезли; что же, неужели производство от этого пріостановится? Неужели крестьянин перестанет обрабатывать землю, углекоп — работать в копях, фабричный рабочій — производить различные предметы потребления? Неужели рабочіе не найдут средства устроить обмѣн продуктов и продолжать жить и производить, несмотря на устраненіе денег? Отвѣтъ на эти вопросы может быть только один, и он ясно показывает нам, что капитал служит лишь маской, скрывающей бесполезность общественных паразитов и позволяющей им взимать за свое посредничество дань с рабочаго класса. Поэтому, к каким бы средствам государство не прибѣгло для обложенія налогами доходов с капитала, эти налоги в концѣ концов все равно падут на производителей, потому что и сами доходы зависят исключительно от труда этих послѣдних.

Чѣм больше будет этот налог, тѣм большею тяжестью он ляжет на рабочих, а разнаго рода посредники еще увеличат ее. И, в концѣ концов, благодаря недостаткам, присущим нашему общественному строю, хваленая реформа обратится в новое орудіе эксплуатаціи и грабежа.

Послѣ подоходнаго налога, уже пережившаго время наибольшей своей популярности, самой излюбленной реформой является в настоящее время сокращеніе рабочаго дня с установленіем минимальной заработной платы.

Установить — в пользу рабочих — извѣстныя опредѣленныя отношенія между трудом и капиталом, добиться того, чтобы работать не двѣнадцать часов в день, а восемь — кажется, с перваго взгляда громадным шагом вперед; нѣтъ поэтому ничего удивительнаго, если многіе увлекаются этим паліативом и употребляют на достиженіе его всѣ свои силы, в полной увѣренности, что работают для освобожденія рабочаго класса. Но мы уже видѣли, когда нам пришлось говорить о государственной власти, что у этой власти есть только одна задача: это — поддержаніе существующаго порядка вещей. Поэтому, требовать, чтобы государство вмѣшивалось в отношенія между трудом и капиталом, значит идти наперекор всякой логикѣ: это вмѣшательство может оказаться выгодным только для тѣх, чьи интересы государство призвано защищать. Мы уже видѣли на примерѣ подоходнаго налога, что роль капиталиста — существовать на счет настоящаго производителя; поэтому, совѣтовать рабочим просить у буржуазіи ограничить свои доходы, когда она только и старается о том, чтобы их как-нибудь увеличить, — значит не больше не меньше, как жестоко смѣять-



ся над ними. Даже для политических измѣненій, гораздо менѣ важных, чем это, и то потребовались цѣлыя революціи.

Если рабочій день будет уменьшен до восьми часов, говорят нам защитники реформы, это уменьшит безработицу, происходящую от перепроизводства, и даст возможность рабочим поднять впоследствии заработную плату. С первого взгляда, это сужденіе кажется вполне правильным, но для всякаго, кто попытается дать себѣ отчет в явленіях, связанных с современным строем нашего так называемаго общества, скоро станет ясна ошибочность его.

Мы уже видѣли выше, что излишек товаров в торговых складах происходит не от слишком больших размѣров производства, а от того, что большинство производителей живет в нуждѣ и не может потреблять столько, сколько ему нужно. Самый правильный путь для рабочаго, чтобы обезпечить себѣ работу, это — захватить в свои руки всѣ тѣ продукты, которых его лишают и употребить их на удовлетвореніе своих потребностей. На этой сторонѣ вопроса мы поэтому останавливаться не будем; мы хотим только показать, что эта реформа не может принести рабочим и никакой денежной выгоды.

Когда капиталист вкладывает свои капиталы в какое-нибудь промышленное предпріятіе, он имѣет в виду, что это предпріятіе будет приносить ему доход. При настоящих условіях, на примѣр, он считает, что для получения извѣстнаго барыша ему нужно десять, одиннадцать или двѣнадцать часов труда его рабочих. Если вы уменьшите продолжительность рабочаго дня, эти расчеты нарушатся, и барыш предпринимателя падет, а так как капитал непременно должен приносить ему извѣстный опредѣленный процент и весь труд капиталиста именно в том и состоит, чтобы найти путь к этому, покупая как можно дешевле и продавая как можно дороже (т. е. обкрадывая как можно лучше всѣх тѣх, с кѣм он входит в сношенія), то он примется искать новаго способа наживы, с цѣлью вознаграждать себя за понесенный убыток.

Ему представятся для этого три пути: или повысить цѣну продуктов, или уменьшить плату рабочим, или, наконец, заставить этих послѣдних производить в восемь часов то, что они раньше производили в двѣнадцать.

Против второго из этих способов сторонники реформы оберегаются тѣм, что требуют одновременнаго установленія минимальной заработной платы. Что касается перваго, то вряд-ли предприниматели будут рассчитывать на повышение цѣн продуктов, потому что им помѣшает в этом конкуренція; но во всяком случаѣ, если бы дороговизна жизни возросла по мѣрѣ увеличенія заработной платы, то это послужило бы доказательством того, что всю тяжесть реформы опять-таки придется нести рабочему. Если он будет получать за восемь часов работы то же, что получает теперь, то его положеніе окажется худшим, потому что повышение цѣн сдѣлает для него этот заработок сравнительно меньшим.

На примѣрѣ сѣверной и южной Америки мы видим, что повсюду, гдѣ рабочему удалось добиться высокой заработной платы, одновременно с этим увеличилась дороговизна жизни: если рабочему случается получать в день двадцать франков, то это значит, что для того, чтобы жить так, как может жить человек, имѣющій хорошей заработок, ему нужно было бы двадцать пять; этот заработок всегда, таким образом, остается ниже средняго необходимаго уровня.

Но в наш вѣкъ пара и электричества, конкуренція требует от производства быстроты и дешевизны; поэтому для вознагражденія своих убытков эксплуататоры не будут особенно рассчитывать на вздорожаніе продуктов. Самым удобным средством охранить свои барыши явится для них третье, т. е. они постараются заставить рабочих производить в восемь часов то, что они производили в двѣнадцать.

Рабочему придется работать быстрѣе, а благодаря этому то загроможденіе рынка товарами и та безработица, которых хотѣли избѣгнуть, останутся прежними: размѣры производства не измѣнятся, а возможности потреблять будет у рабочаго не больше, чѣм теперь.

Но этой безуспѣшностью реформы дѣло не ограничится: уменьшеніе рабочаго дня поведет за собою, прежде всего, введеніе болѣе совершенных машин и замѣну живого рабочаго рабочим желѣзным. В благоустроенном обществѣ это было бы шагом вперед, но в нашем — оказывается только лишней причиной бѣдности. Кромѣ того, при болѣе скорой работѣ, рабочему придется усилить быстроту своих движеній, больше сосредоточиваться на своей работѣ, а это напряженіе сил всего организма будет для него еще болѣе вредным, чѣм продолжительность труда. Правда, он будет работать меньшее число часов, но он будет тратить в это гораздо болѣе короткое время больше сил, а потому будет утомляться сильнѣе и скорѣе.

Если мы обратимся к примѣру Англіи, на которую нам указывают сторонники реформы и гдѣ рабочій день сведен к 9-ти часам, то мы увидим, что это «улучшеніе» является, в дѣйствительности скорѣе «ухудшеніем» для рабочих. В подтвержденіе сошлемся на того самаго Маркса, котораго инициаторы реформы считают своим оракулом.

В первом томѣ «Капитала» мы находим слѣдующую выдержку из доклада одного фабричнаго инспектора (стр. 418 перваго русскаго изданія): «Так, напримѣр, относительно гончарнаго производства фирма Cochrane под названіем „Britain Pottery, Glasgow“ говорит: „чтобы поддержать количество продуктов, мы усиленно вводим в употребленіе машины с неискусными рабочими, мы ежедневно болѣе и болѣе убѣждаемся, что можем этим путем производить больше, нежели старым способом“.... „Вліяніе фабричнаго закона выражается в том, что он понуждает к дальнѣйшему введенію машин“».

А на стр. 370 мы находим слѣдующее:

«Поэтому, хотя инспекторы фабрик без устали, имѣя на это полное право, восхваляли благопріятные результаты фабричных законов 1848–1850 гг., однако они сознаются, что сокращеніе рабочаго дня вызвало усиленіе напряженія труда, разрушающее здоровье, а слѣдовательно и самую рабочую силу. „Кажется, в большей части хлопчатобумажных, шерстяных и шелковых фабрик изнуреніе, вслѣдствіе возбужденнаго состоянія, — необходимаго для работ при машинах, движеніе которых в послѣдніе годы так необыкновенно ускорилося, — составляет одну из причин сильно-увеличивающейся смертности от болѣзней легких“, как показал D-г. Greenhow в своем превосходном послѣднем отчетѣ. Коль скоро капиталу прегражден законом путь **удлиненія рабочаго дня**, то не подлежит ни малѣйшему сомнѣнію<sup>1</sup>, что он будет стремиться наверстать это систематическим повышеніем **степени**

---

<sup>1</sup> Курсив наш.

**интенсивности труда**, и обратить каждое усовершенствованіе машины в средство сильнѣйшаго высасыванія рабочей силы. Но это стремленіе, дойдя до извѣстной степени, необходимо ведет за собою новое сокращеніе рабочих часов».

Итак, замѣна рабочаго машиной и большая опасность заболѣть для того, кто работает, вообще — уничтоженіе всякаго вліянія реформы и возвращеніе к исходной точкѣ (даже оставляя в сторонѣ происшедшія ухудшенія) — таковы выгоды этой благодѣтельной реформы. Результаты, кажется, достаточно ясны.

«Все это — правда», возразят нам, «но вѣдь развитіе машинизма все равно произойдет, даже если мы будем работать двѣнадцать часов. Уменьшеніе рабочаго дня все-таки вносит хотя бы временное улучшеніе, потому что дает нам возможность оставаться на фабрикѣ не двѣнадцать часов, а всего восемь, а это — нравственная побѣда, которой мы пока и довольствуемся». Такое возраженіе показывает только, что наши противники обладают добрым сердцем и довольствуются малым; но мы, анархисты, — болѣе требовательны и находим, что нечего попусту терять время, гоняясь за преобразованиями, которыя ровно ничего не преобразуют. Стоит ли пропагандировать мѣру, которая хороша только пока не примѣнена на практикѣ, а как только переходит в жизнь, так обращается против преслѣдуемой цѣли?

Машинизм, конечно, постепенно развивается, но в настоящее время это развитіе, благодаря господствующей рутинѣ, совершается довольно медленно. Извѣстно, сколько сил приходится употребить на то, чтобы заставить принять какое-нибудь новое изобрѣтеніе: эксплуататоры порывают с рутиной только тогда, когда им приходится сдѣлать это под угрозой раззоренія. Все это ускоряет ход событій и приближает ту социальную революцію, которую мы предвидим. А так как она все равно неизбежна, то мы не хотим быть застигнутыми врасплох и стараемся приготовить заранее, чтобы в момент, когда она произойдет, воспользоваться ею соотвѣтственно нашим убѣжденіям. Мы стремимся внушить рабочим, что им нечего ждать от подобнаго рода дѣтских забав и что единственный путь к преобразованію общества, это — разрушеніе управляющих им учреждений.

В самом дѣлѣ, давящее нас эксплуататорское общество слишком хорошо организовано для того, чтобы вся его дѣятельность измѣнилась от маленькаго преобразования в его механизмѣ, от маленькаго улучшенія в его приѣмах. Мы уже видѣли, что всякое улучшеніе, всякое новое усовершенствованіе тотчас же обращается во вред трудящемуся классу и становится новым орудіем эксплуатаціи в руках тѣх, кто захватил в свои руки все общественное богатство. Если вы хотите, чтобы прогресс был полезным для всѣх, если вы хотите дѣйствительнаго освобожденія рабочаго, вы должны начать с уничтоженія причины того зла, с которым вы боретесь.

Бѣдствія рабочих происходят от того, что они вынуждены производить на цѣлую армію паразитов, сумѣвших захватить в свою пользу львиную долю продуктов. Если вы относитесь к дѣлу искренно, не теряйте же времени на согласованіе непримиримых интересов, не старайтесь об улучшеніи положенія, которое ничего хорошаго дать не может; уничтожьте лучше общественный паразитизм. А так как этого нельзя ожидать от людей, которые сами — ничто иное, как паразиты, и, вмѣстѣ с тѣм, это не может быть дѣлом никакого закона, то мы и говорим, что систему эксплуатаціи нельзя улучшить, а можно только уничтожить.

Кромѣ этих двух реформ, существует еще одна, которой нѣкоторые, даже просвѣщенные умы, придают извѣстное значеніе: это — увеличеніе налога на наслѣдство по косвенной линіи.

Послѣдствія этого были бы совершенно тѣ же, как при введеніи подоходнаго налога. Кромѣ того, мѣра эта могла бы быть примѣнена только к поземельной собственности, во всем же остальном ее совершенно парализовало бы развитіе анонимных и акціонерных обществ — развитіе, которое тогда, несомнѣнно, пошло бы еще быстрѣе. вмѣсто того, чтобы быть собственниками своих имѣній, усадеб, домов и лѣсов для охоты, богачи стали бы их нанимать, а отдача в наем организовывалась бы новыми анонимными обществами, на зло всѣм государственнм мѣропріятіям.

Государство смогло бы контролировать таким образом лишь незначительное число наслѣдств, и закон сдѣлался бы совершенно бесполезным. Кромѣ того, благодаря массѣ всевозможных предварительных соглашеній между тѣми, кто оставляет наслѣдство, и тѣми, в чью пользу он хочет им распорядиться, послѣдніе всегда будут имѣть возможность получить наслѣдство и помимо прямого права наслѣдованія.

Чтобы помѣшать этому, пришлось бы создать сотни законов, которые стали бы вмѣшиваться во всѣ человѣческіе поступки и отношенія и мѣшать людям распоряжаться своим имуществом; но даже и при такой инквизиторской системѣ нельзя было бы быть увѣренным в том, что цѣль будет достигнута. Чтобы заставить общество примириться с такого рода мѣрами, пришлось бы прибѣгнуть к революціи или к государственному перевороту: А раз уже будет революція, то не лучше ли сдѣлать ее ради дѣйствительнаго шага вперед, чѣм ради введенія стѣснительных мѣр?

Но даже если мы допустим, что эти мѣры окажут извѣстное вліяніе на распредѣленіе собственности, то в чем же измѣнится положеніе рабочаго? Собственность еще раз перейдет из однѣх рук в другія, но она опять-таки не попадет в распоряженіе рабочих. Собственником сдѣлается государство и оно же будет заниматься эксплуатацией, а мы уже видѣли выше (когда говорили о государственной власти), что ничего полезнаго для себя рабочей от него ожидать не может. Пока деньги будут лежать в основѣ всего общественнаго устройства, до тѣх пор им будут управлять люди, их имѣющіе. Будет ли государство само непосредственно эксплуатировать тѣ имущества, которыя окажутся у него в руках, или оно отдаст их в аренду частным лицам, — операція эта все равно будет происходить в пользу тѣх, кто уже владѣет собственностью. Допустим даже, что ею воспользуется какой-нибудь вновь образовавшійся класс: это опять-таки будет в ущерб всѣм остальным.

Но чтобы допустить возможность осуществленія этой реформы, мы должны были прежде всего сдѣлать другое предложеніе, а именно, что буржуазія, возведшая в догмат неприкосновенность частной собственности и построившая на ея законности и на необходимости ея защиты все свое законодательство, — что эта самая буржуазія позволит нарушить порядок, который она сама считает незыблемым. Может ли кто-нибудь сказать, сколько времени понадобится на то, чтобы убѣдить буржуазію согласиться на мѣры, которыя она будет считать посягательством на ея «права»? А сколько еще времени уйдет, уже послѣ осуществленія этой реформы, на то, чтобы увидать, что она не внесла ровно никаких измѣненій? И не будет ли при этом потеряно столько же времени, сколько, говорят, нужно для осуществленія наших «утопій»?

Мы считаем бесполезным заниматься здесь критикой производительных и потребительных товариществ: мы хотим освобождения полного и всеобщего и знаем, что освобождение отдельной личности невозможно без освобождения всех; различные мелкие попытки частичного освобождения не имеют, поэтому, для нас интереса. Кроме того, концентрация капиталов и постоянное развитие техники, требующее все больше и больше крупных затрат, делают бессильным и это орудие улучшения положения отдельных мелких групп.

Есть и такие реформаторы, которые думают внести свою лепту в дело освобождения человечества, разрабатывая какую-нибудь одну область знания; но под влиянием борьбы с различного рода препятствиями они, в конце концов, доходят до того, что возводят свою мысль в какое-то магическое средство, обладающее всевозможными драгоценными качествами и долженствующее излечить наш страждущий общественный организм от всех болезней. И сколько среди этих фанатиков искренних людей! Сколько среди этого хаоса идей встречается идей ценных, которые принесли бы человечеству огромную пользу, если бы их приложить в разумном обществе; но теперь, осуществляясь по одиночке и в обществе с уродливой организацией, они могут только или привести к обратным результатам, или быть задушены в самом зародыше, не дождавшись даже своего применения.

Среди этих убежденных сторонников одной какой-нибудь мысли мы укажем на одного, очень типичного и вполне подходящего для тех выводов, которые мы хотим сделать: это — Жорж Вилль, проповедник системы химического удобрения.

Мы не намечены входить здесь в подробные объяснения этой системы. Достаточно будет сказать, что химическое исследование растений показало Виллю, что в них входит четырнадцать химических веществ и что эти вещества всегда одни и те же во всех растениях и только меняются количественно, смотря по семействам. Исследовав затем землю и воздух, он увидел, что растение может найти там десять из этих веществ и что, следовательно, остается только доставить ему, в виде удобрения, четыре остальных, т. е. известь, калий, фосфор и азот. На этом он строит целый проект химического удобрения, применительно к характеру обрабатываемой почвы и возделываемого растения, и доказывает, на основании цифр, что при настоящем положении наших знаний мы могли бы получать, с меньшей, сравнительно с навозом, затратой удобрения, урожай вчетверо и впятеро большей с той же площади земли; вместе с тем мы могли бы разводить гораздо больше скота при меньшем количестве пастбищ и таким образом понизить цену на мясо. Но при этом он спешит заключить, что ключ к решению социального вопроса лежит именно в улучшении земледелия. «Изобилие земледельческих продуктов будет выгодно для всех», говорит он, «собственники земли получают обильный урожай и смогут продавать свои продукты по низким ценам; рабочие же будут покупать их за дешевую плату и смогут жить в довольстве; они будут делать сбережения, а затем, в свою очередь станут капиталистами». Все, одним словом, пойдет к лучшему в лучшем из возможных обществ.

Мы вполне уверены в искренности г. Вилля и, насколько наши слабые познания в этой области позволяют нам судить о его системе, она кажется нам вполне рациональной. Мы несколько поэтому не отрицаем той пользы, которую принесло бы повсеместное применение его системы в смысле улучшения положения рабочих,

если бы только рабочим, вообще, что-нибудь могло пойти на пользу в современном обществе. Его цифры только подтверждают мысль анархистов, что при тех средствах, которыми располагает современная наука, можно было бы получать такое большое количество продуктов, что их даже не пришлось бы дѣлить, а каждый смог бы брать из общаго достоянія сколько ему будет нужно, соответственно его потребностям или желаніям; при этом обществу не грозило бы никакой опасности голода, — вопреки предсказаніям нѣкоторых мрачно-настроенных пессимистов, которые думают, что только им одним свойственна добродѣтель умѣренности. Они готовы сдѣлать нам уступку и признаются, что сами, конечно, обошлись бы без всякой власти, но считают эту власть все-таки необходимой для подавленія тех дурных инстинктов, которыми проникнуто все остальное человечество.

В маленькой брошюркѣ, озаглавленной «Продукты земледѣлія» один из наших товарищей показал, на основаніи официальных цифровых данных, что даже при настоящем, еще дѣтском, состояніи земледѣлія, общая сумма продуктов всего міра на много превышает цифру их потребленія. С другой стороны, Вилль доказывает, что при разумном пользованіи химическими веществами можно, не затрачивая лишняго труда, получать с земли в четыре или пять раз больше того, что она дает теперь. Развѣ это не блестящее подтвержденіе той мысли, которую мы всегда защищаем?

Но когда Вилль видит в своей системѣ разрѣшеніе социальнаго вопроса, когда он думает, что, благодаря изобилію продуктов, они станут настолько дешевыми, что рабочій сможет жить так, чтобы мало тратить и дѣлать сбереженія, — он вполне ошибается. Если бы Вилль читал буржуазных экономистов, хотя бы того же Молинали, то он узнал бы, что «избыток продуктов на рынкѣ приводит к такому паденію цѣн на них, что их производство перестает быть выгодным для капиталистов и капиталы отливают от этой отрасли производства, пока не возстановится равновѣсіе и не вернется прежнее положеніе».

Если бы Вилль не был так поглощен своими учеными расчетами, а сколько-нибудь отдавал себѣ отчет в функционированіи общественнаго механизма, он увидал бы, что, несмотря на огромный избыток производства над потребленіем, в нашем современном обществѣ люди буквально умирают с голоду, что самые лучшіе теоретическіе расчеты на практикѣ приводят к результатам совершенно иным, чѣм от них ожидали. Природа, несомнѣнно, может, при помощи человеческого ума и человеческого труда, доставить дешевые продукты в количествѣ, достаточном для прокормленія всего человечества; но, благодаря торговлѣ и ажіотажу, собственники и капиталисты найдут всегда средство получить желательную сумму барыша: они уменьшат количество продуктов на рынкѣ, чтобы имѣть возможность продавать их дороже, а в случаѣ надобности — помѣшают их дальнѣйшему производству, чтобы создать фиктивно-высокія цѣны и удержать их на том уровнѣ, который кажется им желательным по их жадности и по их привычкѣ к роскошной и праздной жизни.

Возьмем, на примѣр, уголь — продукт совершенно готовый; который остается только извлечь из земли; залежей его так много, что онѣ встрѣчаются на всем земном шарѣ и могут удовлетворить неограниченное число потребителей. А между тѣм цѣна его стоит довольно высоко, так что далеко не всѣ могут пользоваться топливом в том количествѣ, какого требует температура; изобиліе продукта не дѣлает его, слѣдовательно, болѣе доступным для рабочих.

А зависит это от того, что копи захвачены сильными предпринимательскими компаниями, которые ограничивают производство и, кроме того, скупают, ради уничтожения конкуренции, мелкия копи, принадлежащія другим владѣльцам, предпочитая совершенно не эксплуатировать их, чѣм завалить рынок товарами, потому что это понизило бы цѣны и уменьшило таким образом доходы.

То же самое происходит и с землею. Каждый день мы видим, как земля мелкаго собственника, разоряемаго ростовщиками, переходит в руки капиталиста: с каждым днем крупная собственность все разрастается. Распространение земледѣльческих машин должно, кроме того, привести к образованію земледѣльческих синдикатов, т. е., к образованію таких же анонимных обществ, какія господствуют в эксплуатации фабрик и копей.

Если можно будет получать от земли вчетверо или впятеро больше продуктов, чѣм теперь, то от этого произойдет только то, что площадь обрабатываемой земли сократится, а все остальное будет обращено в мѣста для охоты или в парки, служащіе только как предмет роскоши для наших эксплуататоров. Это начинается теперь во Франціи и давно уже сдѣлано англійскими лордами в Шотландіи и Ирландіи, гдѣ населеніе вытѣсняется и уступает мѣсто оленям и лисицам, агонія которых должна служить развлеченіем для шикарной публики — такой же публики, как та, которая апплодировала лекціям Вилля и его филантропическим соображеніям.

Общество наше устроено так, что тот, кто владѣет капиталом, является господином всего міра. Движеніе продуктов в обществѣ происходит при помощи капитала, а потому от этого послѣдняго зависит все. Всякое усовершенствованіе, всякій шаг вперед, сдѣланный человѣческим трудом, промышленностью или наукою — все это обращается в пользу тѣх, кто и так уже владѣет всѣм; все это становится лишь новым орудіем эксплуатации, еще ухудшающим ужасное положеніе тѣх, кто ничѣм не владѣет.

Усовершенствованія в производствѣ только дѣлают рабочих все менѣе и менѣе нужными для капиталиста, усиливают конкуренцію между ними и заставляют их продавать свой труд за болѣе низкую плату. Вы мечтаете быть полезным для рабочих, а существующая общественная организація дѣлает так, что вы только содѣйствуете их болѣе эксплоатации и еще болѣе скрѣпляете сковывающую их цѣпь.

Да, г. Вилль, ваша мечта прекрасна: содѣйствовать увеличенію числа продуктов, так, чтобы каждый мог быть сытым, сдѣлать так, чтобы рабочій мог скопить хоть нѣсколько грошей, чтобы оградить себя от всевозможных случайностей будущаго — это, конечно, еще не идеал, но нельзя и требовать большаго от человѣка, который по самому своему положенію огражден от всѣх физических и нравственных бѣдствій, грозящих обездоленной массѣ. Это, во всяком случаѣ, очень хорошо, но увы! это останется мечтой до тѣх пор, пока вы не разрушите существующую систему эксплуатации, благодаря которой всѣ заманчивыя обѣщанія превращаются в лживыя и обманчивыя иллюзіи. У капитализма в распоряженіи есть много сил, и если мы даже допустим, что изобиліе продуктов дѣйствительно понизит их цѣны до такой степени, что рабочій сможет сберегать часть своего заработка, то тогда явится другой фактор, о котором вы сами упомянули — рост населенія.

В настоящее время промышленный рынок завален товарами; вмѣстѣ с тѣм, вслѣдствіе развитія машин, с каждым днем увеличивается число рабочих без работы.

Чтобы найти работу, им остается только одно средство: взаимная конкуренция и понижение заработной платы. А так как механический прогресс идет все быстрее и быстрее, и уже теперь один человек может производить все, что нужно для потребления десятерых, то при удвоении населения количество произведенных продуктов увеличится в двадцать раз; при этом то изобилие, которое должно было послужить на пользу рабочих, послужит исключительно на увеличение барышей капиталиста, который будет платить своим рабочим тем меньшую плату, чем в большем числе они окажутся на рабочем рынке.

Вы говорите, что требования рабочих до известной степени законны — лишь бы только они не принимали насильственной формы; но подумали ли вы о том, что рабочие борются уже целые тысячелетия, что их никогда не удовлетворявшиеся требования появились вместе с зарождением исторической жизни? Если они и выливаются в резкую форму, то только потому, что им не дают никакого удовлетворения. Неужели же рабочие должны бесконечно стоять на коленях перед своими эксплуататорами и благодарить их, когда они знают, что если им и удавалось чего-либо достигнуть, то они должны были предварительно сломить волю своих господ, и взять силой ту свободу, к которой стремились. Правящие классы смотрят на нас, как на рабов и потому совершенно естественно, что они презрительно говорят: «Изложите вашу просьбу в вожливой форме и мы посмотрим, сможем ли мы ее исполнить»; но мы, которые видим в освобождении рабочих не уступку, а акт справедливости, скажем просто: «Мы требуем этого!» Если же каким-нибудь баричам этот тон не понравится, то как им будет угодно.

В давящем нас строе все тесно связано одно с другим и для достижения желаемых результатов одних хороших намерений еще недостаточно; пока не уничтожен этот строй, никакое улучшение невозможно. Он существует исключительно с целыми эксплуатации и угнетения, а мы не хотим улучшать ни того, ни другого: мы хотим совсем их уничтожить.

Это — естественный вывод, к которому неизбежно придет всякий, кто сумеет подняться над узкой точкой зрения и охватить вопрос в его целом; он поймет, что революции зависят не только от воли людей, но и от того, что существующие учреждения преграждают путь прогрессу, и увидит, что он — явление необходимое и неизбежное.

Пусть все, кто искренно хочет служить человечеству, усвоят себе раз навсегда ту мысль, что даже в интересах их собственных планов, они не должны враждебно относиться к Революции, не должны противодействовать ей. Только она одна может помочь им достигнуть цели, потому что только она может помешать общественным паразитам убить прогресс в самом зародыше, или обратить его в свою пользу.

Реформы, реформы! Когда же, наконец, люди поймут, что они употребляют на достижение их свои лучшие силы, никогда ничего не достигая, что пора уже им перестать бороться за эти утопии — гораздо более опасная, чем мысль о полном освобождении, потому что единственный упрек, который можно сделать последней — упрек в неосуществимости — ни на чем не основывается, потому что такой попытки никогда еще не было сделано, тогда как, чтобы убедиться в бесполезности любой реформы, стоит только посмотреть на ее осуществление на практике.



Анархистов упрекают в том, что они служат помѣхой мирному освобожденію рабочих, что они отрицают всякія реформы. Но в этом заключается двойная ошибка: анархисты вовсе не противники реформ, они возстают вовсе не против них, а против тѣх ложных обѣщаній, которыя возводят в цѣль то, что, в дѣйствительности, есть в лучшем случаѣ лишь заплатка на старой вещи, а то и простой обман.

Пусть тѣ, кто вѣрит в реформы, старается об их осуществленіи; мы не имѣем против этого ровно ничего, даже напротив: чѣм больше буржуазное общество их испробует, тѣм скорѣе рабочіе увидят, что онѣ ни к чему не ведут. Но напротив чего мы возстаем, это когда их изображают каким-то всеисцѣляющим средством, когда рабочим говорят: «Ведите себя смирно, тихо и спокойно, а тогда мы посмотрим, что можно для вас сдѣлать!»

Тогда-то мы, понявшіе, что реформы бесполезны и что эксплуататоры, вообще, занимают мѣсто, по праву им не принадлежащее, мы говорим рабочим: «Вас оболъщают ложными надеждами; всѣ эти реформы — ничто иное, как обман. Кромѣ того, вас хотят заставить просить их, как милостыни, тогда как вы имѣете право требовать гораздо большаго. Если вы хотите испробовать предлагаемыя вам средства, это — ваше дѣло; но знайте заранѣе, что они нисколько не будут содѣйствовать вашему освобожденію. Поэтому, не оставайтесь долго в том заколдованном кругѣ, в который вас хотят вовлечь, а организуйтесь для того, чтобы завладѣть всѣм, на что вы имѣете право. Пусть тѣ, кто не может поспѣшить за общим движеніем, продолжают, если хотят, поддаваться обману; вы же знайте, что революція уже надвигается на вас с своей грозной силой, что ее порождает сам наш общественный строй и что она волей неволей вынудит вас взяться за оружіе, чтобы заставить признать ваше право на существованіе. А раз у вас окажется оружіе в руках, то не будьте же настолько глупы, чтобы удовольствоваться какими-нибудь реформами, которыя оставят нетронутым самый корень зла. Вот — то, что у вас отняли, вот — идеал, к которому вы должны стремиться; теперь уже ваше дѣло не останавливаться на пустяках и сумѣть нанести рѣшительный удар тому подгнившему и со всѣх сторон разрушающемуся зданію, которому еще рѣшаются давать названіе Общества! Не старайтесь подпирать его, или накладывать на него заплатки; наоборот, очистите мѣсто сразу, чтобы потом вам не было помѣх в построеніи новаго, лучшаго общества».

## Глава XX Экспериментальный метод

Когда противникам — добросовѣстным, конечно — анархических идей приходится признать всѣ недостатки нашего общественнаго строя и согласиться с нами, что этот строй нуждается в преобразованіях и что всѣ средства, предлагавшіяся для этого до сих пор, ни к чему не привели, они думают, что дѣлают нам этим громадную уступку. Затѣм, они с полной искренностью начинают искать новых средств для достиженія той же цѣли, а иногда и доходят до признанія того, что анархическое общество — самый высокій идеал, который только можно поставить как цѣль человѣческой эволюціи.

Но здѣсь является затрудненіе: под вліяніем предрасудков, унаслѣдованных от предков и поддерживающихся воспитаніем, средою и инертностью характера, они спѣшат прибавить, что идеал этот неосуществим и навсегда останется в области умозрѣній.

«Как бы общество не было плохо», говорят они, «оно все-таки обезпечивает нам нѣкоторую безопасность, некоторую возможность прогресса, которую революція может у нас отнять. Постараемся лучше усовершенствовать то, что у нас есть; это — путь медленный, но вѣрный».

Если им возражат на это, что есть люди, которые страдают и гибнут от этой якобы-безопасности, от этой якобы-цивилизациі, то они легко согласятся, что буржуазная эксплуатація, дѣйствительно, возмутительна, что ею вполне оправдываются всѣ протесты эксплуатируемых; нѣкоторые даже признают, что революція неизбежна, но спѣшат прибавить, что это очень печально, потому что она может потерпѣть поражение и отбросить нас далеко назад.

«Опредѣлить болѣзнь», говорят они, «конечно нетрудно, но другое дѣло вылѣчить ее. В социологіи же затрудненіе еще гораздо значительнѣе, потому что здѣсь это искусство находится еще в періодѣ дѣтства. Привести к каким-нибудь результатам здѣсь может только рационально-приложенный опытный метод, а анархическія идеи не заключают в себѣ ничего научнаго: это — продукты чистаго умозрѣнія, вытекающіе из очень похвальных чувств, но нисколько не основывающіеся на опытѣ».

С перваго взгляда это разсужденіе кажется вполне логичным; оно даже оказывается совершенно вѣрным в том случаѣ, когда данную болѣзнь знают только по ея внѣшним признакам, а самыя причины ея остаются неизвѣстными. Но когда источник болѣзни открыт, то способ лѣченія ея указать уже не трудно. Если до сих пор медицина колебалась и переходила наугад от одного средства к другому, то это зависѣло от того, что, хотя дѣйствіе даннаго лѣкарства на данное явленіе организма и было извѣстно, но так как одно и то же патологическое явленіе может происходить от различных причин, то лѣченіе, полезное в одном случаѣ, могло оказываться бесполезным или вредным в другом. Вот почему медицина была до нашего времени скорѣе эмпирическим искусством, чѣм наукою. В общественной терапевтикѣ, гдѣ

существовали такие же пробѣлы и такое же незнаніе, люди точно также дѣлали ряд никогда не удававшихся революцій, пытались вводить реформы, никогда не приводившія ни к каким результатам, переходили от одной системы к другой — и все-таки не могли помѣшать ни росту бѣдности, ни эксплуатаціи народных масс.

Люди хотѣли уничтожить послѣдствія, нисколько не задаваясь вопросом о причинах и не затрагивая их; мѣнялся только правительственный ярлык, производилась нѣкоторая очистка в составѣ должностных лиц; когда же оказывалось, что то зло, на которое жаловались раньше и от котораго надѣялись избавиться, снова всплывало, послѣ ничтожнаго перерыва, и продолжало существовать попрежнему, как будто бы никаких измѣненій не произошло, то всѣ начинали удивляться.

Современная медицина поняла, что лучшее средство бороться с болѣзнями, это — предупреждать их, уничтожая, при помощи разумной гигиены, тѣ причины, которыя их вызывают. Анархисты хотят примѣнить ту же точку зрѣнія и к общественной гигиенѣ. Они поставили вопрос о причинах болѣзней, от которых страдает современное общество, нашли их источники и, отказавшись от мысли о всеобщих панацеях, которыя они предоставляют политическим шарлатанам, говорят людям, на основаніи сравнительнаго изученія различных существующих систем и реформ:

«Корень того зла, от котораго вы страдаете, лежит в дурной общественной организаціи; власть и капитал — вот двигатели той машины, которая вас давит. Вы можете сколько угодно мѣнять в ней колеса, преобразовывать и улучшать их; функція этой машины — раздавить вас, и вы будете непременно раздавлены, если не уничтожите самую машину, с тѣми двигателями, которые доставляют ей всю ея силу, — властью и капиталом. Если вы не хотите терпѣть послѣдствій, уничтожьте самую причину».

Когда, послѣ долгих исканій, физиологи открывают источник такой болѣзни, которая прежде была извѣстна только в ея послѣдствіях, то может случиться, что все лечебное искусство окажется от этого перевернутым: больному будет предписываться то, что прежде запрещалось, и, наоборот, запрещаться то, что предписывалось; в политикѣ это называется революціей. Иногда старые рутинеры называют новаторов сумасшедшими, оригиналами, и обвиняют их в том, что они подвергают опасности жизнь больного и не считаются с цѣлым рядом самых вѣроятнѣйших гипотез. И эта вражда будет преслѣдовать их до тѣх пор, пока достигнутые и много раз повторившіеся результаты не заставят, наконец, замолчать рутинеров, не вѣрящих ни во что, кромѣ формул, почерпнутых из прошлаго.

Врач, пробующій новый метод лѣченія, дѣлает в маленьких размѣрах то, что анархисты хотят сдѣлать в больших, по отношенію к цѣлому обществу. Когда он оставляет торную дорогу рутины и пытается приложить новыя научныя данныя, то, если только он увѣрен в своих знаніях, в своей подготовкѣ, в вѣрности своих наблюденій, ему нечего заботиться о преслѣдующих его враждебных криках ретроградов.

То же можно сказать и в социологіи. Виноваты ли анархисты, если наше общество устроено так, что люди не могут дѣлать того, что хотят, не наталкиваясь на какой-нибудь запретительный закон, на какую-нибудь центральную власть, которая увѣряет, что знает лучше самих заинтересованных лиц что им нужно, которая хочет заставить их дѣлать то, что, с ея точки зрѣнія, для них полезно и помѣшать тому, что кажется ей вредным? Общество устроено так, что, чтобы из него выйти, его

прежде нужно разрушить; в таком случаѣ, буржуазіи нечего жаловаться, когда, в своем стремленіи к свободѣ, люди хотят устранить стѣсняющія их учрежденія.

Пользованіе опытным методом предполагает переход от теоріи к практикѣ; но даже при самых точных расчетах в каждом опытѣ останется всегда извѣстная доля непредвидѣннаго, которую робкіе умы и изберут как предлог для отрицанія всякаго нововведенія. Неужели же мы должны осудить себя на застой ради удовольствія рутинеров.

Раз причина болѣзни извѣстна, пусть лучше нож оператора извлечет злокачественную опухоль и уничтожит ее в корнѣ; хирургія каждый день подает нам примѣры смѣлаго удаленія членов или органов атрофированных, паразитных, зараженных гангреной, или вообще могущих стать причиной осложненій. Почему же мы должны колебаться в уничтоженіи того, что всѣми — за исключеніем тѣх, кому существующій порядок выгоден — признано дурным и вредным?

Мы знаем, что на это нам возразят, что с обществом нельзя обращаться как с отдѣльной личностью, что послѣдняя может погибнуть незамѣтно, тогда как общественный переворот может повести к гибели или к шагу назад для всего чело-вѣчества. Затѣм, мы услышим опять о преимуществах медленнаго, постепеннаго дѣйствія посредством проведенія ряда реформ. И это называется опытным методом!

Что бы не говорили наши противники, но эмпириками являются именно они, и их опыт, которым они пользуются уже цѣлыя столѣтія — всѣ их частичныя преобразованія и починки — показывает нам только, что единственныя полезныя реформы, это — тѣ, которыя разрушают самыя учрежденія, лежащія в основѣ общественнаго строя. Но разрушеніе учреждений, это — революція, потому что буржуазія, имѣющая в своих руках власть, будет, пока эта власть у нея, защищать свое существованіе и поддерживающій его порядок вещей. Если только она замѣтит, что всеобщее избирательное право стремится отнять у нея власть, она тотчас же постарается удержать напор народных волн и пустит в ход и чиновничество, и суд, и полицію, и войско. Она позволит только тѣ реформы, которыя не затрагивают учреждений, служащих опорой для ея привиллегій, допустит к употребленію только тѣ лѣкарства, которыя стремятся лишь облегчить болѣзнь, а не уничтожить ея причины. Мы сталкиваемся с этими реформами с тѣх самых пор, как существует всеобщее избирательное право, потому что онѣ постоянно являются в избирательных программах политических партій. Реформы эти таковы, что до тѣх пор, пока онѣ не вышли из области проектов, онѣ обѣщают погрузить рабочаго в океан блаженства; но стоит только им перейти в жизнь, как онѣ в лучшем случаѣ оказываются не приводящими ни к каким замѣтным результатам, а иногда и прямо становятся лишним орудіем порабощенія и эксплуатаціи в руках правящих классов.

Дѣло в том, что современное общество устроено так, что все, что в нем дѣлается прекраснаго и полезнаго, попадает, в концѣ концов, в руки обладателей капитала. Какое-нибудь новое изобрѣтеніе служит только тому, кто имѣет средства его эксплуатировать; какое-нибудь усовершенствованіе, благодаря которому можно производить предметы быстрѣе и экономнѣе, окажется выгодным только для капиталиста, который уменьшит вслѣдствіе этого число рабочих. Часть этих рабочих окажется выброшенной на улицу и увеличит собою армію умирающих с голоду безработных;

другая же будет попрежнему истомляться на той же долгой работѣ, а ея заработок даже упадет вслѣдствіе конкуренціи тѣх, которые окажутся выброшенными за борт.

Вот что нам показывает опыт, вот что нам дали всѣ испробованныя реформы и вот тѣ неотразимые аргументы, которые мы выставяем против всѣх подобных проэктв. Мы можем поэтому с полным правом возвратить упрек в эмпиризмъ тѣм, кто говорит, что анархическія идеи не основываются на опытных данных.

Самое главное возраженіе против анархистов всегда ставилось, впрочем, в такой формѣ: «Конечно, ваши теоріи прекрасны, но онѣ неосуществимы». Но это — не аргумент. Почему же онѣ неосуществимы? спросим мы, а на это нам, вмѣсто всяких доводов, отвѣтят выраженіем ряда опасеній. «В виду недостатков человѣческой природы» скажут нам, «можно опасаться, что люди захотят злоупотребить предоставленной им свободой и перестанут работать»; или: «раз не будет регулирующей власти, может случиться, что болѣе сильные станут эксплуатировать болѣе слабых» и т. д.

Анархисты доказывают, что всѣ эти опасенія напрасны; они говорят, что злая воля личностей и недостатки их характера развиваются и поощряются именно современной общественной организаціей, которая вооружает людей друг против друга, заставляя вести их борьбу за возможность достать себѣ пропитаніе, которое общество доставляет им по большей части очень скупо.

Кромѣ того они говорят — и доказывают, — что всякая общественная организація, основанная на власти, должна неизбѣжно повести к вредным послѣдствіям, потому что власть будет находиться в руках людей, которым свойственны тѣ же недостатки, как и всѣм остальным, а раз люди не умѣют управлять сами собою, то они еще меньше сумѣют управлять другими.

Остается еще послѣднее возраженіе, это — что анархизм до сих пор не доказал своей осуществимости и должен навсегда остаться в области заоблачных мечтаній, потому что он не может осуществиться без насильственнаго переворота, а послѣдній совершенно нежелателен. Но это возраженіе не выдерживает критики.

Неужели же, только потому, что наши предшественники позволяли себя эксплуатировать, мы должны тоже терпѣть эксплуатацію? Неужели, если они позволили поработить себя государству, то и мы должны нести иго власти? Нѣтъ, мы вовсе не хотим отказываться от своего идеала свободы и справедливости, или ждать с его осуществленіем, пока не будет больше трусливых рутинеров, — ради того только, что этот идеал получил свое ясное выраженіе только теперь, а раньше был не больше, как смутным и неопредѣленным стремленіем.

Вы признаете сами, что наш идеал прекрасен; вы соглашаетесь и с тѣм, что для его осуществленія нужно только, чтобы люди дѣйствительно захотѣли этого и выучились поступать соотвѣтственно. Этого с нас пока довольно. Пусть только всѣ тѣ, которые стремятся к этому идеалу, распространяют свои идеи, организуются в группы, держатся сплоченно между собою, а затѣм, когда у них будет достаточно сил, чтобы избавиться от стѣсняющих их учрежденій, пусть устроят свою жизнь сообразно своим влеченіям и симпатіям.

Мы хотим быть свободными, и нам нѣтъ никакого дѣла до трусливых рабов, которые боятся потерять свои оковы и продолжают жаться к своим господам; нам нечего обращать вниманія на их жалобы, тѣм болѣе, что они перейдут на нашу сторону,

как только побѣда окажется за нами. Мы хотим быть свободными и пусть тѣ, кто еще нуждается в господах, устраиваются как хотят; да, впрочем, они обыкновенно провозглашают необходимость власти только для других.

Эмпирики именно тѣ, которые хотят уничтожить послѣдствія, не дотрогиваясь до причин, которые предлагают нам успокаивающія средства, когда нам нужен нож хирурга, которые хотят усыпить больного, в надеждѣ, что его излѣчит сама природа, между тѣм как небольшая операція вѣрно и быстро избавила бы его от болѣзни.

Удивительно, как часто люди успокаиваются словами и какой вѣс вдруг принимают разнаго рода софизмы, когда рѣчь идет о сохраненіи рутины, о борьбѣ с нововведеніями. Нужно двигаться вперед потихоньку и ощупью, — говорят нам, и при этом совершенно забывают, что подобнаго рода несмѣлыя попытки длятся (даже если взять однѣ только латинскія расы) уже около трех или четырех тысяч лѣтъ, что за все это время эксплуатируемые не переставали ждать исполненія все тѣх же обѣщаній, не переставали страстно бороться за все тѣ же желанныя реформы — и ничего до сих пор не измѣнилось в их положеніи. Мы страдаем все от тѣх же болѣзней, а нам предлагают, под предлогом раціональнаго образа дѣйствій, прибѣгнуть для их излѣченія все к тѣм же припаркам.

Человѣческой ум развился, область науки расширилась, промышленность сдѣлала необычайные успѣхи, радости жизни стали утонченнѣе и многочисленнѣе, но кто воспользовался всѣм этим прогрессом? Все то же владѣющее богатством и праздное меньшинство. А кто умирает с голоду, производя все и не пользуясь ничѣм? Все та же обездоленная масса.

С тѣх пор, как в человѣчествѣ создались первыя общества, эксплуатируемые не переставали заявлять о своих жалобах и требованіях, не переставали бороться без усталости, чтобы получить нѣкоторыя уступки, чтобы хоть немного облегчить свое положеніе; они то падали ниц, как рабы, то поднимали голову, как свободные и гордые люди, то просили как нищія, то брали силою; послѣднее происходило тогда, когда бѣдность и гнет доходили до высшей точки и принуждали их к возстанію, когда они предпочитали смерть своему настоящему положенію.

И однако их положеніе не мѣняется. Часто случалось, что эксплуататорам приходилось уступать им мѣста в законодательных собраніях, соглашаться на нѣкоторыя из требуемых реформ, или самим смягчать до извѣстной степени свой экономическій и политическій гнет. Но меньше ли становилось от этого угнетеніе управляемой ими массы? меньше ли эксплуатировался народ? ослабѣвала ли бѣдность? переставало ли богатство с каждым днем все больше сосредоточиваться в руках все меньшаго числа привилегированных?

Предлагать послѣ этого бѣднякам, чтобы они продолжали попрежнему идти эмпирическим путем и ограничивались требованіем поверхностных реформ (потому что тѣ, которыя могут искоренить зло, считаются нежелательными, как могущія довести к революціи) — значит предлагать рабочей массѣ позволить эксплуатировать себя еще неопредѣленно-долгое время, потому что опыт прошлаго показывает нам, что пока не будут измѣнены самыя основы общества, всѣ так-называемыя реформы послужат только в пользу обладателей капитала и власти.

Наши противники — по крайней мѣрѣ, добросовѣстные — сами признают, что современный общественный порядок дурен, что положеніе рабочих в высшей степени

печально, что роскошная и праздная жизнь буржуазии основывается исключительно на их нуждѣ и непосильном трудѣ. Они соглашаются с нами, что такое положеніе не может продолжаться, что революція неизбежна и что сам современный порядок к ней ведет, потому что рано или поздно настанет момент, когда бѣдняк не захочет больше голодать и работать как вол. Но, в таком случаѣ, раз уже столкновение неизбежно, зачѣм тратить силы на то, чтобы стараться его предотвратить? Зачѣм внушать людям надежду на мирный исход, когда мы отлично знаем, что он невозможен?

Это значило бы только играть в руку эксплуататорам, которые стараются усыпить эксплуатируемую массу, чтобы еще лучше поработить ее и еще прочнѣе установить свое господство. Вот еще одно из послѣдствій недостатков нашего современного строя: тот, кто не становится рѣшительно на сторону эксплуатируемых и не принимает всѣх их требованій, оказывается силою вещей на сторонѣ эксплуататоров. Всѣ его добрыя намѣренія, всѣ тѣ добрыя чувства, которыя заставляют его желать уменьшенія наших бѣдствій, превращаются в наркотическія средства, смягчающія острую боль и отдающія бѣдняков связанными по рукам и по ногам в руки эксплуататоров.

Раз уже борьба неизбежна, не лучше ли приготовиться к ней заранѣе, не лучше ли постараться внушить людям наш идеал будущаго, который наши противники сами считают хорошим и только вслѣдствіе рутины не могут признать осуществимым? Не лучше ли сдѣлать так, чтобы в момент революціи люди сумѣли воспользоваться результатами борьбы, которую им придется вести? Пусть они знают тогда, какія учрежденія вредны и должны быть разрушены, пусть не дадут эксплуататорам еще лишній раз обмануть себя.

Не будет ли это рациональнѣе и научнѣе, чѣм терять время на сожалѣніе о том, чему помѣшать мы не можем, и на попытки сохраненія того, что мы сами считаем дурным, но только боимся потерять из страха худшаго?

Логично ли, в самом дѣлѣ, стараться отложить на неопредѣленное время осуществленіе новых идей потому только, что онѣ нигдѣ еще не были приложены на практикѣ и неизвѣстно, что могут дать? Так разсуждать можно только из страха новизны и нежеланія отказаться от привычных понятій; только исходя из этого можно проповѣдовать, что лучше удовольствоваться тѣм, что имѣешь, или пытаться улучшить его, чѣм рисковать попасть в положеніе еще худшее.

Мы можем считать вполне доказанным, что современное общество улучшится только тогда, когда будут преобразованы самыя основы его; отвергать же какую-нибудь идею только потому, что она не доказала своей пригодности на практикѣ, значит разсуждать совершенно противонаучным образом и осуждать человѣчество на полный застой. Новыя идеи всегда оказывались в большем или меньшем противорѣчїи с идеями, господствовавшими в большинствѣ, и всякій раз, когда дѣлалось какое-нибудь новое открытіе, чтобы убѣдиться в его истинности, его приходилось провѣрять на опыте. Если бы такой опыт уже был когда-нибудь сдѣлан в прошлом, это значило бы, что данная идея не нова и что, прежде чѣм добиться этого опыта, ей пришлось уже пережить нѣкоторую борьбу. Она была бы уже тогда совершенно готова к осуществленію в практической жизни.

Возьмем, наконец, простое и много раз приводившееся, но, в сущности, совершенно вѣрное сравненіе: когда у человѣка желтуха, то он не старается улучшить ее, а

хочет совѣм от нея избавиться. Мы гибнем от бѣдности и эксплуатаціи и стремимся освободиться от убивающаго нас ига, что же с нами еще может случиться худшаго?

Я знаю заранѣе, что в отвѣтъ на это мы услышим старую пѣсню об опасности, грозящей прогрессу, о гибели науки во всеобщем катаклизмѣ, о том, что человѣческому уму грозит опасность пойти назад, раз только побѣда достанется народным массам, болѣе грубым и менѣе образованным, чѣм правящіе классы.

Ниже мы покажем, что эти опасенія напрасны; но допустим на минуту их справедливость. Какое значеніе могут они имѣть для тѣх, кто незаслуженно страдает и кому, наконец, страдать надоѣло? Какое дѣло до прогресса и всѣх чудес промышленности тѣм, кого судьба заставляет только быть орудіями их и никогда ими не пользоваться? Что такое наука и всѣ открытія человѣческаго ума, если они должны вѣчно служить только для большаго и большаго порабоженія и отупленія страдающей массы, которой общество отказывает в возможности развитія?

Попробуйте-ка сказать рабочим, что, хотя вы и от души жалѣете об их бѣдственном положеніи и всѣм сердцем сочувствуете их страданіям, но, так как внезапное освобожденіе их может привести к остановкѣ хода прогресса, то они должны примириться с своим непосильным трудом и тяжелою жизнью; что это нужно ради того, чтобы ничтожная кучка ученых изслѣдователей, окруженная другим меньшинством паразитов, поглощающих для своей личной пользы продукты труда всѣх, могла свободно работать над разрѣшеніем научных вопросов. Имѣйте смѣлость высказать ваше мнѣніе, скажите все это тѣм, кто умирает с голоду, чьи силы истощаются в изнурительном, каторжном трудѣ — и вы увидите, как вас встрѣтят.

Напрасно вы будете прибавлять, что их терпѣніе пойдет в пользу.... будущим поколѣніям, что эти послѣднія пожнут плоды самоотверженія предков.... тогда, когда будут, наконец, найдены и приложены полезныя реформы. Бѣдняки отвѣтят вам, что они отказались от христіанства именно потому, что оно обѣщало им рай только послѣ смерти; вы же можете обѣщать лучшее будущее только их потомкам. Они скажут вам, что им надоѣло работать и страдать для других, что они хотят пользоваться плодами своих трудов и страданій не в лицѣ будущих поколѣній, а теперь, — и они будут совершенно правы.

Если вы не хотите гибели прогресса и исчезновенія науки, не сопротивляйтесь требованіям обездоленных масс: вмѣсто того, чтобы стараться сохранить нездоровое и уже разрушающееся зданіе, помогите нам лучше очистить от него почву, чтобы, когда народная волна ударит в мѣшающія ей учрежденія, не раздражать ее понапрасну бессмысленным и несправедливым сопротивленіем. Вмѣсто того, чтобы становиться на сторону защитников прошлаго, пусть всякій человѣкъ, мыслящій и дѣйствительно стремящійся служить развитію человѣческаго ума, перейдет на сторону тѣх, которые не требуют ничего другаго, кромѣ возможности воспользоваться своей долей того счастья и свѣта, созданію котораго они сами содѣйствовали.

Представьте тѣх, кто совершенно несправедливо хочет захватить в свою пользу плоды общаго солидарнаго труда, их собственной участи; пусть представители прошлаго пытаются сколько угодно удержать свои привилегіи, несправедливость которых все больше и больше обнаруживается с каждым шагом человѣческой эволюціи. Если вы таким образом и не предотвратите столкновенія (их упорство дѣлает его неизбѣжным), то, по крайней мѣрѣ, сможете спасти от гибели научныя завое-



ванія, потеря которых была бы, несомнѣнно, огромным вредом для человѣчества. Но помните, что есть люди, которые страдают и умирают с голоду, которые не имѣют возможности развиваться ни физически, ни умственно, которых лишили всѣх тѣх благ, исчезновенія которых вы так боитесь; этим людям надоѣло быть обездоленными и они хотят, наконец, пользоваться этим общим достояніем. Помогите им завоевать эти блага: справедливость требует этого. Это — единственное средство их сохранить. Если же вы этого не сдѣлаете, то пеняйте на себя и свою трусость в случаѣ, если побѣда народных масс поведет к каким бы то ни было катастрофам (если только, дѣйствительно, такая опасность существует).

Послѣднее возраженіе, которое нам дѣлают, заключается в том, что, во всяком случаѣ, в обществѣ замѣчается извѣстный прогресс, что общій уровень нравственнаго и умственнаго развитія рабочаго повышается, его положеніе становится лучше, его потребности возрастают и получают возможность удовлетворенія, что даже самый закон подвергается преобразованіям, и законодательство все болѣе и болѣе приспособляется к требованіям общей пользы.

Посмотрим, насколько и в каких предѣлах всѣ эти положенія вѣрны.

Несомнѣнно, общій уровень развитія рабочаго повысился, его потребности возросли вмѣстѣ с ростом возможности их удовлетворенія; теперь, напримѣр, рабочій<sup>1</sup> ѣст за обѣдом мясо и пьет вино, чего он не мог сдѣлать хотя бы только пятьдесят лѣт тому назад. Но нужно имѣть в виду и то, что одновременно возросла очень сильно и производительность его труда, так что, расходуя гораздо больше сил, он нуждается, для возстановленія их, и в гораздо большем числѣ питательных веществ.

Пятьдесят лѣт тому назад рабочій ходил по воскресеньям в блузѣ и питался овощами и сыром; иногда, в понедѣльник, ему случалось, гдѣ-нибудь за городом, съѣсть жаренаго кролика и выпить нѣсколько бутылок вина, и это считалось уже необыкновенным празднеством, о котором долго помнили и которое, конечно, не повторялось каждую недѣлю. Но за то он не был, в своей мастерской, прикован к быстро движущейся машинѣ, за которой нужно непрерывно слѣдить. Работа была по большей части ручная и дѣлалась не спѣша: рабочій производил, сколько мог. Хозяин был часто товарищем своих рабочих, был не прочь выпить вмѣстѣ с ними и требовал усиленной работы только тогда, когда ему нужно было к сроку сдать спѣшный заказ, в остальное же время они производили сколько могли.

В наше время, рабочій — машина; своих эксплуататоров он по большей части даже не знает. В этом отношеніи, в смыслѣ нравственных условій работы, он, слѣдовательно, проиграл.

Правда, его потребности увеличились и ему нужна теперь такая сравнительная роскошь, без которой он прежде мог обходиться, но это зависит, во-первых, как мы уже говорили, от увеличенія затраты его сил, а во-вторых — от большаго умственнаго развитія. В то время, как внѣшнія условія ставят его на болѣе низкій уровень сравнительно с его эксплуататорами, сам он становится сознательнѣе и лучше умѣет оцѣнивать свое личное достоинство. Он знает теперь, что и эта сравнительная роскошь, и эти болѣе высокія потребности вполне законны, и что он сам приобрѣл на них право собственными силами.

---

<sup>1</sup> Французскій, конечно. Прим. пер.

Да никто и не осмѣлится утверждать, что эти увеличившіеся расходы излишни для рабочаго; никто не рѣшится оспаривать его право на долю участія в пользаніи тѣми благами, созданію которых он содѣйствует. Только у экономистов старой школы может еще хватить глупости и нахальства упрекать рабочаго в непредусмотрительности и говорить ему о бережливости, когда он и так имѣет возможность удовлетворить только ничтожную долю своих потребностей.

Современному рабочему можно тѣм менѣе поставить в упрек развившіяся в нем новыя потребности, что он искупает их в наше время очень тяжелыми лишеніями и что то — очень относительное — благосостояніе, которым он, дѣйствительно, пользовался во время наиболѣе быстрого роста промышленности, теперь составляет в каждом ремеслѣ удѣл лишь небольшого меньшинства привилегированных рабочих. Большинство же принуждено жить на такую заработную плату, которая, если принять во вниманіе безработицу, оказывается нисколько не выше, чѣм пятьдесят лѣтъ тому назад.

Если потребности рабочих увеличились, скажем, вдвое, то за то производительность труда увеличилась в десять раз; повышеніе заработной платы и удешевленіе продуктов позволили им дать удовлетвореніе этим возросшим потребностям; однако, в конечном счетѣ, больше всего воспользовались этим развитіем производства все-таки капиталисты. Новыя потребности рабочаго, нарождающіяся в наше время, уже не могут найти себѣ удовлетворенія, вслѣдствіе безработицы, и он оказывается в положеніи еще худшем, чѣм раньше, так как, помимо его матеріальной нужды, в нем живет кромѣ того сознаніе, что эта нужда — незаслужена, так как он — единственный производитель всего, что потребляется, всего, что дает возможность наслаждаться жизнью.

Он видит, что магазины переполнены товарами, а самому ему приходится сидѣть без работы, и это происходит от того, что он и его семья принуждены лишать себя многого и не могут потреблять столько, сколько им нужно. Он знает, что его нужда зависит именно от тѣх причин, которыя создают богатство его эксплуататоров. Если бы ему предоставили возможность пользоваться всѣми продуктами соотвѣтственно его потребностям и если бы его не принуждали переутомляться ради того, чтобы производить все больше и больше, товары не залеживались бы в складах и не было бы безработицы, во время которой ему и его семьѣ приходится умирать с голоду.

Вот что неизбежно говорит себѣ всякій мыслящій рабочій, когда он наблюдает и обсуждает тѣ явленія, с которыми ему приходится сталкиваться в жизни. Да, рабочій развился и понял цѣну прогресса — того прогресса, который тотчас же исчезает, как только он хочет им воспользоваться; поэтому его болѣе обострившіяся чувства заставляют его теперь страдать от таких причин, которых он прежде даже не замѣчал. А опыт, опять-таки, не только не подает ему надежды на улучшеніе,

но, наоборот, предвѣщает все большую нужду, все болѣе сильный и все болѣе унижительный гнет.

Нам остается еще разобрать вопрос о постепенном усовершенствованіи законов, якобы все болѣе приспособляющихся к интересам общей пользы и к ея охраненію. Но и здѣсь мы не находим ничего, кромѣ пустой приманки: самые лучшіе законы, по самому существу своему, на практикѣ совершенно отклоняются от своей первоначальной цѣли. Уголовный кодекс, как и прежде, падает всею своею тяжестью на

бѣдняка, оставаясь снисходительным и уступчивым по отношенію к классу привилегированному. Закон все также строг к тому, кто украдет у сосѣда кролика, но он все также оставляет безнаказанными банкиров, ворочающих милліонами — биржевых игроков, дѣльцов. «Соединеннаго Общества» или Панама, разных участников операций Март и Рейно, Массе и Берно; попрежнему мошенники, открывающіе розсыпи перца или залежи сахара, могут в полной безопасности дурачить довѣрчивых людей. Если иногда слѣдователь и оказывается вынужденным вмѣшаться в их дѣла и спросить у них кое-каких объясненій, то он не заставляет привести их к себѣ под конвоем двух полицейских, как это дѣлается с анархистами, а сам смиренно является к ним, сознавая всю неумѣстность своего нескромнаго вмѣшательства и, конечно, не дает дѣлу никакого хода. А потом он старается наверстать потерянное, строго осудив какого-нибудь бѣдняка, который за неимѣніем денег, пообѣдает гдѣ-нибудь и не заплатит за обѣд.

Перед законом всѣ равны — это мы прекрасно знаем; но если какому-нибудь пьяному случится оказать хоть малѣйшее сопротивление грубо схватившим его полицейским или даже просто выразить свое недовольство, то его осудят за «оскорбленіе полиціи»; может быть, в участкѣ его звѣрски избьют и оставят на койкѣ полумертвым, но и тогда он должен быть рад, если его при этом еще не осудят за «оскорбленіе дѣйствіем» тѣх же полицейских.

Всѣ тѣ, кому случается бывать в судѣ, отлично знают, что когда человѣка судят за оскорбленіе полиціи или за сопротивление ей, то, как бы не было это обвиненіе ложно, адвокат всегда совѣтует подсудимому не отрицать его, а только просить снисходительности суда, потому что, если подсудимый осмѣливается противорѣчить заключеніям слѣдователя и свидѣтельству полицейских, суд всегда примѣняет к нему высшую мѣру наказанія.

Да, прекрасная вещь закон! Он, несомнѣнно, справедлив в одном отношеніи: это — что если завтра власть перейдет в другія руки, то новые правители употребят его как оружіе против тѣх, кто пользуется им теперь.

Итак, к какой бы области мы не обратились, мы вездѣ увидим, что всѣ наши стремленія подавляются современным общественным строем, что масса оказывается повсюду угнетенной ничтожным меньшинством, которое гораздо больше берет от общества, чѣм само дает ему.

Опасенія, которыя высказываются относительно возможности исчезновенія в будущей революціи нѣкоторых сторон современной жизни, касаются только таких областей, до которых массѣ нѣтъ и не должно быть ровно никакого дѣла. Что же касается положительных знаній, то они могут только выиграть от общественнаго переворота. Не будем же останавливаться перед напрасными страхами и примемся лучше с удвоенной силой за разрушеніе существующаго общества, которое держится еще только благодаря лжи и софизмам!

## Глава XXI Что же будет послѣ?

«А что же будет послѣ?» спрашивают нас иногда наши противники, когда нам удастся, наконец, показать им недостатки нашего современного общественного строя и выяснить, что никакая реформа невозможна при его существовании, что самая лучшая из них неизбежно, в силу самых существующих учреждений, обращается против своей первоначальной цели и только ухудшает положение эксплуатируемых; что всякая реформа, способная действительно улучшить положение рабочего, должна для этого изменить существующие учреждения в самых их основах, а так как правящие классы никогда на это не согласятся, то для ее осуществления все равно придется прибѣгнуть к революціи.

Но эта революція пугает многих связанными с нею потрясениями, а потому, вполне признав болезненное состояние общества, они останавливаются перед этим средством к его изменению.

«Конечно», говорят они, «может быть вы и правы: общество, действительно, плохо устроено и должно измениться. Что касается революціи, то... пожалуй, я ничего не имѣю против нея... но что же будет дальше?»

«А дальше», отвѣчаем мы, «личностям будет предоставлена полная свобода и полная возможность удовлетворения своих физических, умственных и нравственных потребностей. Раз власть и собственность будут уничтожены, раз общество будет основано уже не на борьбѣ интересов, а, наоборот, на самой тѣсной солидарности, раз людям не придется дрожать за будущее и постоянно думать о том, чтобы скопить копѣйку на черный день, — они перестанут смотрѣть друг на друга как на врагов, каждую минуту готовых перегрызться из за куска хлѣба или возможности работать на какого-нибудь эксплуататора. Причины борьбы и вражды исчезнут, а вмѣстѣ с тѣм в обществѣ воцарится согласие».

Будет, конечно, существовать соревнование между различными группами — соревнование в достиженіи лучшаго, в достиженіи той или другой идеальной цели, которая будет все больше и больше расширяться по мѣрѣ того, как стремления личностей будут находить себѣ удовлетворение. Но это соревнование будет вполне мирным, потому что к нему не будет примѣшиваться никакого торгашескаго или правительственнаго интереса; тѣ группы, которыя отстанут от других, всегда смогут воспользоваться плодами дѣятельности болѣе передовых.

В наше время существование бѣдности зависит от того, что торговые склады переполнены товарами, так что, пока они не найдут сбыта, очень многіе рабочіе остаются без работы и голодают; это одно уже ясно показывает нам всю ненормальность современного общественного строя.

В том обществѣ, к которому мы стремимся, будет происходить обратное; чѣм в большем изобиліи окажутся продукты, тѣм легче установится всеобщее согласие, потому что людям не придется высчитывать размѣров своего потребления; чѣм

быстрѣ научатся они производить, тѣм больше будет введено усовершенствованных машин, тѣм меньше будет количество труда, на долю каждаго, и тѣм скорѣе этот труд сдѣлается тѣм, чѣм он должен быть, т. е. необходимой гимнастикой для упражненія мускулов.

В разумно устроенном обществѣ труд должен перестать быть для человѣка тягостью и страданіем, каким он является, благодаря своей чрезмѣрности, в нашем эксплуататорском строѣ. Он должен сдѣлаться ничѣм иным, как одним из занятій в ряду всевозможных других развлеченій и работ — физических и умственных, — которые люди будут выбирать себѣ сообразно своим склонностям и без которых они постепенно превратились бы в простые пищеварительные мѣшки, что не преминуло бы случиться с буржуазіей, если бы ей удалось упрочить свое господство, и. что уже случилось с одним видом муравьев, которые потеряли способность сами кормиться и умирают с голоду, если возлѣ них не окажется рабов.

«Конечно», возражают наши противники, «все это очень хорошо и ваш идеал, несомнѣнно, — высшій идеал, к какому только может стремиться человѣчество; но что вам ручается за то, что все пойдет так гладко, как вы думаете, что сильные не захотят угнетать слабых, что не найдется лѣнтыев, которые предпочтут жить на счет чужого труда? Если напор толпы не будет сдерживаться никакой плотиной, то кто знает, не окажется ли революція шагом назад, вмѣсто того, чтобы быть шагом вперед? А если она будет побѣждена, то не приведет ли это к застою в идеях на какіе-нибудь двадцать, тридцать, пятьдесят, а может быть и больше, лѣт?

Если же вы побѣдите, то развѣ вы сможете помѣшать отдѣльным случаям мести? разве вы сможете всегда сдерживать толпу? И с той, и с другой стороны тогда разгорятся дикія, животныя страсти, свойственныя человѣку, вернувшемуся к состоянію зверя».

Мы отвѣтим на это, что все окружающее неизбѣжно ведет нас к этой революціи; и все обостряющійся экономическій кризис, и все большая трудность жизни, и политическія затрудненія, все усиливающіяся и заставляющія терять голову людей держащих «бразды правленія». Мы придем к этому самой силой вещей, а потому единственное, что нам остается, это — быть готовыми к участию в событіях, чтобы по возможности повернуть их в пользу раздѣляемых нами идей.

Но страх перед неизвѣстностью так упорно сидит в людях, что, вполне согласившись с логичностью и правильностью наших выводов, наши противники все таки продолжают возражать: «Все это так, но все таки лучше было бы дѣйствовать с осторожностью. Прогресс совершается мало-по-малу и сильных потрясеній лучше избѣгать; может быть удастся и так вынудить у буржуазіи кое-какія уступки».

Если бы это говорили только люди упрямые, нечестно относящіеся к дѣлу, сознательно не желающіе убѣдиться, то мы бы просто бросили всякій спор с ними. Но, к несчастью, между ними есть и люди в высшей степени добросовѣстные, но просто захваченные вліяніем среды, воспитанія и привычки видѣть повсюду дѣятельность власти, — люди, которые думают, что все погибло, как только эта власть исчезла с горизонта. Не находя никаких новых возраженій, они тогда невольно возвращаются к первому своему аргументу — что нельзя себѣ представить такого общества, гдѣ не было бы ни законов, ни судей, ни полицейских и гдѣ люди жили бы без всякой борьбы, мирно помогая друг другу.

Что сказать им в отвѣтъ? Они требуют доказательств того, что общество будет функционировать именно так, как мы думаем; мы приводим им доказательства, почерпнутыя из логики фактов, из сравненія и разбора их, но что касается доказательств болѣе осязательных, то их может дать только опыт, а чтобы его продѣлать, нужно прежде разрушить существующее общество!

Нам остается тогда отвѣтить им слѣдующее:

Мы доказали вам, что современный строй вызывает бѣдность и голод, что он держит в невѣжествѣ цѣлый — и наиболѣе многочисленный — класс народа, что он мѣшает развиваться цѣлым поколѣніям, передавая им по наслѣдству всевозможные предразсудки и ложныя понятія.

Мы доказали, что вся современная общественная организація ведет только к эксплуатаціи массы в пользу привилегированнаго меньшинства.

Мы доказали и то, что как недостатки общественнаго устройства, так и развитіе новых стремленій среди рабочих, неизбежно ведут нас к революціи. Что же мы можем прибавить еще? Если нам все равно придется сражаться, то будем же лучше сражаться за то, что кажется нам лучшим и справедливѣйшим.

Окажемся ли мы побѣдителями, или побѣжденными? Этого никто предсказать не может. Но если мы будем ждать с нашими требованіями до тѣх пор, когда будем увѣрены в побѣдѣ, то наше освобожденіе может отдалиться на цѣлые вѣка. Да и не в наших силах управлять обстоятельствами: по большей части, наоборот, они увлекают нас за собою и единственное, что мы можем сдѣлать, это — постараться предвидѣть их, чтобы не быть застигнутыми врасплох. А раз борьба начнется, дѣло анархистов — приложить всю свою энергію для того, чтобы своим примѣром увлечь за собою массу.

Что в готовящейся революціи будут отдѣльные случаи мести, будут убійства, будут даже проявленія дикости — это очень вѣроятно и этого слѣдует ожидать; но можем ли мы эти случаи предотвратить?

Им не только никто не может помѣшать, но даже и *не должен* мѣшать. Если толпа пойдет дальше самих пропагандистов — что-ж! тѣм лучше. Лучше пусть она разстрѣляет тѣх, кто захочет проявить излишнюю сантиментальность, чѣм даст оставить себя ради спасенія нѣскольких жертв: иначе она, пожалуй, позволит удержать себя и тѣм, кто захочет сдѣлать это с цѣлью усмирить революціонный дух или помѣшать ей разрушить нѣкоторыя учрежденія, которыя должны исчезнуть, или ради желанія спасти кое-что из того, что должно быть уничтожено. Раз борьба началась, чувствительность нужно оставить; пусть лучше толпа не довѣряет разным сантиментальным фразерам; пусть она неумолимо разрушит все то, что захочет стать ей поперек дороги.

Все, что мы можем сдѣлать, это — теперь же заявить, что исчезновеніе той или другой личности не должно имѣть значенія для рабочих, что предметом их разрушительной работы должны быть учрежденія, что именно их нужно вырвать с корнем и окончательно уничтожить, не оставив ничего такого, что дало бы им возможность вновь возродиться под другим названіем.

Буржуазія сильна только благодаря своим учрежденіям, да еще благодаря тому, что ей удалось внушить эксплуатируемым, что они заинтересованы в сохраненіи этих учрежденій, и заставить их сдѣлаться их вольными или невольными защитниками.

Предоставленная самой себѣ, она не сможет сопротивляться революціи, да и много ли найдется среди нея людей, которые сдѣлают этого рода попытку? Вот почему отдѣльныя личности сами по себѣ не представляют для нас никакой опасности.

Но если найдутся в момент революціи такія, которыя явятся препятствіем, пусть тогда революціонная буря унесет их; если встрѣтятся отдѣльные случаи мести, то виноваты в этом будут тѣ, кто вооружил против себя массу. Должно быть эти люди сдѣлали много зла, если ненависть к ним не успокоилась на уничтоженіи их класса, на отмѣнѣ их привилегій; пусть же тѣ, которые хотят их защищать, выпутываются из этого положенія, как им будет угодно. Толпа никогда не идет слишком далеко, хотя это иногда и говорят нѣкоторые из ея вожаков, боящіеся нравственной или фактической отвѣтственности.

Отбросим же в сторону глупый сантиментализм — даже если и случится, что гнѣвъ толпы обратится на болѣе или менѣе невинную голову. Чтобы заглушить в себѣ чувство жалости, нам достаточно будет вспомнить, сколько тысяч жертв поглощает теперь ежедневно пасть общественнаго минотавра ради выгоды сытой буржуазіи. И если окажется, что нѣсколько буржуа будут повѣшены гдѣ-нибудь на фонарѣ, убиты на улицѣ или брошены в воду, то они только пожнут то, что сами посеяли. Тѣм хуже для них! Кто не с толпой, тот против нея.

Для нас, рабочих, положеніе дѣл очень ясно: с одной стороны — настоящее, современное общество со всѣми его бѣдствіями, с неуверенностью в завтрашнем днѣ, с лишеніями и страданіями без всякой надежды на улучшеніе, общество, в котором мы задыхаемся, гдѣ наш мозг глохнет, гдѣ мы должны подавлять в себѣ всякое стремленіе к добру, к красотѣ, всякое чувство справедливости и любви к людям; с другой — будущее, идеал свободы, счастья, умственнаго и физическаго удовлетворенія, одним словом — полный расцвѣт нашей личности. Колебаній в выборѣ у нас быть не может. Какова бы ни была судьба будущей революціи и что бы с нами не случилось, ничто не может быть для нас хуже настоящаго положенія. Современное общество стѣсняет нас, мы должны его низвергнуть, и будь что будет с тѣми, кто окажется раздавленным под его тяжестью! Они сами виноваты в том, что хотѣли укрыться у его стѣн, удержаться за его гнилыя подпорки, вмѣсто того, чтобы стать на сторону разрушителей.

## Глава XXII Осуществим ли анархическій идеал?

«В теоріи, ваши идеи очень хороши, но на практикѣ онѣ не примѣнимы: людям нужна власть, которая бы поддерживала равновѣсіе и заставляла их подчиняться общественному договору», — вот возраженіе, которое выставляют против нас сторонники современнаго порядка вещей, когда всѣ другіе аргументы их уже исчерпаны и нам удалось уже доказать им, что при сохраненіи существующаго общественнаго порядка рабочему нечего разсчитывать ни на какое улучшеніе своего положенія.

«Ваши идеи прекрасны, но неосуществимы: человекъ еще не достаточно развит для того, чтобы жить в таком идеальном обществѣ. Для того, чтобы оно стало возможным, нужно, чтобы человекъ был совершенным», говорятъ точно также многіе, вполне искренніе, люди, которые, благодаря рутинѣ и полученному воспитанію, видят повсюду одни только препятствія и не имѣют достаточно убѣжденности, чтобы работать для проведенія в жизнь своихъ убѣжденій.

А затѣм, рядом с открытыми врагами и людьми индифферентными, которые могут стать друзьями, существуетъ еще третья категория личностей, болѣе опасная, чѣм прямые враги. Это — люди, которые заявляютъ себя восторженными сторонниками нашихъ взглядов, которые громко провозглашаютъ, что прекраснѣе нашего идеала быть ничего не может, что современнѣйшій строй никуда не годится, что он должен исчезнуть и уступить мѣсто новому, что такова именно цѣль, к которой должно стремиться человечество и т. д. «Но», прибавляютъ они, «эти идеи пока еще неосуществимы: к ним нужно еще приготовить человечество, нужно еще заставить его понять всѣ преимущества новаго строя». И вот, под предлогомъ большей практичности, они стараются подновить кое-какіе старые проекты реформ, всю бесполезность которыхъ мы уже показали, поощряя такимъ образом, существующіе предрассудки и содѣйствуя ихъ сохраненію. Затѣм, они стараются извлечь из существующаго положенія как можно больше выгод для себя лично, а вмѣстѣ с тѣм ихъ идеал все болѣе и болѣе стусевывается и уступаетъ мѣсто инстинктивному стремленію сохранить настоящее.

К несчастью, конечная цѣль нашихъ стремленій, дѣйствительно, неосуществима сейчасъ же. Наши идеи понятны пока еще для слишкомъ незначительнаго меньшинства, а потому не могутъ еще имѣть непосредственнаго вліянія на ходъ событій общественной жизни. Но развѣ это должно мѣшать намъ работать для ихъ осуществленія?

Если мы убѣждены в ихъ справедливости, то почему же намъ не стараться примѣнить ихъ на практикѣ? Вѣдь если всѣ будутъ говорить: «это невозможно», и на этомъ основаніи покорно склоняться подъ игомъ современнаго общества, то буржуазнѣйшій строй и в самомъ дѣлѣ сможетъ разсчитывать еще на долгіе годы существованія.

Если бы первые мыслители, боровшіеся противъ церкви и монархіи за независимую и разумную мысль и шедшіе за исповѣданіе ея на костеръ и эшафот, думали такъ о



своем идеалѣ, то в нашем обществѣ до сих пор царили бы мистицизм и феодальное право. Если в наше время человек начинает понемногу узнавать исторію своего происхожденія и избавляться от всяких предразсудков относительно божеской или человѣческой власти, он обязан этим только тому, что всегда были «непрактичные» люди, твердо убѣжденные в истинности своих идей и стремившіеся всѣми силами их распространить.

М. Гюйо, в одной из глав своей в высшей степени замѣчательной книги: «Очерк системы нравственности без принужденія и санкціи» развивает ту мысль, что «если человек не поступает соотвѣтственно своей мысли, то это значит, что самая его мысль неполна». Это совершенно вѣрно. Тот, кто вполне убѣжден в справедливости какой-нибудь идеи, не может не стараться о ея распространеніи, о ея проведеніи в жизнь.

Как часто случается, что два пріятеля спорят и ссорятся из-за пустяков только потому, что каждый стоит за свой взгляд и увѣрен в справедливости того, что говорит. Казалось бы, что стоит сдѣлать удовольствіе пріятелю, или просто воздержаться от доставленія ему непріятности? Отчего не пропустить молча мысль, с которой вы несогласны, раз только эта мысль не затрагивает существенных пунктов ваших убѣжденій? Вы так и дѣлаете сплошь да рядом, когда рѣчь идет о предметах, о которых у вас нѣтъ опредѣленнаго мнѣнія; но как только дѣло коснется того, о чем у вас мнѣніе составилось, то, хотя бы это был совершенный пустяк, вы сейчас же вступаете в спор и защищаете свой взгляд даже против лучшаго друга. А если так бывает в вопросах пустяшных, то что же сказать о вопросах и идеях, касающихся будущности всего человѣчества, освобожденія нашего класса, наших потомков и нас самих?

Мы, конечно, вполне понимаем, что не всякій одинаково способен на сопротивление и борьбу, не всякій может проявить одинаковую энергію в дѣлѣ разрушенія существующих учрежденій; не всѣ темпераменты, не всѣ характеры обладают достаточной для этого твердостью. Трудностей так много, лишенія так тяжелы, преслѣдованія так сильны, что мы вполне понимаем, что в дѣлѣ распространенія тѣх идей, которыя мы считаем истинными и справедливыми, должны существовать различныя степени. Но энергія нашей дѣятельности, во всяком случаѣ, всегда будет пропорціональна силѣ первоначальнаго толчка, даннаго нам, и степени нашей вѣры в данную идею. Очень часто вас могут останавливать разныя соображенія, касающіеся семьи, окружающей среды, необходимости сохранить хлѣб насущный; но, какова бы ни была сила этих соображеній, если вы — человек дѣйствительно убѣжденный, они никогда не заставят вас примириться со всѣми совершающимися на ваших глазах безобразіями; придет минута, когда вы отбросите все это в сторону и будете помнить только одно: что вы — человек и что вы мечтали когда то о чем-то лучшем, чѣм то, что вам приходится выносить.

Тот, кто неспособен ни на какую жертву ради убѣжденій, которыя он якобы исповѣдует, в дѣйствительности не имѣет ровно никаких убѣжденій: он просто прикрывается ими, как ярлыком, для вида, потому что в данную минуту они в модѣ, или потому, что он хочет оправдать ими какіе-нибудь дурные поступки; берегитесь довѣряться такому человеку: он вас обманывает. Что же касается тѣх, которые хотят прибѣгнуть к помощи существующих учрежденій якобы для пропаганды новых идей, то это —

не болѣе, как честолюбцы, которые под предлогом будущаго хотят только свободно пользоваться жизнью в настоящем.

Из этого одного видно, что наш идеал не может быть осуществлен сейчас, и мы вполне готовы это признать; но он будет становиться все болѣе и болѣе осуществимым в той мѣрѣ, в которой люди, его усвоившіе, сумѣют приложить к этому свою энергію. Чѣм живѣе будет их пропаганда, тѣм ближе будет и достиженіе цѣли. Если мы будем входить в сдѣлки с существующими учрежденіями, мы не разрушим их; если мы будем прятать наши убѣжденія в карман, мы не добьемся их распространенія.

Чтобы бороться с современным строем и работать для воплощенія в жизнь новых идей, нужна энергія, а эту энергію дает только твердое убѣжденіе. Вот почему тѣ, кто такіа убѣжденія имѣет, должны стараться быть «ловцами людей».

Выше мы показали, что никакія реформы не дѣйствительны в нашем обществѣ; поэтому, проповѣдывать их рабочим значило бы сознательно обманывать их. Мы знаем, с другой стороны, что сами событія неизбѣжно приведут рабочих к революціи, что экономическіе кризисы, безработица, развитіе машинизма, политическія усложненія — все содѣйствует тому, что выброшенный на улицу рабочій оказываетъ вынужденным громким протестом заявлять о своем правѣ на существованіе. А раз уже революція неизбѣжна, раз всѣ реформы ни к чему не служат, то единственное, что нам остается, это — подготовиться к ней. Это именно мы и дѣлаем, когда стремимся идти прямо к цѣли, предоставляя разным честолюбцам создавать себѣ карьеру и обогащаться на счет той самой нужды, которой они якобы хотят помочь.

Здѣсь мы предвидим еще одно возраженіе. «Раз вы сами признаете», скажут нам, «что ваши идеи еще не созрѣли для осуществленія на практикѣ, то вы, значит, требуете от современнаго поколѣнія, чтобы оно жертвовало собою для поколѣній будущих, чтобы оно боролось за идеал, немедленнаго осуществленія котораго вы ему обезпечить не можете?»

Мы вовсе не проповѣдуем никакого самоотреченія; мы только не хотим обольщать себя ложными надеждами и не хотим помогать энтузіастам ими обольщаться. Мы берем факты как они есть, рассматриваем их и дѣлаем выводы; мы видим, с одной стороны, общественный класс, владѣющій всѣм и ни от чего не соглашающійся отказаться; с другой — класс, производящій все и ничего не имѣющій, класс, которому остается или покорно склонить голову перед своими эксплуататорами, потерявъ всякую гордость, всякое чувство собственнаго достоинства, все, что возвышает характер человѣка, и терпѣливо ждать, пока ему бросят кость, или же возстать и рѣшительно потребовать того, чего он не может добиться никакими колѣнопреклоненіями. Для тѣх, кто думает только о себѣ, кто хочет наслаждаться жизнью во что бы то ни стало и какою бы то ни было цѣною, в этой альтернативѣ, конечно, нѣтъ ничего пріятнаго. Таким людям мы посовѣтуем примириться с требованіями современнаго общества и постараться пробить себѣ дорогу, не обращая вниманія на то, что попадаетъ им по пути и не боясь раздавить того, кто может им помѣшать; с ними у нас нѣтъ ничего общаго.

Но тому, кто считает, что его свобода — только тогда настоящая свобода, когда она не нарушает свободы болѣе слабых; тому, кто не может пользоваться наслажденіями, если он знает, что они куплены цѣною слез других, обездоленных, людей — тому

мы скажем, что в признаніи, что для освобожденія нужна борьба, нѣтъ никакого самоотреченія с чьей бы то ни было стороны.

Мы признаем, как несомнѣнный фактъ, что только приложеніе наших идей может дѣйствительно повести к освобожденію человѣчества: его дело — хочет ли оно освободиться сразу и цѣликом, или же всѣми плодами прогресса всегда должно пользоваться лишь незначительное привилегированное меньшинство, на счет тѣх, кто гибнет, производя богатства для других.

Увидим ли мы зарю этого освобожденія? Выпадет ли это на долю современнаго поколѣнія, или того, которое за ним послѣдует, или еще позднѣйшаго? Этого мы не знаем и этим мы не занимаемся. Достиженіе цѣли выпадет на долю тѣх, у кого хватит энергіи и огня в сердцѣ, чтобы настойчиво захотѣть быть свободными.

## Глава XXIII Правда без прикрас

Все сказанное в предыдущей главѣ, несомнѣнно, противорѣчит обыкновенным рѣчам членов различных политических партій, которые всегда общаются золотыя горы и от малѣйшей реформы ждут наступленія земного рая для ея сторонников. Но мы, которые не ждем от увлеченій массы никакой личной выгоды, которые хотим, чтобы она выучилась сама управлять собою, — мы не станем обольщать ее ложными надеждами. Для того, чтобы наша мысль была сильнѣе, и наша дѣятельность имѣла больше значенія, мы должны ясно видѣть путь, лежащій перед нами, не обольщаясь никакими иллюзіями, не останавливаясь ни перед какими предразсудками, которые могли бы заставить нас свернуть с истиннаго пути.

Наши идеи станут приложимыми только благодаря энергіи, с которой люди их усвоившіе будут вести свою пропаганду. Их успѣх зависит от той силы, которую мы сможем отдать в распоряженіе революціи; если же мы до сих пор не прилагаем этой силы, не стараемся сразу перейти от теоріи к практикѣ, то причина этого — мы вполне это признаем — лежит в существованіи различнаго рода препятствій. Если бы наши убѣжденія можно было приложить к жизни сейчас же, то с нашей стороны было бы непрослительным не попытаться этого сдѣлать. Но препятствія существуют, и наше дѣло — не отрицать их, а наоборот узнать, в чем они заключаются, и постараться их преодолѣть. Мы потому именно и ведем пропаганду, что наши взгляды еще нужно стараться проводить в жизнь: если бы они были уже готовы к осуществленію, то для этого достаточно было бы естественнаго хода событій.

Мы должны привыкнуть принимать вещи хладнокровно: не смотрѣть в увеличительное стекло на то, к чему мы стремимся, и, наоборот, в противоположное стекло бинокля — на то, что представляет для нас опасность. Мы ищем правды и если мы будем обманывать себя и других, то ту революцію, которую мы, может быть, вызовем, придется начинать сначала.

Наши противники говорят нам о неосуществимости нашего идеала обыкновенно только тогда, когда у них нѣтъ других аргументов, и этот послѣдній аргумент довольно затруднителен, если не по существу, то по формѣ, потому что в современном обществѣ, наш идеал в самом дѣлѣ может очень легко показаться утопіей. Человѣку, никогда не выходившему умственно за предѣлы существующаго, очень трудно представить себѣ, что можно жить без правительства, без законов, без судей, без полиціи и без всякой другой власти, без каких бы то ни было денежных знаков, когда в наше время людям и так уже трудно столкнуться между собою, несмотря на существованіе законов, которые считаются обыкновенно созданными именно для облегченія соглашеній между людьми.

Мы не можем выставить против этого возраженія никаких фактических доказательств, потому что наш идеал пока еще находится в будущем. Мы можем, конечно, указывать на существующія в современном человѣчествѣ теченія, на разныя частич-

няя попытки осуществленія этого идеала в маленьких размѣрах, но какое все это может имѣть вліяніе на предубѣжденный ум, не идущій в своих стремленіях дальше улучшенія того, что существует?

Совершенно отвергнуть этот аргумент? Это значило бы спрятать, как страус, голову под крыло: возраженіе осталось [бы] все-таки в полной силѣ. Отвѣтить какими-нибудь софизмам[и?] Мы оказались бы в глухом переулкѣ, выйти из котораго мо[жно] только при помощи новых софизмов. От этого рода приѣмов и[не читаемо] никогда ничего не выигрывают. Если мы хотим дѣйствител[ьно] выяснитъ вопрос и отвѣтить на всѣ противопоставляемые аргументы, мы должны сами искать возраженій, должны ст[а]раться вызывать их, чтобы затѣм по возможности найти на них отвѣт. И прежде всего мы должны высказываться ясно и опредѣленно, не пугаясь настоящей правды, потому что мы стремимся именно к правдѣ. Раз мы заявили, что она лежит в основѣ наших идей, мы должны доказать это тѣм, чтобы всегда и повсюду стремиться найти ее.

Мы вполне сознаем, что такое признаніе не имѣет в себѣ ничего особенно привлекательнаго для массы, что оно не может увлечь ее за собою; нѣкоторые из наших товарищей, может быть, даже обвинят нас в том, что, недостаточно скрывая темныя стороны нашего общественнаго міросозерцанія, мы сѣем в наших рядах безнадежность и разочарованіе.

Такой упрек будет ничѣм иным, как слѣдом вліянія различных политических партій. С какой стати мы будем обѣщать то, исполненіе чего от нас не зависит, и готовить, таким образом, реакцію, которая обратится против нас?

Если бы мы составляли политическую партію, стремящуюся к завоеванію власти, тогда, конечно, мы могли бы обѣщать людям все, что угодно, лишь бы только они помогли нам в нашем предпріятіи; но у анархистов дѣло обстоит иначе: нам нечего обѣщать, нечего просить, нечего давать. И когда нам возражают, что наш идеал неосуществим, нам не остается ничего другого, как указать на факты, в которых обнаруживается стремленіе человечества пойти именно по этому направленію, а затѣм вновь показать вытекающія из современнаго строя бѣдствія, ложность его основ и недѣйствительность всѣх реформ, предлагавшихся до сих пор в видах успокоенія умов. Мы скажем затѣм, что перед людьми, в концѣ-концов, стоит все та же альтернатива: или продолжать терпѣть эксплуатацію, или прибѣгнуть к революціи, причем успѣшность этой революціи будет зависѣть от того, насколько сильно они захотят осуществленія идеала, который они признают желательным. Вот все, что мы можем сдѣлать; остальное же будет зависѣть не от нас.

Мы, лично, не сторонники пропаганды при помощи громких — высокопарных или сантиментальных — фраз: онѣ только заставляют людей надѣяться на немедленное исполненіе их желаній, а это — невозможно. Люди входят в движеніе полными огня и энтузіазма, думая, что вот-вот достигнут намѣченной цѣли, а затѣм понемногу разочаровываются и безслѣдно исчезают один за другим. Сколько мы видѣли за послѣдніе десять лѣтъ в наших кружках таких товарищей, которые хотѣли разрушить сейчас же, как Самсон, зданіе храма? А гдѣ они теперь?

Мы хотим дѣлать дѣло менѣе громкое, менѣе блестящее, но болѣе прочное. Мы хотим дѣйствовать не только на чувство людей, но и на их ум, на их логику. Это не значит, что мы относимся отрицательно к пропагандистам, которые, главным

образом, умѣют дѣйствовать на чувство: всякій дѣлает свое дѣло сообразно своим взглядам, своему темпераменту. Но мы ищем, не людей *върующихся*, а людей *убѣжденных*. Пусть тѣ, которые входят в наше движеніе, знают заранее всѣ трудности, с которыми им придется встрѣтиться, они должны подготовиться к борьбѣ с ними, чтобы не впасть в разочарованіе при первой же неудачѣ. Путь наш долог и труден и прежде, чѣм вступить на него, мы должны испробовать силу своей воли и своих мышц: многіе изранят себя о придорожные камни, придется нам иногда оставлять на дорогѣ и трупы товарищей. Пусть тѣ, в ком нѣтъ достаточной силы духа, лучше остаются дома: они только послужат помѣхой для двигающагося вперед отряда.

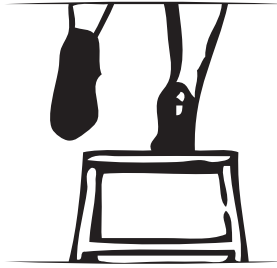
Другой предразсудок, довольно распространенный среди анархистов, состоит в том, чтобы смотреть на массу как на какое-то тѣсто, из которой можно вылѣпить что угодно и которой, поэтому заниматься не стоит. Источник его коренится в том, что люди, сдѣлавшіе, сравнительно с другими, шаг вперед, считают себя какими-то пророками, стоящими выше обыкновенных смертных. «Мы заставим массу сдѣлать то-то, мы поведем ее за собою», говорят они, совершенно уподобляясь в этом любому диктатору. Этот взгляд на массу — ничто иное, как наслѣдіе нашего прошлаго, основаннаго на понятіи о власти.

Мы нисколько не отрицаем вліянія меньшинства на толпу: наоборот, мы именно потому и стараемся дѣйствовать как можно энергичнѣе, что убѣждены в этом вліяніи; но мы думаем, что единственный путь, которым анархисты могут, в момент революціи, повліять на массу, это — практическое дѣло, пропаганда собственным примѣром, который один только может увлечь толпу. При этом нужно имѣть в виду, что такое вліяніе будет возможно только тогда, когда эта масса будет до извѣстной степени подготовлена предварительной, ясной, и опредѣленной пропагандой, когда она сама придет в движеніе под вліяніем воспринятых раньше идей.

И вот, если мы сумѣем надлежащим образом распространить теперь наши взгляды, в этот момент окажется их вліяніе; только при условіи, если мы будем выяснять их и дѣлать доступными для всѣх, можем мы рассчитывать на долю участія в будущем общественном переворотѣ. Тогда нам не придется уже бояться, что за нами не пойдут; единственной опасностью будут тогда, наоборот, тѣ преграды, которыя захотят поставить движенію люди, которые будут считать себя его вожаками.

В революціях толпа всегда идет дальше предшественников движенія. Будем же поэтому как можно шире распространять наши убѣжденія, будем как можно лучше выяснять их, будем даже повторяться, если нужно, — и не будем закрывать глаза на правду. И такая пропаганда не только не оттолкнет людей от нашего дѣла, но, наоборот, привлечет к нему всѣх тѣх, кто жаждет свободы и справедливости.

Библиотека Анархизма  
Антикопирайт



Жан Грав  
Умиращее общество и Анархия  
1906

Сконвертировано 2018-10-2020 из FB2 <https://coollib.net/b/399777>,  
графический оригинал без страниц 26 и 27 доступен на  
<https://archive.org/details/umiraiushcheeob00gravgoog>  
Издание «Черное Знамя»

**[ru.theanarchistlibrary.org](http://ru.theanarchistlibrary.org)**